АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

Д. С. ЛИХАЧЕВ

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1950

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

Д. С. ЛИХАЧЕВ

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1950 · ЛЕНИНГРАД

Под общей редакцией Комиссии Академии Наук СССР
по изданию научно-популярной литературы
и серии „Итоги и проблемы современной науки“
Председатель Комиссии президент Академии Наук СССР
академик С. И. ВАВИЛОВ
Зам. председателя член-корреспондент Академии Наук СССР
П. Ф. ЮДИН

Ответственный редактор
член-корр. АН СССР *В. П. Адрианова-Перетц*

Глава 1

ОТКРЫТИЕ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“, ЕГО ИЗДАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ

Сто пятьдесят лет назад, в 1800 г., вышло первое издание „Слова о полку Игореве“ — лучшего из произведений древней русской литературы, произведения, проникнутого самой нежною и самой сильною любовью к Родине, овеянного теплотою лирического чувства и скрепленного пафосом гражданственности. Значение этого „благоуханного цветка“ (В. Г. Белинский) русской литературы безмерно велико еще оттого, что он стоит в начале того сложного развития литературы, которое впоследствии, с XIV в., привело к образованию литератур трех братских народов: русского, украинского и белорусского. Оно как бы отмечено печатью тех самых качеств, которые с течением веков определили собой лучшие стороны литературы этих народов. На заре древнерусской литературы оно свидетельствует уже о творческих способностях братских народов, о самобытности истоков их культур и служит как бы символом их единства, сохраняя и до сих пор всю силу идеи единения.

Рукописный список „Слова“ был найден в начале 90-х годов XVIII в. известным любителем и собирателем русских древностей А. И. Мусиным-Пушкиным. Текст „Слова“ находился в сборнике древнерусских произведений светского содержания. Кроме „Слова“ этот сборник заключал в себе „Хронограф“, летопись, назы-

вавшуюся „Временник, еже нарицается летописание русских князей и земля Русскыя“, „Сказание об Индийском царстве“, повесть об Акире Премудром и „Девгениево деяние“. Сборник этот был приобретен А. И. Мусиным-Пушкиным через его комиссионера в числе других рукописей у бывшего архимандрита упраздненного в 1788 г. Спасо-Ярославского монастыря Иоиля.

Первое, очень краткое сообщение о „Слове“ было сделано известным поэтом того времени — Херасковым в 1797 г. во втором издании его поэмы „Владимир“. Затем о „Слове“ несколько более подробно сообщил Карамзин в октябрьской книжке за 1797 г. журнала „Spectateur du Nord“, издававшегося французскими эмигрантами в Гамбурге. С рукописи „Слова“ сняты были копии: одна из них, предназначавшаяся для Екатерины II, до нас дошла. В 1800 г. „Слово“ было издано Мусиным-Пушкиным в сотрудничестве со своими учеными друзьями: А. Ф. Малиновским, Н. Н. Бантыш-Каменским и историком Н. М. Карамзиным — тремя лучшими знатоками древнерусских рукописей того времени. В 1812 г. сборник, включавший „Слово о полку Игореве“, сгорел в московском пожаре в доме Мусина-Пушкина на Разгуляе. В доме Мусина-Пушкина сгорела не только рукопись „Слова“ — сгорели и другие рукописи первостепенного значения, как, например, знаменитая пергаменная Троицкая летопись самого начала XV в., которой широко пользовался Карамзин в своей „Истории Государства российского“. Сгорела и бóльшая часть экземпляров первого издания „Слова“.

Нас не должно удивлять, что „Слово о полку Игореве“ дошло до нас в единственном списке. В единственном списке сохранилось и „Поучение Владимира Мономаха“ начала XII в. и „Повесть о Горе Злочастии“ XVII в. До недавнего времени в единственном списке было нам известно и „Слово о погибели Русской земли“ XIII в.; только три года тому назад была найдена еще одна рукопись этого замечательного произведения.

В 1813 г., уже после того как рукопись „Слова“ вместе со всем богатым собранием древностей А. И. Мусина-Пушкина погибла в московском пожаре 1812 г., К. Ф. Калайдович писал А. И. Мусину-Пушкину: „Я желал бы знать о всех подробностях несравненной песни

Игоревой. На чем, как и когда она писана? Где найдена? Кто был участником в издании? Сколько экземпляров напечатано? Также и о первых ея переводах, о коих я слышал от А. Ф. Малиновского". Ответ А. И. Мусина-Пушкина на это обращение К. Ф. Калайдовича является и до сих пор наиболее важным документом для истории открытия и издания „Слова", но, к сожалению, далеко не полным и не ясным. В 1824 г. К. Ф. Калайдович так писал о тех сведениях, которые он собрал по этому поводу от А. И. Мусина-Пушкина: „Что касается до вопросов: на чем, как и когда писана Песнь Игорева? где найдена? и кто был участником в переводе и издании оной? послушаем самого графа, который на сие отвечал мне (т. е. К. Ф. Калайдовичу, — *Д. Л.*) декабря 31, 1813 года, следующее: на чем и когда писана? — Писана на лощеной бумаге, в конце летописи довольно чистым письмом. По почерку письма и по бумаге должно отнести оную переписку к концу XIV или к началу XV века. — Где найдена? — До обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом, управлял оным архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель Словесности; по уничтожению штата, остался он в том монастыре на обещании до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной под № 323, под названием хронограф, в конце найдено Слово о полку Игореве. — О прежних переводах и кто был участником в издании? — Во время службы моей в С.-Петербурге несколько лет занимался я разбором и переложением оныя Песни на нынешний язык, которая в подлиннике хотя довольно ясным характером была писана, но разобрать ее было весьма трудно; потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления; прежде всего должно было разделить ее на периоды и потом добираться до смысла, что крайне затрудняло, и хотя все было разобрано, но я не быв переложением моим доволен, выдать оную в печать не решился, опасаясь паче всего, чтобы не сделать ошибки подобной кн. Щербатову, которой, разбирая грамоту Новгородцев к Яро-

славу, напечатал в оной между прочего (что надеюсь вам известно): «по что отъял еси поле, заячь и Миловцы?».[1] По переезде же моем в Москву, увидел я у А. Ф. Малиновского, к удивлению моему, перевод мой очень в неисправной переписке, и по убедительному совету его и друга моего Н. Н. Бантыш-Каменского, решился обще с ними сверить преложение с подлинником и, исправя с общего совета, что следовало, отдал в печать".[2]

Неудовлетворенный неясным характером этого письма, К. Ф. Калайдович вновь обращался к А. И. Мусину-Пушкину с просьбой точнее определить характер письма рукописи и назвать лиц, видевших рукопись „Слова", но не получил ответа: к этому времени уже начались подозрения скептиков, раздавались разговоры о подделке рукописи, и А. И. Мусин-Пушкин, не понимавший научного значения вопросов К. Ф. Калайдовича, увидел в них, очевидно, все то же подозрительное отношение к нему лично и, может быть, задетый этим, предпочел молчать по существу, жалуясь лишь на несправедливость недоверчивого и подозрительного к нему отношения.

Так, о многом мы и до сих пор остаемся в неизвестности. Прежде всего неясно время открытия „Слова". Очевидно, что покупка „Слова" состоялась не ранее 1788 г., так как в письме А. И. Мусина-Пушкина ясно говорится о том, что покупка была сделана у Иоиля после упразднения Спасо-Преображенского монастыря, а упразднение его состоялось в 1788 г. Вряд ли она была совершена до назначения А. И. Мусина-Пушкина на оберпрокурорский пост в 1791 г., до того как он вообще стал заниматься собиранием рукописей.

Однако рукопись „Слова" была приобретена не позднее 1792 г., так как существовало мнение, основанное, впрочем, на предании, что исторические и филологические примечания (к изданию Мусина-Пушкина) писал известный тогдашний критик Болтин, умерший 6 октября 1792 г. То, что рукопись „Слова" была приобретена

[1] Надо было: „заячьими ловцы" (*Д. Л.*).

[2] К. Ф. Калайдович. Библиографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании Российских древностей гр. А. Ив. Мусина-Пушкина. Записки и Труды Общества истории и древностей при Моск. унив., 1824, ч II.

СЛОВО

О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ, (а)

ИГОРЯ СЫНА

СВЯТЪСЛАВЛЯ,

ВНУКА ОЛЬГОВА.

Не лѣполи ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! начати же ся тъй пѣсни по

ПѢСНЬ

О ПОХОДѢ ИГОРЯ,

СЫНА СВЯТОСЛАВОВА,

ВНУКА ОЛЬГОВА.

Пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ *Игоря*, сына *Святославова!* начать же сію пѣснь по бытіямъ того времени, а не по

(а) *Игорь Святославичь* родился 15 Апрѣля 1151 года; во Святомъ Крещеніи нареченъ *Георгіемъ*; женился въ 1184 году на Княжнѣ *Евфросиніи*, дочери Князя Ярослава Володимировича *Галисъскаго* въ 1185 году имѣлъ онъ сраженіе съ Половцами, а въ 1201 году скончался, оставивъ послѣ себя пять сыновей.

Первое издание „Слова о полку Игореве“, стр. 1.

не позднее 1792 г., доказывает и косвенное указание на знакомство со „Словом“ в статье П. А. Плавильщикова „Нечто о врожденном свойстве дум российских“ в февральском номере журнала „Зритель“ за 1792 г.

Сличение екатерининской копии и издания 1800 г. наглядно показывает, как много не понимали первоначально в „Слове“ из-за естественной для конца XVIII в. неосведомленности в истории русского языка или отсутствия палеографических знаний. То, что сейчас кажется нам простым и ясным в „Слове“, не было „узнано“ его первыми издателями, нагромоздившими на и без того испорченный переписчиками текст „Слова“ свои собственные ошибки прочтения. Но эти же самые ошибки издателей свидетельствуют, вместе с тем, и об их добросовестности как археографов: неумелые, но безусловно добросовестные издатели предпочитали оставлять текст „темным“ произвольному его „просветлению“.

Явное непонимание текста „Слова“ заметно во многих местах первого издания, где неправильно разделены или слиты слова текста (в подлиннике, по свидетельству А. И. Мусина-Пушкина, слова были писаны в сплошную строку). Так, например, в первом издании „Слова“ напечатано раздельно „къ мети“, „по скочи“, „затвори въ Дунаю“, „сице и рати“, „мужа имѣ ся“, „по морию, по сулию“ вместо „къмети“, „поскочи“, „затворивъ Дунаю“, „сицей рати“, „мужаимѣся“, „Поморию, Посулию“. Непонятные им слова первые издатели „Слова“ писали иногда с прописных букв, предполагая в них собственные имена. Так получилось „село в Переяславской области“ — „Шеломянем“ (стр. 10 первого издания). „Кощей“ — якобы собственное имя половца (стр. 22), „Урим“ (вм. „у Рим“) — якобы один из воевод или соратников Игоря (стр. 27), „Чага“, отождествленная с Кончаком (стр. 28), и др. Наконец, первые издатели „Слова“ оставили вовсе без перевода такое ясное для нас место, как: „великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше“ (стр. 36).

Следует, однако, сказать, что не только в деталях, но и в самом общем его содержании „Слово“ не было понято ни его издателями, ни их современниками. Литературная среда конца XVIII — начала XIX вв. искала в „Слове“ по преимуществу соответствий своим

собственным предромантическим вкусам. В „Слове„ искали оссианизм, искали сведений о древних народных „бардах“ и т. п. Вместе с тем, нравственно-патриотическое содержание „Слова“ оставалось совершенно не раскрытым. „Словом“ гордились как произведением, свидетельствующим о существовании своеобразной поэтической культуры на Руси в XII в. Восторженное отношение вызывало упоминание в „Слове“ Бояна, в котором современники видели прежде всего певца типа шотландских бардов; привлекали внимание отзвуки язычества в „Слове“ и приметы существования на Руси собственного Олимпа богов. Однако патриотические призывы автора „Слова“, его теплое чувство родины не находили еще отзвуков; не находили понимания и все типично русские особенности формы „Слова“ — ее соответствие русской народной поэзии, летописи, произведениям древней русской литературы.

Таким образом, в конце XVIII — в начале XIX в. ни русская филологическая наука, ни русская историческая наука, имевшая самые смутные представления о XII в., ни самые литературные вкусы русского общества не были подготовлены для понимания текста, формы и содержания „Слова“. Меньше всего могли понять „Слово“ его ближайшие издатели — Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский, — скрупулезные, педантично-честные и аккуратные архивисты.

Вскоре после первого издания были открыты веские подтверждения подлинности „Слова о полку Игореве“.

К. Ф. Калайдович открыл в псковском пергаменном Апостоле 1307 г. приписку, оказавшуюся переделкой одного места в „Слове о полку Игореве“ (см. ниже, стр. 148). Р. Ф. Тимковский нашел „Задонщину“ (опубликована в 1829 г.) — произведение конца XIV или начала XV в., в котором оказались явные свидетельства знакомства ее автора со „Словом о полку Игореве“.

А. С. Пушкин, занимавшийся переводом „Слова“, но не успевший закончить своей работы, верно почувствовал связи „Слова“ с устной народной поэзией. Вслед за Пушкиным эти народные основы „Слова“ были тщательно изучены М. А. Максимовичем.

Постепенно „Слово“ оказалось вставленным в широкую историческую перспективу. Получили верное

истолкование политические идеи „Слова“, его смысл. Объяснились многие явления языка „Слова“, казавшиеся непонятными в конце XVIII — начале XIX в.

„Слово“ изучалось литературоведами, поэтами, лингвистами и историками. „Слово“ переводили В. Жуковский, А. Майков, Л. Мей, многие другие русские поэты.

Не было ни одного крупного русского ученого филолога, который не писал бы о „Слове“. „Слово“ стало фактом русской науки и русской литературы: интерес к „Слову“ стимулировал занятия русской литературой XI — XIII вв., историей русского языка и палеографией. Поэтические элементы „Слова“ отразились в русской поэзии и в русской литературе на протяжении полутораста лет.

Всего в исследовательской литературе насчитывается более 700 работ о „Слове“. Оно было переведено на большинство западноевропейских языков (французский, английский, немецкий, голландский, датский, венгерский, итальянский) и на все славянские (чешский, болгарский, словенский, сербский). Дорогие, великолепно исполненные и тщательно комментированные издания „Слова“, вышедшие в странах народной демократии, говорят о напряженном интересе к „Слову“.

В Советском Союзе изучение „Слова“ за последние годы было особенно плодотворным для уяснения его идейного содержания и исторической основы (работы акад. Б. Д. Грекова, М. Д. Приселкова и др.). Был тщательно изучен язык „Слова“ (в работах акад. С. П. Обнорского). Немало появилось популярных изданий и исключительно много переводов на современный русский язык и на языки народов Советского Союза.

Глава 2

ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ РУСИ XII В.

„Слово о полку Игореве“ с гениальной силой и с гениальной проникновенностью отразило в себе главное бедствие своего времени — отсутствие политического единства Руси, вражду князей между собою и — как следствие — слабость ее обороны от все усиливавшегося нажима кочевых южных и восточных соседей Руси.

Это отсутствие политического единства Руси было прямым следствием ее феодализации. Образуется множество феодальных „полугосударств“ — княжеств, вступающих во вражду между собою, оспаривающих друг у друга владения. Единое в X — начале XI в. Киевское государство в XII в. распадается окончательно.

Этот распад Киевского государства был вызван новыми экономическими и политическими условиями, создавшимися в связи с ростом производительных сил в местных феодальных центрах. Феодальное дробление закономерно вызывалось развитием изолированных и замкнутых хозяйств — княжеских, боярских или церковных. Каждое из этих хозяйств было вполне самостоятельным комплексом угодий, группировавшихся вокруг двора феодала. Экономические связи между отдельными хозяйствами были слишком слабы. Поэтому рост этих отдельных хозяйств усиливал разделение, вел к экономическому, а затем и политическому дроблению Руси.

Политическое дробление Руси началось уже в первой половине XI в. при Ярославе Мудром. Первой обособилась Полоцкая земля, оставшаяся во владении Изяслава — сына Владимира Святославича от его первой жены, полоцкой княжны Рогнеды. Впоследствии это обособление Полоцкой земли повело к нескончаемым междоусобным войнам между полоцкими князьями и остальными русскими князьями — потомками Ярослава Мудрого. Всеслав Полоцкий всю жизнь воевал с сыновьями Ярослава, и эта вражда всеславичей и ярославичей продолжалась и во второй половине XII в., спустя столетие, вызвав в „Слове“ гневную обличительную тираду: „Ярославли и вси внуце Всеславли (т. е. потомки Ярослава и потомки Всеслава)! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени (обе стороны признайте себя побежденными). Уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю“.

Смерть Ярослава Мудрого повела к дальнейшему разделению Русской земли. По завещанию Ярослава его старший сын Изяслав получил Киев, следующий, Святослав, — Чернигов, Всеволод — Переяславль, Игорь — Владимир Волынский, Вячеслав — Смоленск. В конце XI в. Черниговское княжество окончательно закрепляется за сыном Святослава Ярославича — Олегом и его потомством.

Это обособление Черниговской земли и закрепление ее за потомством Олега Святославича явилось таким же трагичным, как и закрепление Полоцкой земли за потомством Всеслава. Олег Святославич всю жизнь враждовал с Владимиром Мономахом, а впоследствии вражда потомства Олега — „ольговичей“ — и потомства Мономаха — „мономаховичей“ — наполняет своим шумом весь XII и первую половину XIII в. Этого Олега Святославича автор „Слова о полку Игореве“ прозвал Олегом Гориславичем, правильно указав в нем одного из тех князей, от которых „сѣяшется и растяшеть усобицами“ Русская земля.

Обособление отдельных земель как наследственных княжеских владений было признано при Владимире Мономахе на Любечском съезде князей в 1097 г. Одно

из решений гласило: „Каждо да дѐржит отчину свою“ („пусть каждый владеет землею отца“).

Решение Любечского съезда, признавшего разделение Русской земли, не привело, тем не менее, хотя бы к временному соглашению князей. Решения Любечского съезда были тотчас же нарушены. Один из князей — Василько Теребовльский — был вероломно схвачен двумя другими и ослеплен. Начались княжеские раздоры. Призывая к единению, народ киевский обратился к Владимиру Мономаху со словами: „Молимся, княже, тобе и братома твоима, не мозете погубити Русьскые земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании (язычники — половцы) имуть радоватися, и возмуть землю нашю, иже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрьствомь, побарающе по Русьскеи земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую“. Этот призыв народа к князьям был на устах у каждого поколения русских людей, в каждом княжестве, в каждом городе.

Галичина, Рязань, Смоленск, Владимир Волынский, Владимир Залесский, Ростов, Новгород — все эти областные центры решительно стремятся к политической самостоятельности, уходят из орбиты влияния слабеющего золотого киевского стола, замыкаются в своих эгоистических местных интересах, вступают в борьбу друг с другом, князья про малое говорят „се великое“ и погрязают в бесконечных братоубийственных войнах. Отходят в прошлое времена политического единства и внешнего могущества Руси.

Междоусобная борьба князей была трагически осложнена нависшей над Русью половецкой опасностью. Кыпчаки, а по-русски половцы, народ тюркского происхождения, занял степи между Волгой и Днепром еще в середине XI в. Они представляли собой такую мощную военную силу, что не раз грозили самому существованию Византийской империи. Последняя не раз обращалась за помощью против половцев к русским князьям. Русским князьям не раз удается одержать крупные победы над половцами, однако внезапные набеги половцев разоряли мирное население русских сел и городов. Половцы уничтожали сельское хозяйство, грабили города, избивали и угоняли в рабство жите-

лей. Быстрая степная конница не знала естественных преград на чрезвычайно растянутых южных и юго-восточных границах Руси — открытых, доступных, трудно оберегаемых. Бескрайнее „дикое поле“, „страна незнаема“ в приливах и отливах степных кочевников готова была поглотить многочисленные очаги русской культуры. Волны степных набегов разбивались о стойкое сопротивление разрозненных княжеств. Часть половцев оседала на пограничных землях и под именем „ковуев“ и „своих поганых“ (т. е. „своих язычников“) постепенно включалась в мирное влияние русской культуры. Но раздоры русских княжеств создавали удобные проходы для новых вторжений. Князья призывали половцев себе в помощь, расшатывая тем самым веками слагавшееся здание русской независимости.

Так эпохе феодальной раздробленности, естественной в историческом развитии всех народов, был неожиданно придан страшной половецкой опасностью острый трагический характер.

Вся беспокойная и тревожная деятельность русских князей была отражением противоречий своей эпохи. Было бы наивным представлять себе, что феодальные распри русских князей были обусловлены их личной неуживчивостью, их ограниченностью. Среди русских князей — героев „Слова о полку Игореве“ — мы знаем многих, отличавшихся выдающимися способностями и образованием, умевших порою подняться и до осознания общерусских интересов в целом, но в силу исторических причин редко удерживавшихся подолгу на этой общерусской точке зрения.

Одна из самых характерных фигур эпохи — Рюрик Ростиславич — „буй Рюрик“ „Слова о полку Игореве“. Это был беспокойный и деятельный, по-своему блестящий князь XII в. Предприимчивый и смелый, гостеприимный и запальчивый, „мудролюбивый“ и непостоянный, Рюрик провел всю свою жизнь в походах на половцев и в феодальных распрях, сражался и за Русь, и за свои личные интересы. Семь раз добивался он киевского „золотого стола“ и дважды добровольно его уступал своим побежденным соперникам. Несколько раз Рюрик являлся инициатором походов соединенных сил русских князей против половцев, но в 1203 г.

подверг Киев вместе с половцами такому страшному разгрому, который по последствиям уступал только его опустошению ордами Батыя. Он был одним из образованнейших людей своего времени и обладателем закаленной в боях дружины. Его покровительству и инициативе обязаны мы составлением летописного свода 1200 г., сохранившего в своем составе киевскую летопись XII в. — одну из лучших по своим литературным достоинствам русских летописей, — богатую событиями, богатую по языку, полную деталями княжеского и дружинного быта — звоном оружия, честью и славой Руси. Летопись эта читается ныне в Ипатьевской летописи за годы 1118—1200. До страсти преданный искусству, Рюрик, по выражению летописи, имел „любовь несытну о зданьих". Его зодчим и личным другом был знаменитый „художник" Петр Милонег. В 1205 г. Рюрик был насильно пострижен в монахи Романом Мстиславичем Волынским. В том же 1205 г. Рюрик сбросил с себя монашескую рясу и в последний раз сел на Киевском столе. В 1210 г. он, повидимому, добровольно уступил киевский стол Всеволоду Чермному и умер в 1215 г. на княжении в Чернигове.

Не менее интересен и другой князь, к которому обращается автор „Слова" с призывом „прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти", — Всеволод Юрьевич Суздальский, по позднейшему прозвищу „Большое Гнездо". Это был выдающийся политический деятель своего времени, один из самых сильных князей Руси XI—XIII вв. По словам летописца, Всеволод „много мужествовав и дерзость имев на бранех показав"; „сего имени токмо трепетаху вся страны и по всей земли изыде слух его". Всеволод вел неустанную борьбу с боярством за укрепление княжеской власти. Его боялись и слушались прочие русские князья: князья-соседи и князья далекой южной Руси. Он первым из владимирских князей принял титул „великого князя" и стремился утвердить за Владимиром Залесским значение центра Руси. Он обстроил Владимир замечательными зданиями, „не искав мастеров от немец". При нем был построен во Владимире княжеский дворец с придворным Дмитриевским собором, знаменитым своими „при-

лепами“ — скульптурными украшениями, и расширен Успенский собор.

Любопытен и другой князь, к которому также обращался автор „Слова“, — тесть Игоря Ярослав Осмомысл. Он был князем богатого Галичского княжества и вел постоянную борьбу с местным очень сильным галичским боярством. Его княжение казалось могущественным для всех окружавших его стран, однако он не раз принужден был смиряться перед собственным боярством. Его любовницу Настасью бояре сожгли на костре. Его любимого сына от этой Настасьи бояре выгнали после смерти Ярослава из Галича. Этот князь „один худою своею головою, ходя удержал всю Галичскую землю“. Он принимал у себя византийского императора Андроника Комнина, который по возвращении велел в построенном им дворце написать сцены из его прошлой жизни и, между прочим, различные эпизоды охоты на зубров („туров“) во время своего пребывания у Ярослава. Летописец так его характеризует: „бе же князь мудр и речен языком, и богобоин, и честен в землях и славен полкы“.

Но, может быть, самой любопытной фигурой на горизонте Руси конца XII в. был Роман Волынский — „буй Роман“ „Слова о полку Игореве“. Это был отважный и неутомимый князь, хозяин и устроитель своих владений. Упорной борьбой он добивается соединения своего наследственного Владимиро-волынского княжества с богатым соседним княжеством Галичским. Он пренебрегает Киевом, обращая, в конце концов, Киев в окраинный форпост своих сильных галицко-волынских владений. Твердой рукой сдерживает он распад юго-западной Руси и направляет свои главные удары против могучего галичского боярства. „Не передавивши пчел, меду не есть“, — говорил он о боярах и уничтожал одних из них в открытой борьбе, других — хитростью, не стесняясь прибегать к обману. Он наводил ужас на окрестные народы: половцев, литву, ятвягов и поляков. Его именем, говорилось в народе, половцы пугали своих детей. Летопись пишет о нем, что он устремлялся на поганых, как лев, сердит был, как рысь, губил их, как крокодил, проходил через землю их, как орел, храбр же был, как тур. Только один Влади-

мир Мономах мог сравниться с ним в победах над половцами. Первый же поход Романа на половцев, по словам византийского историка Никиты Хониата, заставил их спешно покинуть пределы Византии, где они угрожали самому Константинополю. Завоевывая окрестные земли, он переустраивал их хозяйственную жизнь. Он заставил побежденных литовцев расчищать леса под пашни, корчевать лес и заниматься земледелием. Литовцы много лет спустя говорили о нем: „Роман, Роман, худым живешь, Литвою орешь“. Имя Романа было хорошо известно во всех европейских странах. Его послов видели в Константинополе. Его богатые пожертвования попали даже в саксонский монастырь св. Петра в Эрфурте, где находился крупный центр международной торговли. Он приютил у себя византийского императора Алексея III Ангела после изгнания его крестоносцами из Константинополя. Западноевропейские источники постоянно называют его „королем Руси“. Русские летописи называют его „самодержцем всея Руси“ и „царем“. Папа Иннокентий III предлагал ему королевскую корону под условием признания его власти, но Роман отверг его предложение. Роман погиб при походе в Польшу 19 июля 1205 г. Польские средневековые историки приписывали ему намерение завоевать Люблинские земли. О его смерти так записано во французской хронике XIII в.: „Король Руси, по имени Роман, выйдя за пределы своих границ и желая пройти через Польшу в Саксонию... по воле божьей убит двумя братьями, князьями польскими, Лешком и Конрадом, на реке Висле“. Польский хронист XV в. Длугош говорит, что Лешко и Конрад в благодарность за победу над Романом посвятили алтарь в краковском соборе святому Гервазию и Протасию, в день памяти которых был убит Роман. Таково было впечатление от смерти этого неукротимого и могущественного князя.

Менее ясно выступает по летописи главный положительный герой „Слова“ — князь Святослав Киевский, двоюродный брат Игоря и Всеволода Святославичей. Святослав Всеволодович провел бурную жизнь. В 1141 г. он получил в княжение Туров. Затем до 1146 г. княжил во Владимире Волынском. Вскоре затем в Север-

ской земле несколько лет деятельно поддерживал Святослава Ольговича — отца Игоря Святославича — в его борьбе с мономаховичами. Тогда, повидимому, и установилось у Святослава нежное и отеческое отношение к Игорю. После смерти Изяслава Мстиславича Святослав получил в княжение от Ростислава Мстиславича Туров и Пинск. С 1158 по 1164 г. Святослав княжил в Новгороде Северском, откуда перешел на княжение в Чернигов. В 1174 г. Святослав осаждал Киев. Во время смут во Владимире Суздальском после смерти Андрея Боголюбского Святослав поддерживал его брата Всеволода Юрьевича и Михалку. С 1180 г. Святослав надолго утвердился в Киеве, но владел только Киевом. Остальные города киевского княжества были подчинены Рюрику Ростиславичу. Совместно с Рюриком Святослав организовал несколько объединенных походов русских князей на половцев, из которых особенно успешным был тот самый поход 1184 г., в котором не успел принять участие Игорь Святославич (см. стр. 50). Возрастающему влиянию Всеволода Юрьевича Владимиро-суздальского Святослав пытался оказать сопротивление, но безуспешно. Умер Святослав в 1194 г. Данные исследования выстроенного Святославом в Чернигове Благовещенского собора позволяют говорить о своеобразной школе зодчества Святослава Всеволодовича, воскресившей архитектурные традиции единой Руси XI в. Таковы некоторые внешние данные его биографии, за которыми кроется трудная, бурная, обильная событиями жизнь незаурядного, умного и деятельного русского князя XII в.

Итак, ко времени создания „Слова о полку Игореве“ на Руси не было недостатка ни в энергичных и способных князьях, ни в самых попытках восстановить единство Руси. Беда Русской земли заключалась в том, что деятельность этих князей не была согласована, князья по-разному понимали свои задачи, стремясь в первую очередь к укреплению своего княжества; вместе с тем на каждого из князей, стремившихся к единству Руси, приходилось до десятка князей, забывавших все и вся ради достижения своих эгоистических целей, головой пробивавших себе дорогу к золотому Киевскому столу и настолько запутывавших политиче-

ское положение своими „которами", что ввергали в водоворот усобиц даже и тех из русских князей, которые, казалось бы, способны были подняться до осознания патриотических задач. Необходим был отрезвляющий голос, чтобы вернуть лучших из русских князей к сознанию своего патриотического долга и координировать их усилия.

На страже интересов всей Русской земли издавна стоял трудовой русский народ. Мы уже приводили призыв киевлян к русским князьям прекратить раздоры и крепко оберегать Русскую землю от внешних врагов. Но еще раньше народ неоднократно выступал как инициатор обороны Руси. Когда в 1016 г. Ярослав, разбитый Святополком и Болеславом, прибежал в Новгород и собирался бежать дальше за море, новгородцы иссекли ладьи Ярослава, чтобы не дать ему убежать, собрали войско и сказали: „Хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополкомь". В 1068 г. Изяслав Ярославич был разбит половцами и прибежал в Киев; киевляне собрали вече на торговище и послали сказать князю: „Се половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними".

Если бы летописцы XII в. больше уделяли внимания нуждам трудового населения Руси, они наполнили бы листы своих летописей многочисленными фактами аналогичных обращений горожан и крестьян к своим князьям с тем же призывом „постеречи Земли Русскыя".

Как мы увидим ниже, выразителем этих идей трудового народа Руси явился автор „Слова о полку Игореве". Он обратился с тем самым призывом, который не сохранили нам летописцы, но который был очевидно на устах у всех тех, кто страдал и от княжеских усобиц, и от нападений внешних врагов Руси.

Глава 3

КУЛЬТУРА РУСИ ВРЕМЕНИ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

„Слово о полку Игореве“ — не одинокий памятник русской культуры XII в. „Слово“ как гениальное произведение органически вырастало из своего времени, не только не было оторвано от культурного развития второй половины XII в., а, наоборот, было тесно с ним связано, — как связан цветок с почвой, с окружающим его светом, воздухом, с окружающими его растениями.

Высокий уровень русской культуры XII в. был тем воздухом и светом, который окружал „Слово о полку Игореве“. Рядом с ним росли его спутники — прекрасные создания русского зодчества конца XII в. — во Владимире, в Чернигове, в Новгороде, в Старой Ладоге, в Пскове и т. д. Рядом с автором „Слова“ работали превосходные русские ремесленники, художники. „Слово о полку Игореве“ родилось в обстановке повышенного интереса к художественному слову, в обстановке оживленной деятельности разнообразных местных литературных школ, в обстановке развития разнообразия литературных жанров.

Две черты особенно ярко характеризуют культуру конца XI — начала XIII вв. сравнительно с предшествующей культурой Руси X — первой половины XI в. Первая черта — это обилие и своеобразие местных культур, своеобразное отражение в русской культуре феодального дробления. Вторая черта — это интенсивный рост народных основ русской культуры.

Чем обусловлено различие в культуре отдельных областей периода феодальной раздробленности? Прежде всего, различной расстановкой классовых сил в этих областях — в Новгороде и во Владимире Залесском, в Галиче и в Киеве. Экономическая раздробленность Руси и связанная с нею политическая раздробленность вела к замкнутости отдельных культурных миров, к их отъединенности друг от друга. Однако размежевание Русской земли границами отдельных феодальных полугосударств-княжеств, замкнутость их культур не могли создать сами по себе качественных различий. Качественные различия отдельных областных культур, отличия в самом характере их возникали в связи с тем, что в каждом из замкнутых феодальных полугосударств создавались свои, собственные условия для развития культуры. Каждое из самостоятельных полугосударств отличается своей расстановкой классовых сил. Огромное значение приобретает вопрос, чьим интересам служит культура — князьям, боярству, купечеству, духовенству и т. д.

Однако проникновение народных, местных черт в культуру верхов феодального общества сглаживает все эти областные различия. Творчество народных мастеров в Рязани и во Владимире, в Галиче и в Новгороде было в основе своей общим, тем же самым. Устное народное творчество, народные исторические и лирические песни были повсюду теми же. Русский язык, несмотря на диалектные различия, был понятен повсюду. И это в первую очередь обусловливало рост единства русской культуры.

Во все усложняющемся культурном развитии Руси растут областные различия, но растет и самобытная единая основа русской культуры. Различия по большей части поверхностны, „официальны", возникают на основе конкуренции и борьбы внутри господствующих классов. Единство же опирается на более глубокие основы — оно обусловлено творчеством трудовых масс населения.

Влияние деревянной народной архитектуры на каменную, влияние деревянной резьбы на скульптурные украшения храмов во Владимире и в Галиче, проникновение в живопись народных вкусов к яркости и к элементам реалистичности, проникновение в литературу устных форм

русской речи — все это хотя и проявлялось в различных областях Руси по-различному и поэтому внешне, казалось, усиливало областные различия, на самом же деле в конечном счете вело к росту элементов единства.

В конечном счете тенденции единства возобладали над тенденциями дробления. Кем бы ни были заказчики, подлинными творцами культуры были непосредственные выполнители заказов знати: русские ремесленники, каменщики, строители и т. д., т. е., в конечном счете, трудовое русское население. Именно от них, от выполнителей, шли технические изобретения, всякого рода новшества, все прогрессивное, самобытное и подлинно народное. Вкусы же заказчиков диктовались по преимуществу традициями и трафаретом, стремлением затмить пышностью соседей или подражать византийскому двору.

Русские мастера, непосредственные выполнители заказов знати, вносят свои вкусы, свои технические приемы, а отчасти и свои идеи в выполняемые ими произведения. Это сказывается и в ремесле, и в зодчестве, и в живописи, и в литературе. Вместе с тем и самое народное начало, которое вносится русскими мастерами в их искусство, не остается неподвижным, — оно также развивается, растет, крепнет под влиянием роста производительных сил страны. Развивается не только техника ремесла, растет грамотность широких масс населения (надписи начинают встречаться на многих бытовых предметах, — на шиферных пряслицах, гончарных изделиях и т. д.), растет фольклор, растет общественная активность горожан и крестьянства. Тем самым создаются благоприятные условия для развития самобытности культуры Руси. Рост этих самобытных черт в конце концов приведет к образованию национальных культур — одного из необходимых элементов складывающихся наций.

Меньше других областей местные черты и местную замкнутость выработала в себе культура Киева XII в. Киев в XII в. оставался центром Русской земли — если и не реальным, то, во всяком случае, идеальным. его продолжали считать центром Русской земли даже и тогда,

когда он фактически им перестал быть. Вместе с тем князья черниговские и смоленские, галицкие и владимирские приходят сюда, на золотой киевский стол, со своими военными дружинами и дружинами строителей, со своим двором и своими летописцами. Князья эти то строят в Киеве свои здания, то жестоко его опустошают, перевозя из него в свои княжества предметы искусства и книги. Киев как бы находился в центре того нивеллирующего движения, отчасти сглаживавшего областные различия, которое создавало непрестанное перемещение русских князей из одной области в другую.

Упадок политического значения Киева сказался прежде всего в архитектуре. В XII в. в Киеве и вокруг Киева строятся церкви значительно меньших размеров, чем во времена Ярослава, его сыновей и внуков. Архитектурные формы этих церквей упрощены, богатое внутреннее убранство мозаиками исчезает, заменяясь более дешевыми фресками. Из многочисленных церквей этого времени известно не много: церковь Успения на Подоле в Киеве (1131—1132 гг.), церковь Кирилловского монастыря в Киеве (1140 г.) и некоторые другие, известные по фундаментам в раскопках археологов. Живопись Киева изучена еще слабее. В очень плохой сохранности дошли до нас фрагменты фресок Кириллова монастыря.

Зато значительно ярче представлено ремесло Киева. Раскопки последних лет вскрыли картину состояния Киева в момент его разрушения ордами татаро-монголов и выявили в нем наличие ремесленных мастерских, позволивших уточнить картину русского ремесленного производства.

В XI—XII вв. в Киеве развивается производство тончайших перегородчатых эмалей, требовавших от русских мастеров исключительного искусства и художественного чутья. По замечанию исследователя ремесла древней Руси Б. А. Рыбакова: „Как в эмальерном деле, так и в смежных с ним киевские мастера были выше своих западноевропейских современников (на Западе, например, не была еще известна техника пастилажа — накладывания рельефного эмалевого рисунка на керамику, хорошо разработанная киевскими мастерами)“

(„Ремесло древней Руси“, стр. 396). Не имели себе равных русские мастера и в технике зерни и скани, в изготовлении тончайших литейных форм.

Как в Киеве, так и в других центрах русского ремесла, число которых беспрерывно растет, количество ремесленных специальностей значительно увеличивается, достигая в некоторых городах 60. Растут усовершенствования в технике ремесел. Увеличивается массовость продукции; и эта массовость продукции разрушает первоначальную замкнутость ремесел. Пряслица из розового шифера, изготовлявшиеся под Киевом в Овруче, распространяются по всему лицу Русской земли — вплоть до далекой Ладоги. Часть русской ремесленной продукции вывозится в Западную Европу, — например замки́, известные в Чехии и в других странах как „русские замки“.

Развитие ремесла идет рука об руку с развитием в нем самобытных, народных начал: „В художественном отношении мир образов, созданных русскими мастерами, — пишет Б. А. Рыбаков, — представляет интереснейшую и своеобразную страницу в истории общеевропейского ремесленного искусства. В камне, в эмали, на серебре и кости русские мастера воплотили причудливую смесь христианских и архаичных языческих образов, сочетав все это с местными русскими мотивами и сюжетами“ (там же, стр. 521).

Еще отчетливее представляем мы литературу Киева этого периода и, в частности, его летописание.

В составе Ипатьевской летописи в пределах до 1200 г. дошел до нас киевский летописный свод, созданный в Выдубицком подгороднем монастыре в честь киевского князя Рюрика Ростиславича („буй Рюрика“). Он открывался „Повестью временных лет“, составленной еще в начале XII в., продолжался соединенными в одно целое летописными записями, сделанными в Киеве (в Печерском и Выдубицком монастырях), в Чернигове и в Переяславле Южном, и заключался похвальным словом выдубицкого игумена Моисея в честь киевского князя Рюрика Ростиславича.

В Киевском летописном своде 1200 г. отразились многочисленные новые формы исторических произведений, впервые возникшие на русской почве именно в пе-

риод феодальной раздробленности. Сюда оказались включенными личные, семейные и родовые княжеские летописи. В этих летописях отмечены главным образом события семейной и личной жизни князей: рождение детей, браки, смерти, монашеские постриги, перемены княжения тем или иным князем и изредка походы. Насколько предшествующее общерусское летописание XI в. было обширно по теме и по исполнению, настолько это княжеское летописание оказалось узким по содержанию и несложным по выполнению. Однако в летописании княжеском — личном и семейном — имеется и положительная сторона: это интенсивность исторического самосознания, сознания исторической ценности личной деятельности, стремление сохранить для потомства частности своей биографии. Нас поражает сейчас распространенность этой заботы об историческом отображении собственной деятельности. Такие княжеские летописи — Игоря Святославича, или его отца Святослава Ольговича, или родовая летопись Ростиславичей смоленских — значительно обогатили своим составом киевскую летопись XII в.

Значительно обогатила Киевский свод и другая, новая форма исторического повествования, также возникшая в XII в., — жизнеописания князей. Одно из таких жизнеописаний — рассказ о киевском князе Изяславе Мстиславиче (под 1146—1154 гг. в Ипатьевской летописи) — составляет наиболее яркие страницы Киевского свода 1200 г. Он носит светский характер и с замечательной отчетливостью отражает детали княжеского быта XII в.

Наконец, в составе Киевского свода 1200 г. отразилась и другая новая литературная форма исторического повествования, создавшаяся в связи с феодальными усобицами этого времени: это обличительные повести о княжеских преступлениях. Эти повести предназначались одной из враждующих сторон для того, чтобы служить своего рода обвинительными актами против другой. Они были типичны для периода наиболее острых феодальных усобиц. Это были своеобразные документы злодеяний, но документы, составленные в живой манере, подробные, с точно переданными речами действующих лиц. Повести эти должны были

убеждать читателя фактами, верностью всей нарисованной в них картины в целом в виновности одной из враждующих сторон и в правоте другой.

Повести эти, пространные, изящно написанные, насыщенные бытовыми подробностями, дышащие азартом княжеских усобиц своего времени, наполненные драматическими подробностями, составлялись обычно непосредственными участниками событий или их свидетелями. Они возникли из потребностей самой русской жизни и получили самобытные черты внешнего выражения, резко разрушая византийские средневековые литературные каноны, обнаруживая поразительную свежесть восприятия, свидетельствующую о своеобразных реалистических тенденциях в русской литературе XI в. Одна из таких повестей включена в киевский свод под 1175 г.— это повесть Кузьмища Киянина об убийстве Андрея Боголюбского. Другая повесть этого же типа — это повесть боярина Петра Бориславича о клятвопреступлении Владимирки Галицкого (сохранилась не полностью под 1152 г.).

Благодаря столь разнообразному включенному в нее материалу Киевская летопись представляет собой одну из самых богатых летописей древней Руси — богатую и как исторический источник, и как литературное произведение, и как памятник русского литературного языка. Она носит в основном светский характер и отражает рост самобытных черт русской литературы этого периода. В Киевской летописи нередко выражена забота о Русской земле. Летопись осуждает князей — „наводников“ половцев и нарушителей „крестного целования“. Призыв „постеречи земле Руской“, „блюсти Руской земли“, „за землю Рускую страдати“ звучит в Киевской летописи в течение всего XII в.

Киевская литература в значительной степени составлялась не киевлянами. К числу таких не киевлян принадлежит знаменитый проповедник — Климент Смолятич, литературная деятельность которого относится к 1140—1150 гг. Летопись так характеризует Климента: „бысть книжник и философ так, яко же в Русской земли не бяшеть“. Из всех многочисленных произведений Климента сохранилось лишь единственное, обращенное к пресвитеру Фоме. Оно заключает литературную защиту

символического толкования священного писания и связанных с этой манерой ораторских приемов проповеди. Послание это показывает наличие в XII в. споров о предпочтительности тех или иных литературных приемов и свидетельствует о существовании различных литературных школ и рафинированной писательской культуры. Характерно, что современники обвиняли Климента в излишнем пристрастии к Омиру (Гомеру), Аристотелю и Платону.

На грани Киевской литературы и литературы владимиро-суздальской стоит замечательный памятник житийной литературы XII в. — Киево-печерский патерик. Киево-печерский патерик представляет собой собрание рассказов об отдельных событиях, связанных с основанием Киево-печерского монастыря, и об отдельных его деятелях. Рассказы эти полны бытовыми подробностями, живо рисующими жизнь монастыря. В них получили отражение различные ремесла, которыми занимались печерские монахи, монастырская торговля (солью, хлебом) и монастырская политика. Чудеса происходят то в келье иконописца, то в пекарне, то у гробовщика. Один из монахов заставляет бесов ворочать жернова и молоть на себя пшеницу, другой — таскать в гору от берега Днепра бревна; пришедшие на утро возчики воздвигают на монаха „крамолу", требуя уплаты денег по уговору, подкупают судью, который берет их сторону, заставляя монаха платить возчикам: „да помогут ти беси платити, иже тебе служат". Переплетающаяся с бытом фантастика придает рассказам занимательность и сюжетное разнообразие. Ряд исторических событий и ряд исторических лиц отразились в патерике наравне с летописным стилем и летописным языком. В годы феодальной раздробленности патерик живо напоминал своим читателям об историческом прошлом родины, о Киеве XI в., способствуя тем самым сохранению идеи единства русской земли.

Рассказами патерика увлекался впоследствии Пушкин, отмечавший в них „прелесть простоты и вымысла" (письмо к Плетневу от 12—14 апреля 1831 г.).

Только условно можно говорить о замкнутости культуры и другого древнего культурного центра Руси — Чернигова.

Черниговское зодчество XII — начала XIII в. представлено выдающимся памятником — собором Пятницкого монастыря (повидимому построенного „буй Рюриком“ в начале XIII в.). Этот собор, разрушенный немецко-фашистскими захватчиками, обладал резко выраженными особенностями, обусловленными связью его с русской народной деревянной архитектурой. Ступенчатая конструкция сводов и общая пирамидальная композиция позволяют рассматривать Пятницкий храм как один из первых памятников того ярусно-повышенного типа, который в XV в. приведет к такой вершине русского средневекового зодчества, как храм Вознесения в Коломенском.

Пятницкий храм — памятник вполне своеобразного и самостоятельного стиля.

Чернигов издавна был важным центром ремесла. Ремесло продолжает развиваться в Чернигове и в XII и в начале XIII в. Замечательным памятником черниговского прикладного искусства является серебряная чаша черниговского князя Владимира Давыдовича (убит в 1151 г.) с чеканной надписью по краям — живым свидетельством широкого гостеприимства этого „доброго и кроткого“, по словам пристрастной к нему летописи, князя: „А се чара кня[зя] Володимирова Давыдов[и]ча, кто из нее пь[еть], тому на здоровье, а хваля бога своего и осподаря великого кня[зя]“.

Литература Чернигова, повидимому, была весьма богатой. В Чернигове несомненно велась летопись. Один из черниговских князей — Никола Святоша — был авторитетным писателем своего времени. Однако от всей богатой литературы Чернигова сохранилось только одно произведение — „Слово о князех“, написанное около 1175 г. Оно представляет собой по форме церковное „похвальное слово“ на память перенесения мощей Бориса и Глеба. Однако ближайшим поводом для него послужило, повидимому, столкновение между черниговским князем Святославом Всеволодовичем и новгород-северским князем Олегом Святославичем. „Слово“ призывает русских князей прекратить усобицы,

бросить призывать половцев на Русскую землю: „Вы же и до слова брату не можете стерпети и за малую обиду вражду смертоносную воздвижите, помощь приемлете от поганых на свою братию“; „постыдитеся враждующеи на братию свою, и на единоверныа своя, вострепещите, восплачитеся пред богом, каковы славы лишитися хотите за едино злопомнение“.

В культуре Новгорода резко своеобразными чертами отразился его социальный строй. Установление в Новгороде во второй четверти XII в. своеобразной „республиканской“ политической государственной организации, во главе которой стала боярская верхушка, использовавшая в своих целях народное движение, привела к значительной „демократизации“ новгородской культуры, помимо воли самого боярства.

Заметно иные, более „демократические“ формы приобретают живопись и, в особенности, архитектура. Боярско-купеческое строительство второй половины XII в. вырабатывает новый тип четырехстолпного, квадратного в плане укороченного храма, более упрощенного и уменьшенного в размерах типа, чем обширные княжеские соборы предшествующей поры.

В отличие от новгородских церквей княжеской постройки XI — самого начала XII вв., с резким разделением молящихся на привилегированных, „избранных“ и остальную массу, новые церкви не разделяют молящихся и, в этом смысле, становятся „демократичнее“, обыденнее. В предшествующую пору князья строили церкви с великолепными, сильно освещенными каменными хорами, на которых слушали богослужение только княжеская семья и приближенные, тогда как внизу помещалась остальная масса молящихся (например Георгиевский собор в Юрьеве монастыре 1119 г.). Новые, возводимые со второй половины XII в., церкви боярско-купеческой постройки имеют скромные деревянные хоры служебного значения, а все молящиеся вместе стоят внизу. Храмы эти не многокупольные, как раньше, а однокупольные. Композиция фасадов проще.

Во второй половине XII в. Новгород обстраивается большим числом церквей этого типа — небольших,

скромных, но встречавшихся на каждом шагу среди домов жителей. Новые церкви возводят совместно уличане (жители улицы), архиепископ, купцы, бояре. Церкви эти объединяют вокруг себя политическую жизнь и торговлю отдельных районов города (концов и улиц). В них хранятся товары, в них спасают жители свое имущество во время пожаров, в них собираются братчины, около них устраиваются совместные пиры и т. д.

Новый характер построек настолько прививается, что в этом типе строят и сами князья в своей загородной резиденции на Рюриковом Городище. К новому типу церквей принадлежала и всемирно известная церковь Спас Нередица, варварски разрушенная фашистскими захватчиками.

Она была построена в 1198 г. недалеко от княжеского двора на Рюриковом Городище и расписана фресками в 1199 г. Направо от входа в ней был изображен отец Александра Невского новгородский князь Ярослав Всеволодович в русских княжеских одеждах. Изображение это относится к более позднему времени, чем остальные фрески, и, как предполагают, было выполнено по распоряжению Александра Невского вскоре после смерти его отца в 1246 г.

По сохранности своих фресок Нередица занимала совершенно исключительное место в ряду других церквей средневековья. Замечательною особенностью Нередицы была исключительная полнота всей системы росписи. Изображения покрывали ее стены сплошь — в том числе и те ее нижние части, которые обычно в византийских храмах облицовывали мрамором. Под мрамор расписан в Нередице лишь самый нижний пояс.

В традиционную схему росписей церквей новгородские мастера внесли много своего. Так, например, на западной стене церкви среди изображений мучений грешников в аду представлен богач, сидящий в огне, а перед ним сатана с сосудом в руке. Богач, показывая себе на язык, взывает к Аврааму, который изображен напротив с душою бедного Лазаря на лоне: „отче Аврааме, — говорит богач, — помилуй мя и посли (пошли) Лазаря, да омочить пьрст (палец) свой в воде и устудить (остудит) ми (мне) язык: изъмагаю бо (ибо изнемогаю) в пламени семь“, на что сатана подносит ему

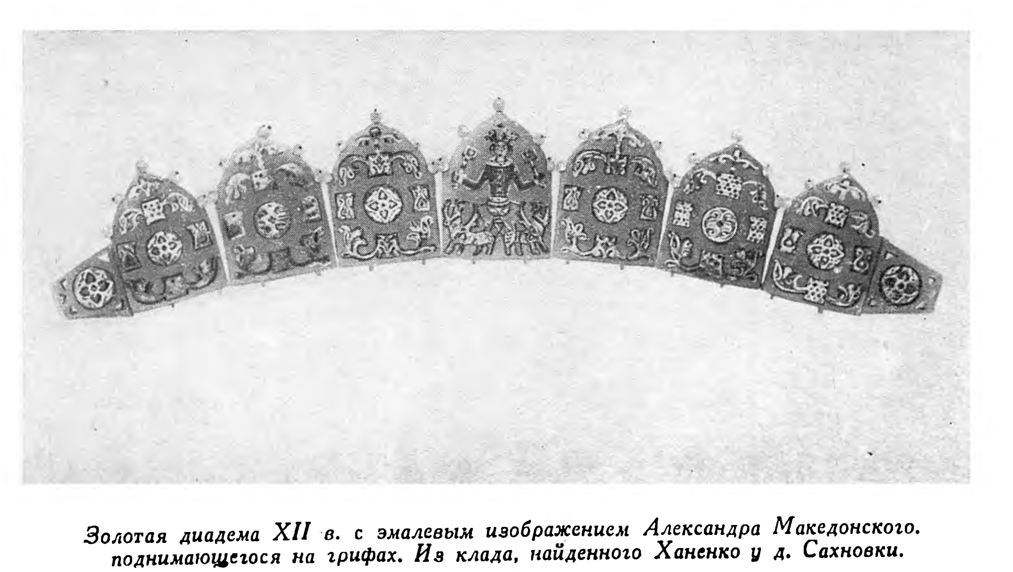
сосуд с огнем и говорит: „Друже богатый, испей горящаго пламени“. В Византии эта композиция не известна.

В средневековое идеалистическое искусство живописи мастера Нередицы сумели внести элементы реализма: человеческие фигуры рельефны, почти весомы, а их индивидуальные характеристики даны с поражающей силой. Особенно сильно изображение Лазаря, воскрешенного из мертвых Христом: его изборожденное морщинами лицо с опущенными веками — лицо „выходца с того света“. В композицию Крещения внесены натуралистические детали: среди группы ожидающих крещения один скидывает через голову рубашку и запутался в ней, другой плывет в исподних штанах, остальные снимают одежду, сбрасывают сапоги.

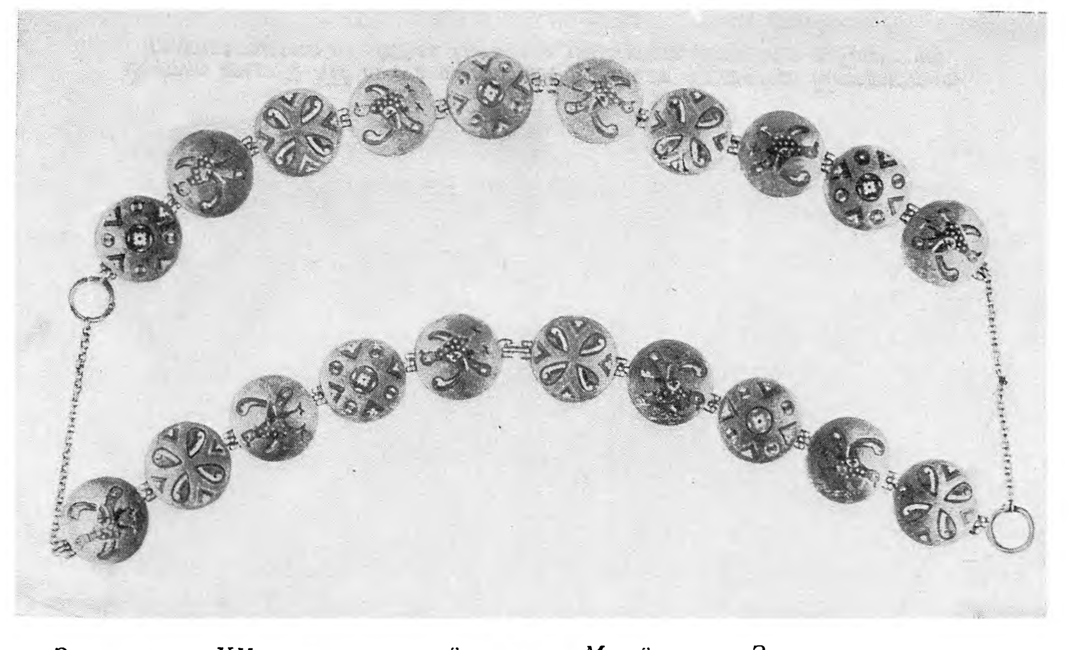
Новые особенности живописи XII — начала XIII в. отразились и в новгородских иконах этой поры. В них проникают черты народного искусства. Прежние аристократически идеализированные образы святых приобретают более славянские черты и более „бытовой“ облик. В них меньше прежней строгости трактовки лиц. Особенностью новгородской живописи этой поры является пристрастие к ярким и чистым краскам — к киновари, красно-коричневой, синей, зеленой и желтой.

Широко развитое ремесло Новгорода XII—XIII вв. ярко характеризует известный „сион“ или „иерусалим“, хранящийся в ризнице Новгородского Софийского собора. По замечанию Б. А. Рыбакова, „художественные достоинства чеканной работы ставят этот сион в ряд первоклассных произведений русского средневекового искусства“ („Ремесло древней Руси“, стр. 294). В той же ризнице хранятся не менее известные два схожих между собой серебряных кратира. Один из них, как об этом свидетельствует надпись, сделан Братилой, а другой, судя по надписи, — Костой. Первый из них сделан, как это установлено Б. А. Рыбаковым, в конце XI — начале XII в., а второй в конце XII — начале XIII в. Оба кратира выполнены тончайшей чеканкой, свидетельствуя о высоком развитии ювелирного ремесла в Новгороде.

Установление нового политического порядка в Новгороде сказалось не только на изменении общего ха-

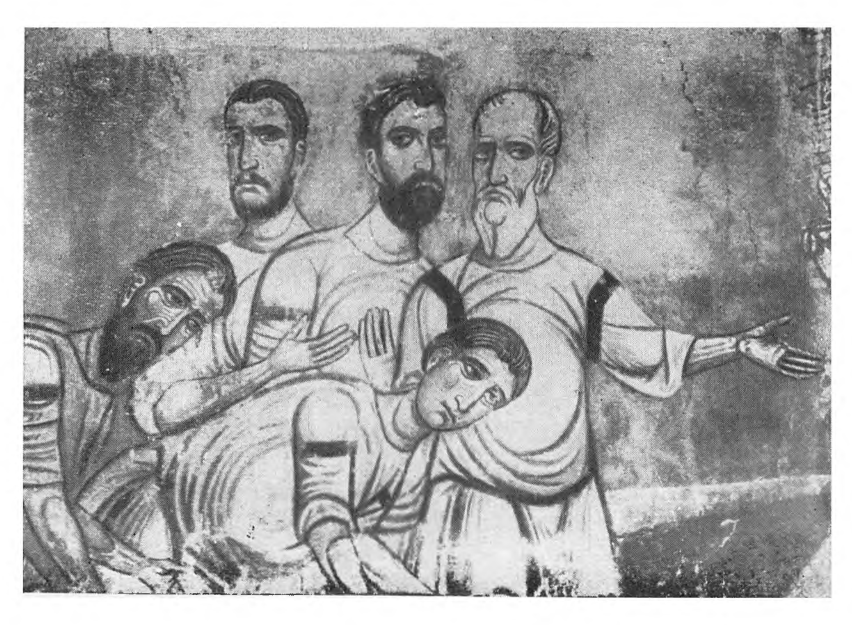
Золотая диадема XII в. с эмалевым изображением Александра Македонского. поднимающегося на грифах. Из клада, найденного Ханенко у д. Сахновки.

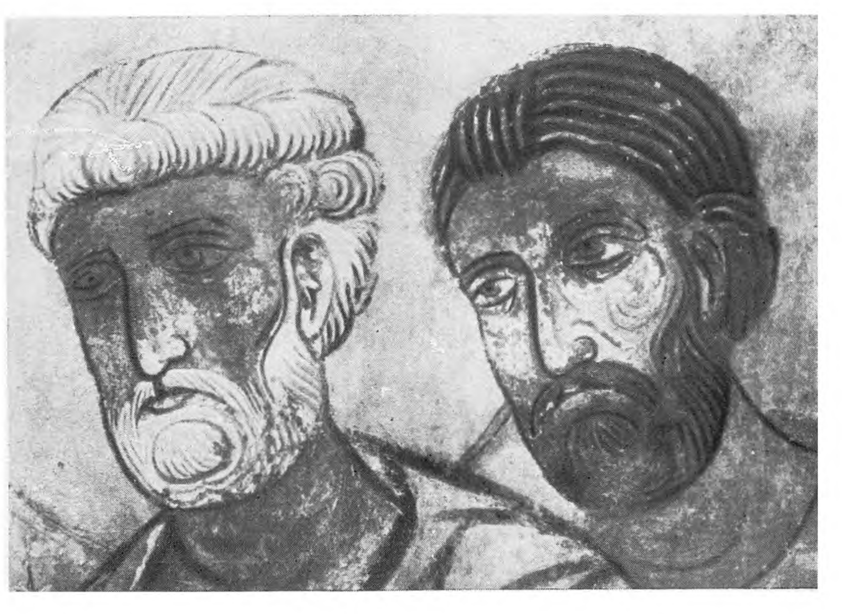
Золотая цепь XII в. из клада, найденного в Михайловском Златоверхом монастыре в Киеве.

Церковь Спаса Нередицы 1198 г. в Новгороде.
(Фот. 1939 г.).

Деталь росписи конца XII в. Преображенского собора Спасо-Мирожского монастыря в Пскове.

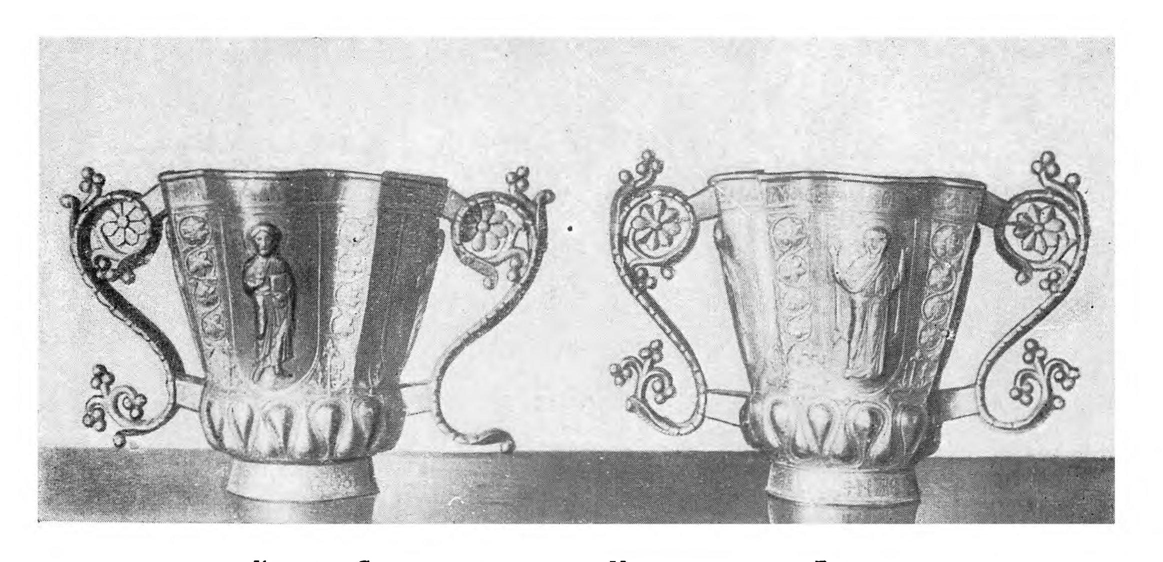
Деталь росписи конца XII в. Преображенского собора Спасо-Мирожского монастыря в Пскове.

Деталь росписи конца XII в. Преображенского собора Спасо-Мирожского монастыря в Пскове.

Пантократор в куполе Софийского собора в Новгороде. Деталь росписи середины XII в.

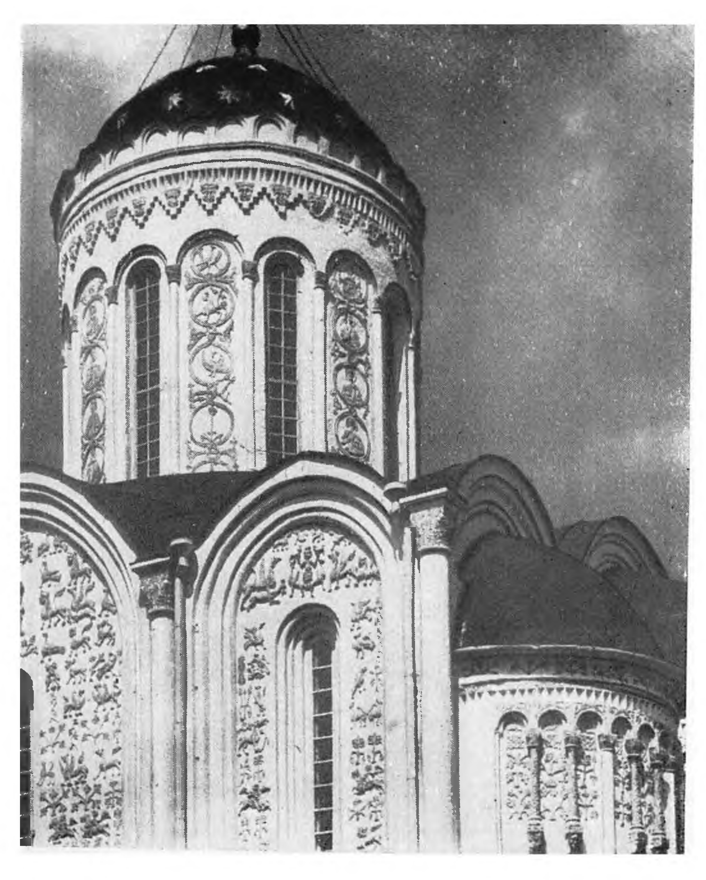
Кратиры Софийской ризницы в Новгороде работы Братилы и Косты XII в.

Церковь Покрова на Нерли 1165 г.

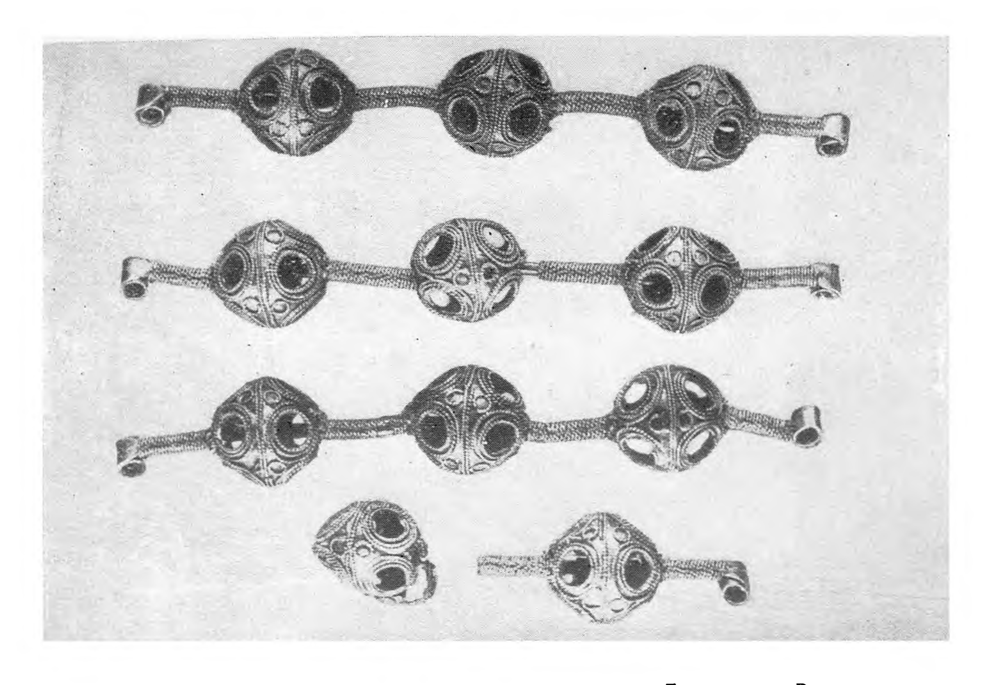
Дмитриевский собор во Владимире 1193—1197 гг.

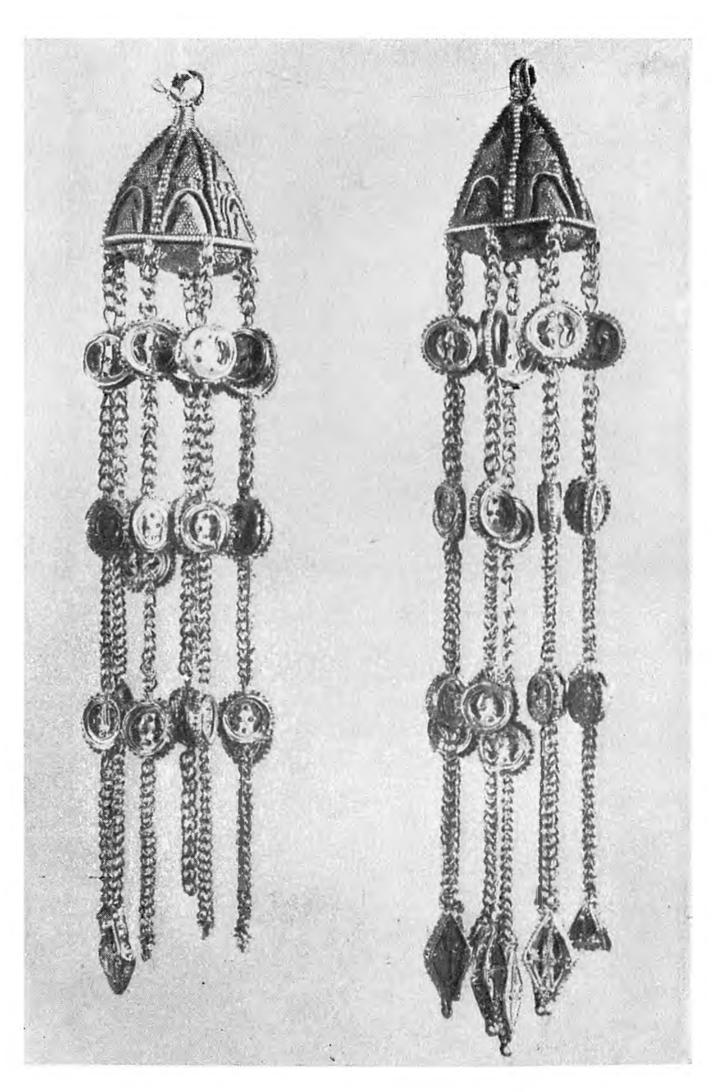
„Прилепы“ Дмитриевского собора во Владимире 1193—1197 гг. Деталь.

Суздальское оплечье. Из клада, найденного при раскопках Уварова 1851 г. у деревни Исады близ Суздаля.

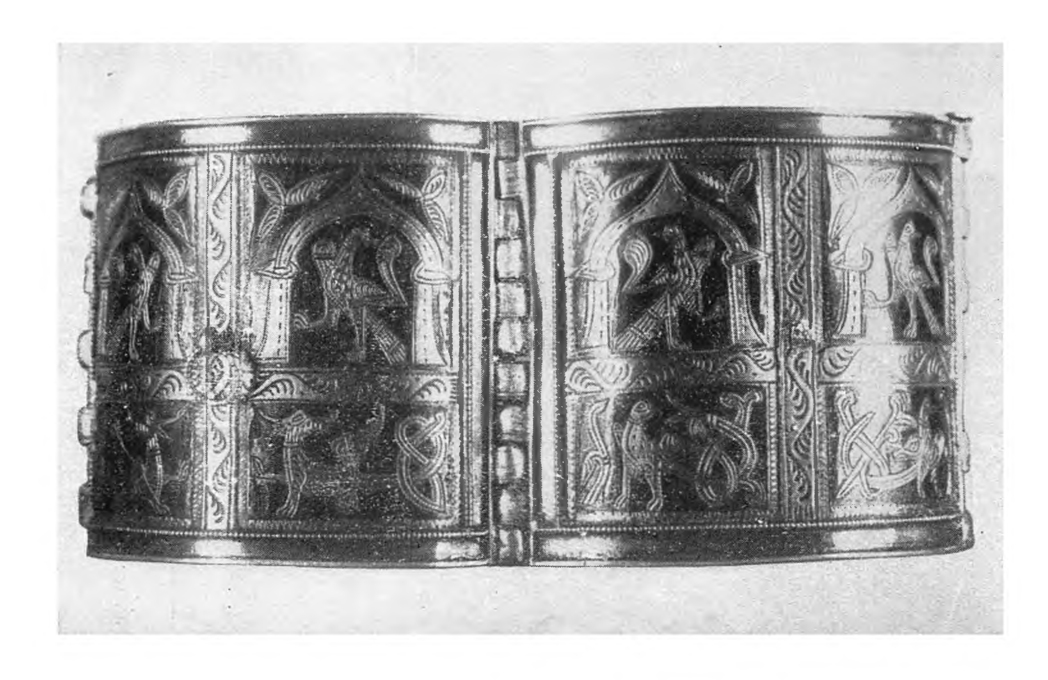
Застежки XII в. из клада, найденного в усадьбе Беляева во Владимире.

Серебряные подвески XII в. из Старо-рязанского клада 1868 г.

Ангел с Золотыми Волосами. XII в. (Русский музей).

Браслет XII в. из Тереховского клада 1876 г.

рактера новгородского искусства, но и в письменности. Резко меняется летописание, которое отныне приобретает черты простоты, лаконизма, интереса к быту и известного „демократизма“ стиля и языка, ставшие обычными в новгородском летописании вплоть до XV в.

Новгородская летопись XII в. (она сохранилась в составе так называемого Синодального списка) уделяет все большее и большее внимание местным городским событиям: пожарам, стихийным бедствиям, внутренним волнениям и т. д. Летописец интересуется прежде всего теми происшествиями, которые отражаются на благосостоянии населения, затрагивают его непосредственные нужды.

С редкой последовательностью новгородский летописец отмечает всякое повышение цен на хлеб и описывает непогоду, отражавшуюся на состоянии жатвы. Новгородский летописец не забывает отметить радость новгородцев по поводу того или иного счастливого исхода событий и сопровождает восклицаниями ужаса всякое общественное несчастие: голод, пожары, наводнения.

Наряду с „демократизацией“ содержания летописных записей „демократизируется“ и их язык. Язык новгородских летописей сравнительно близок к разговорному, в нем редки церковнославянизмы и книжные обороты. Иногда в новгородской летописи сказываются обороты деловой речи, иногда пробивается местное произношение, иногда народные, просторечные выражения.

Но новгородское летописание велось не только при дворе новгородского архиепископа. В позднейших летописях, путем их сопоставления и анализа, можно выделить летопись, которую в течение двухсот лет вели в уличанской церкви Якова в Неревском конце. Ее настоятель — поп Герман Воята — придал ей поразительно необычный для средневековой письменности характер домашности и простоты. Круг интересов Германа Вояты не широк: это внутренние события городской жизни — постройки церквей, великого моста через Волхов, уличные события не слишком большого значения: „а в 23 того месяца (апреля) пополошишися людье: сългаша бо, яко Святополк у города с пльско-

вици (т. е. с псковичами); и высушася весь город к Сильницю, и не бы ничтоже“ (1136 г.). Герман Воята отмечает в своих записях дороговизну, состояние погоды: „Стояста 2 недели полне, яко искря жгуце, тепле вельми, переже жатвы; потом найде дъжчь, яко не видехом ясна дни ни до зимы; и много бы уиме жит и сена не уделаша; а вода бы больше третьего лета на ту осень; а на зиму не бысть снега велика, ни ясна дни, и до марта“ (под 1145 г.) „На ту же осень зело страшьно бысть: гром и мълния, град же яко яблъков боле, месяца ноябра в 7 день, в час 5 нощи“ (1157 г.). Не мудрствуя лукаво, Воята записывает в свою летопись сообщение об утонувших в Волхове попах, рассказывает о состоянии хлебов, о покосах сена, об унесенных разливом Волхова дровах, о слышанном им зимой, очевидно во время занятий в архиепископской канцелярии („в истьбе седяще“), громе и, наконец, о собственном поставлении в попы (под 1144 г.). Все это изложено Воятой довольно последовательным и крепким просторечием, часто от первого лица. Воята, как видно, ограничен в своих интересах, но по-своему талантлив, не боится отступать от средневековых трафаретов книжности, вкладывая в записи личные интересы и вкус к быту. Непосредственная заинтересованность в описываемых событиях, облик живого человека остро ощущаются в ненарочитой простоватости его записей.

В литературе Новгорода XII в. был широко представлен и жанр описания путешествий. Начиная с XI в. и кончая XV в. в Константинополь направлялись многочисленные паломнические группы. До нас дошло несколько описаний Царьграда и путеводителей, из которых первое принадлежит знатному новгородцу — Добрыне Ядрейковичу,— бывшему впоследствии епископом новгородским под именем Антония. Добрыня путешествовал в Царьград очевидно для приглашения в Новгород византийских мастеров около 1200 г. и оставил „Сказание мест святых в Цареграде“.

Наряду с религиозными достопримечательностями Добрыня интересуется в Константинополе живописными зданиями и произведениями искусства. Как русский, Добрыня с гордостью отметил в Константинополе почитание русских святых Бориса и Глеба, упомянул

о блюде княгини Ольги в храме Софии, отметил находившихся с ним одновременно в Константинополе русских.

Богатое устное творчество Новгорода XII—XIII вв. дошло до нас отчасти (с позднейшими изменениями) в былинах о Садко (упоминается в новгородской летописи под 1167 г.), о Василии Буслаевиче, „об Иване Гостином сыне“ и о Хотене Блудовиче. В этих былинах отразился своеобразный быт торгового города, его классовые бои на Великом новгородском мосту, ушкуйничество, семейно-бытовые отношения среди богатого новгородского купечества и боярства. Образ Садко, поэта и музыканта, с помощью чудесных сил ставшего „богатым гостем“ и вступившего в состязание с целым Новгородом, а также образ бесшабашного Васьки Буслаева, не верящего „ни в сон, ни в чох“, принадлежат к числу самых ярких образов русского народного творчества.

В отличие от суровой, демократической архитектуры Новгорода с ее приземистыми пропорциями и простотой, зодчество Владимира носило парадный и торжественный характер, было утонченным и аристократичным. Это было искусство изысканных пропорций, изящных линий — искусство княжеское по преимуществу.

Торжественные арки городских ворот — „Золотых“, „Серебряных“, „Медных“, — широкие проезды, мощеные камнем площади, на которые были обращены богато украшенные скульптурой, золоченой медью и фресками фасады белокаменных княжеских построек, обширные и светлые помещения храмов предназначались для многолюдных церемоний. Сверкающие драгоценные полы, золотые купола, богатые ткани, развешиваемые по сторонам храмов, дорогая утварь — все должно было поразить зрителя и внушить уважение к власти князя.

Блестящее золото и сияющая белизна белокаменных стен составляли излюбленное сочетание владимирских князей. Золоченою медью были окованы полотнища массивных створ Золотых ворот — главных в городе. Золотом были покрыты главы уже первого владимир-

ского Успенского собора, построенного Андреем Боголюбским. Колонки его аркатурного пояса были также вызолочены. Листами позолоченной меди были окованы порталы и простенки окон главы. Вызолоченные флюгера возвышались над полуцилиндрическими посводными кровлями. Блеск золота в сочетании с белизною стен и цветными пятнами наружных фресок производил ошеломляющее впечатление.

Кропотливые разыскания советских археологов позволили восстановить облик загородной княжеской цитадели Андрея Боголюбского — его замка в Боголюбове. Замок этот невдалеке от устья Нерли был окружен высокой стеной с прекрасными белокаменными башнями. В центре замка на краю берегового обрыва возвышался видный издалека дворец Боголюбского. Восточный фасад дворца выходил к спуску к речной пристани. Западный был обращен на дворцовую площадь, вымощенную плитами белого камня и пересеченную тесаными из камня водосточными желобами. На дворцовую площадь выходил также окованный тонкими листами золоченой меди западный портал собора. Здесь же на трехступенном круглом пьедестале стояла большая белокаменная чаша, из которой путники могли утолять жажду. Чашу окружало восемь изящных, легких, утончавшихся кверху колонн, несших восьмигранную, вероятно золоченую шатровую кровлю.

Палаты Андрея и собор соединялись белокаменными переходами. Галереи этих переходов имели цветные майоликовые полы и были расписаны фресками. Их фасады были украшены фресковыми орнаментами, металлопластикой, резным камнем и, повидимому, скульптурой: при раскопках северного перехода была найдена голова статуи зверя (собаки или дракона), помещавшейся, очевидно, в нише фасада.

Дворцовый собор Рождества Богородицы был центральным зданием ансамбля. Это был небольшой храм с одною вызолоченной главою, с полуцилиндрическими покрытиями прямо по сводам. Его фасады членились на три доли сложными пилястрами и были опоясаны на середине высоты аркатурно-колончатым поясом. Стены были украшены резными камнями.

Внутри собор отличался исключительным своеобразием. Вместо обычных в русских храмах кресчатых столбов, поддерживавших купол, здесь высились расписанные под мрамор колонны с аттическими базами и огромными вызолоченными лиственными капителями. Строители вымостили цветными майоликовыми плитками хоры и высоко подняли их над головами молящихся. Искуснейшие художники расписали стены собора яркими фресками. Пол был вымощен толстыми, запаянными оловом медными плитами, казавшимися современникам золотыми. За сквозной белокаменной алтарной преградой поднимала свой шатровый верх алтарная сень с разными изображениями евангельских персонажей...

Еще бо́льшим великолепием отличался выстроенный тем же Андреем Боголюбским владимирский Успенский собор (1158—1161 гг.). Путем тонкого расчета пропорций владимирским зодчим удалось создать впечатление большой легкости сводов и высоты храма. Тонкие столбы легко вздымали своды собора. Через двенадцатиоконный купол обильно струился свет. Зодчие наполнили собор скульптурными деталями, подчеркнувшими ритмичность членения стен. Сами стены были покрыты фресками, искусно подчиненными архитектурным формам собора. Строители вымостили пол разноцветными майоликовыми плитами. Богослужебные сосуды и вся утварь храма была украшена драгоценными камнями и жемчугом. Наружные фасады Успенского собора разделялись сложными пилястрами с пышными капителями. Изящный фриз из стройных колонок тянулся вдоль стен, повидимому, украшенных резными камнями. Между вызолоченными колонками этого фриза помещались фресковые изображения святых. Вызолоченные флюгера, вызолоченные птицы, вызолоченные „кубки“, украшения из золоченой прорезной меди завершали кровлю. Не случайно летописец не находил слов для описания сверкающего великолепия наружного „узорочья“ собора, которая была „изьмечтана всею хитростью“, доступною человеку.

Выстроенная тем же Андреем Боголюбским в 1165 г. церковь Покрова на реке Нерли принадлежит к одним из лучших произведений русской архитектуры. Ее пропорции отличаются гармоничностью и стройностью.

Внутри церковь была богато расписана фресками, а снаружи украшена каменной резьбой, декоративной скульптурой —„прилепами". На стенах церкви Покрова можно увидеть изображение библейского царя Давида, играющего на струнном инструменте — „псалтири", женские маски, львов, голубей, грифонов, терзающих ягненка, барсов.

После пожара 1185 г. Всеволод Большое Гнездо произвел в Успенском соборе во Владимире сложные технические работы, значительно расширившие храм. Всеволод с трех сторон обстроил храм просторными галереями. Стены храма, окруженные этими обстройками, были прорезаны широкими арочными пролетами и соединены арочными же перемычками с новыми наружными стенами галереи. Над галереями строители поставили четыре новых световых главы. Собор из одноглавого стал пятиглавым. Полы из майоликовых плит были сменены на полы из фигурной майоликовой мозаики. Собор был заново расписан и заново украшен драгоценною утварью.

К 1194 г. относится построение во Владимире Дмитриевского собора. На стене Дмитриевского собора можно было увидеть псалмопевца царя Давида, Александра Македонского, летящего на грифах, и др. На обращенном к городу северном фасаде собора скульптор изобразил самого строителя собора — Всеволода Большое Гнездо с наследником среди коленопреклоненных подданных.

Замечательно, что из 566 резных камней, украшавших фасады Дмитриевского собора, только 46 были посвящены христианским темам. Скульптурные изображения запрещались церковью, и все великолепное наружное убранство владимирских храмов было выполнено по княжеской инициативе простыми владимирскими каменосечцами. Эти владимирские каменосечцы внесли в свои изделия широкую струю народного искусства.

Памятники владимирского зодчества хранят в себе драгоценные остатки и владимирской живописи. Во владимирском Успенском соборе сохранились фрагменты росписей, сделанных при Андрее Боголюбском и при Всеволоде Большое Гнездо,

Повидимому, к 1194—1197 гг. принадлежат росписи Дмитриевского собора во Владимире. Живопись Владимира сохраняет тот же княжеский характер, что и архитектура. В ней сильны связи с живописью Киева XI в., но, вместе с тем, сказывается стремление к пышности, парадности.

Исключительный интерес представляет икона, изображающая Дмитрия Солунского — святого князя Всеволода Большое Гнездо (теперь в Третьяковской галерее). Есть основание думать, что перед нами портретное изображение самого Всеволода. Дмитрий сидит на престоле и вынимает из ножен меч. На его голове — византийский кесарский венец. Его лицо властно и энергично.

Значительные успехи во Владимиро-суздальской Руси в XII—XIII вв. сделало ремесло. Образцом кузнечного ремесла Владимиро-суздальской Руси в сочетании с ювелирным может служить известный шлем Ярослава Всеволодовича, найденный в начале прошлого столетия на поле Липецкой битвы 1212 г., где Ярослав потерпел поражение. В отличие от шлемов предшествующей поры, он весь выкован из одного куска, что делало его более легким и более прочным одновременно. Сверху шлем был набит серебром и выложен серебряными накладками исключительно изящной отделки, со сложным орнаментом и изображением архангела Михаила с надписью вокруг этого изображения: „Вьликъи архистратиже г̃и Михаиле помози рабу своему Феодору“ (Федор — было христианское имя Ярослава).

То же сочетание кузнечного дела с ювелирным представляют собой и легкие декоративные топорики. Один из них, с изображением буквы А, возможно принадлежал Андрею Боголюбскому или кому-нибудь из его дружины. Это легкий стальной топорик со звоном в обухе. Он покрыт листовым серебром с гравировкой, позолотой и чернью.

Широко известны и врата из суздальского Рождественского собора, созданные в особой сложной технике золотого письма по меди. Техникой этой, изобретенной русскими мастерами, удавалось создать тонкий линейный рисунок золотом на фоне, покрытом черным лаком.

Владимирское летописание XII—XIII вв. сохранилось до нашего времени в составе Лаврентьевской летописи и, в пределах до 1206 г., в составе летописи Радзивиловской.

В 1175 г. по воле Андрея Боголюбского начал составляться первый владимирский летописный свод, положивший в свое основание владимирские летописные записи XII в. и летопись Переяславля Русского (южного), во главе которой находилась Повесть временных лет. Этот летописный свод составлялся в главной святыне Владимирского княжества — владимирском Успенском соборе. Смерть Андрея Боголюбского прервала выполнение этого свода. Он был закончен в 1177 г. при Всеволоде Большом Гнезде. При Всеволоде же составляется новый свод в 1193 г. После смерти Всеволода своды владимирского летописания составляются в течение всего XIII века.

Многочисленные своды владимирского летописания отличаются строго проводимой идеей главенства Владимира в Русской Земле. Летописец часто пользуется цитатами из священного писания, прибегает к нравоучениям, дидактике, моральным сентенциям, иногда не в меру многоречив и риторичен. Свою книжную начитанность летописец постоянно использует для прославления, пропаганды и освящения церковным авторитетом власти князя: „князь бо не туне (не зря) мечь носить — в месть злодеем, а в похвалу добро творящим", „судя суд истинен и нелицемерен, не обинуяся лице сильных своих бояр, обидящих меньших и работящих сироты и насилье творящим" и т. д. Он деятельный сторонник княжеской власти.

Суровое морализирование, восхваление твердой, а главное справедливой, „правый суд судящей" власти, способной подавить бояр, „обидящих меньших",— это не случайные особенности владимирско-суздальской княжой летописи, идеологически обосновывавшей реальные притязания владимирских князей.

Под 1206 годом — временем отъезда сына владимирского князя Всеволода, Константина, в Великий Новгород — летописец обильно приводит выдержки из священного писания, чтобы подкрепить ими авторитет княжеской власти. Летописец как бы напутствует Константина

перед отъездом его в город, издавна стремившийся освободиться от власти князя: „Власти мирьскые от бога вчинены суть“, „богу слуга есть, мьстя злодеем“, и т. д. Вручая Константину крест и меч, Всеволод говорит ему: „се (крест) ти буди охраньник и помощник, а мечь прещение и опасенье, иже ныне даю ти пасти люди своя от противных“.

Официальный, торжественный характер владимирского летописания сказался и в том, что владимирская летопись впервые в истории русского летописания была богато иллюстрирована многочисленными миниатюрами. Копии этих миниатюр дошли до нас в рукописи так называемой Радзивиловской летописи.

Едва ли не самым характерным явлением владимирской литературы может служить известное „Моление“ Даниила Заточника. „Моление“ представляет собою обращение, мольбу некоего Даниила к князю с просьбой взять его к себе на службу. Даниил восхваляет книжное образование, различными историческими и бытовыми примерами доказывает необходимость князьям мудрых советников, а затем всячески стремится показать свою начитанность и хитроумие.

Основная часть „Моления“ состоит из ряда своеобразных, ритмично организованных строф, с ассонансами и общим повторяющимся обращением в начале: „княже мой, господине“. Строфы распадаются на излюбленные в средневековой литературе (западной и русской) афористические изречения, пословицы и небольшие рассуждения. В подборе этого книжного материала Даниил выказывает себя широко образованным писателем, живущим в утонченной литературной среде и не боящимся остаться непонятым.

Если иногда трудно угадать в упоминаемых в „Молении“ реалиях конкретные явления русской жизни, то общая тенденция и идеологическая направленность этого произведения вполне конкретны: они типично „владимирские“. Восхваляя Ярослава Всеволодовича (сына Всеволода Большое Гнездо — отца Александра Невского), Даниил ясно заявляет себя сторонником сильной княжеской власти, противником бояр. Многочисленными афоризмами Даниил стремится обосновать неограниченность власти князя, подчеркнуть ее значение

и вечный характер: „женам глава муж, а мужам князь, а князем бог“, „гусли строятся персты, а град нашь твоею (князя) державою“. „Лучше бы ми вода пити в дому твоем,— обращается Даниил к Ярославу, — нежели мед пити в боярстем дворе“, „конь тучен, яко враг сапает на господина своего, тако боярин богат и силен смыслит на князя зло“ и т. д.

Памятники материальной культуры богатой Галицко-волынской земли дошли до нас очень скупо. Однако и то, что сохранилось, свидетельствует о пышном расцвете галицко-волынской архитектуры, живописи, прикладного искусства, о связях галицко-волынской культуры с культурой других областей Руси и о ее народных корнях. Остатки почти 30 каменных построек конца XII—XIII в. вскрыты археологами в Галиче. Во Владимире Волынском сохранился Успенский собор, выстроенный в 1160 г. князем Мстиславом Изяславичем.

Летопись дает нам представление о существовании в Галиче в середине XII в. целой группы дворцовых построек, близких по типу к Боголюбовскому замку Андрея Боголюбского: здесь были дворец, лестница с сенями, дворцовый храм и переходы к нему из дворца. Галицкие церкви были украшены белокаменной резьбой, сходной с народным искусством белокаменной резьбы Владимира Залесского.

О богатстве внешнего убранства галицко-волынских храмов дает представление описание церкви Ивана в Холме, помещенное в Ипатьевской летописи под 1259 г. В этой церкви, „красной и лепой“, своды опирались на капители в виде человеческих голов, изваянных „от некоего хитреца“, в окна были вставлены витражи, верх церкви был украшен „звездами златыми на лазуре“. Пол в церкви был „слит от меди и от олова чиста, ярко блещатися яко зерцалу“. Две двери были „украшены камениемь галичным белым и зеленым холмъскым, тесаным, изрыты некимь хытрецемь Авдьемь“. Скульптурные украшения снаружи церкви („прилепы“) были выкрашены всеми цветами и золотом. Наружные фрески были так хороши, „якоже всим зрящим дивитися бе“. Иконы в этой церкви были „диву подобны“.

Посредине города Холма стояла высокая „вежа“ (башня),— снизу на высоту 15 сажен каменная, вверху же деревянная и убеленная „яко сыр“ (творог), так что светилась она „на все стороны“. Описывает летописец и другие церкви в Холме, а также каменный столп вблизи города: „а на немь орел камен изваян, высота же камени (каменной части столпа) десяти локот, с головами же (орел, очевидно, был двуглавый) и с подножьками 12 локот“.

О развитии книжного дела свидетельствуют роскошные рукописи, написанные в Галицко-волынской земле в XII—XIII вв. и сохранившиеся до наших дней в составе наших рукописных собраний. Ипатьевская летопись под 1288 г. пишет, что волынский князь Владимир Василькович роздал по завещанию многочисленные книги. Среди них были книги, списанные им собственноручно, было евангелие, писанное золотом, с переплетом, окованным серебром с жемчугом, и украшенное иконою с финифтью; другое евангелие было „чудно видением“— оковано золотом, украшено драгоценными камнями, жемчугом, финифтью, и т. д.

Богатая когда-то литература Галицко-волынской земли представлена только летописанием, сохранившимся в составе Ипатьевской летописи, начиная с 1200 г. Галицко-волынское летописание складывалось по преимуществу из отдельных княжеских биографий и не имело первоначально хронологической канвы. Это было цельное повествование. Оно имело ярко выраженную княжескую идеологию, было полно восхвалений князей и ненависти к боярству.

Особенно характерна в этом отношении центральная часть галицкой летописи — жизнеописание Даниила Романовича Галицкого. Подробно приводит автор воинские речи Даниила, полные высокого представления о чести воина и чести родины, многие из которых представляют собою прекрасные образцы ораторского искусства. Автор следит за ратными подвигами Даниила, описывает его личное участие в боевых схватках. Не раз обнажает меч Даниил, не раз ломает свое копье, не раз оказывается на волосок от смерти. В тоне резкого раздражения говорит автор о врагах Даниила — боярах. Одного из них, Жирослава, он называет

„льстивым“, он „лукавый льстец“, его язык „лжею питашеся“. У льстивого боярина Семьюнка лицо было красное, как у лисицы. Боярин Доброслав, когда ехал на коне, то в гордости не смотрел на землю. Малодушные изменники бояре, которые вынуждены были в конце концов сдаться Даниилу, выходят к нему со слезами на глазах, с осклабленными лицами, облизывая губы. Желчи, гнева, сатирических красок хватило бы у автора на изображение боярских крамол эпохи Грозного. Автор жизнеописания Даниила ставил себе задачи прославления Даниила, пропаганды его власти и необходимости борьбы с боярством.

В отличие от Владимиро-суздальского летописания, стиль летописания галицко-волынского целиком светский, дружинный. В нем явственно слышны отзвуки дружинной поэзии, не раз заставлявшие исследователей сближать отдельные места галицко-волынского летописания со „Словом о полку Игореве“.

Культуру многих из феодальных полугосударств Руси XII—XIII вв. мы знаем очень слабо. Так, например, мы никак не представляли бы себе культурную жизнь Турово-Пинского княжества, если бы нам не было известно по одному древнему сказанию, что там родился и провел жизнь один из лучших ораторов древней Руси — знаменитый Кирилл Туровский. Кириллу, которого впоследствии назвали „русским Златоустом“, с течением времени было приписано чрезвычайно много произведений, что значительно затрудняет определение его литературного наследства. Однако и то, что несомненно может быть присвоено Кириллу, рисует его плодовитым и деятельным писателем.

Блестящая форма составляет отличительную черту произведений Кирилла Туровского. Кирилл в широкой степени прибегает к утонченным ораторским приемам: к аллегориям, противоположениям, сравнениям, уподоблениям, вопросно-ответной форме изложения, оживляет проповедь введением пространных диалогов и монологов, стремится к ритмичности и плавности речи.

Благодаря своим исключительным внешним достоинствам произведения Кирилла переписывались древне-

русскими книжниками рядом с сочинениями знаменитых византийских ораторов и богословов — „отцов церкви".

Кирилл — образованный проповедник. Проповеди показывают глубокое знакомство его с византийской литературой и греческим языком. Своим образованием Кирилл пользуется в самой широкой степени, проявляя его иногда даже до излишеств.

Итак, „Слово о полку Игореве" возникло в сложной культурной обстановке. Оно не было одиноким памятником, при всей его исключительности.

Русская культура накануне татаро-монгольского нашествия отмечена энергичным поступательным движением. Немногочисленные пока еще культурные центры становились более многочисленными. Культура Руси развивалась и крепла. Она проникалась народными началами и углубляла свою самобытность. Одновременно росла социальная диференциация внутри культуры. Резко выделялась прогрессивная часть культуры Руси, отмеченная идейной борьбою за единство Руси и связью с творчеством трудового народа. Размежеванию единой русской культуры границами феодальных „полугосударств" противостоит рост тех ее объединяющих основ, которые впоследствии составили фундамент национальных культур трех братских народов — русского, украинского и белорусского. Эти объединительные тенденции исходили прежде всего от самого трудового народа — подлинного создателя материальных и духовных ценностей.

Глава 4

ПОХОД ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА НОВГОРОД-СЕВЕРСКОГО

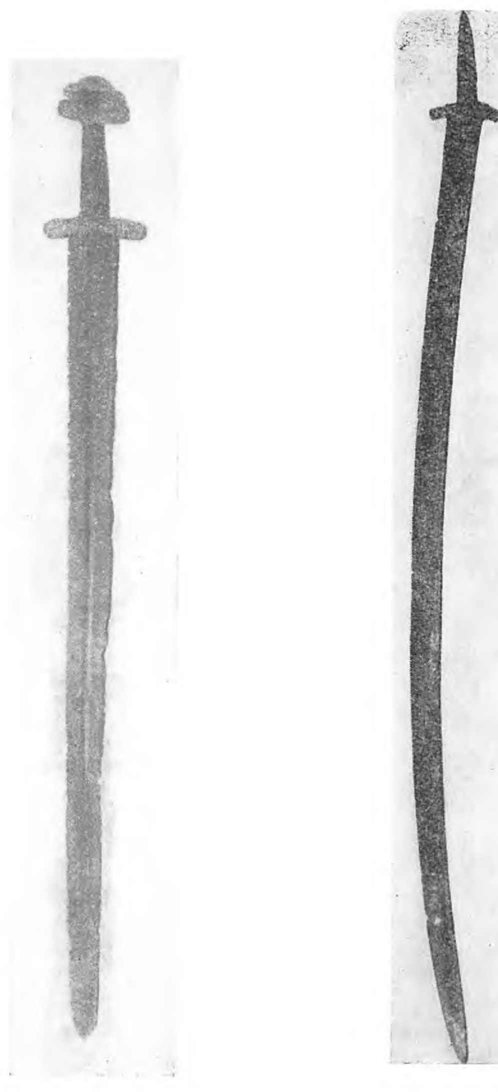
„Слово о полку Игореве“ в основном посвящено походу князя Игоря Святославича Новгород-северского, предпринятому им в 1185 г. против половцев.

Игорь Святославич родился в 1151 г., он был вторым сыном князя Святослава Ольговича Черниговского и внуком знаменитого своими усобицами с Владимиром Мономахом Олега Святославича, иронически прозванного автором „Слова о полку Игореве“ — „Гориславичем“.

Отец Игоря — Святослав Ольгович — был одно время (с 1136 по 1138 г.) князем Новгорода Великого и здесь женился на „новгородке“ — будущей матери Игоря Святославича.

Ко времени похода Игоря Святославича 1185 г. у него было уже трое сыновей: Владимир, Олег и Святослав. Летопись отмечает, что старший его сын Владимир родился в 1172 г. Однако дата эта возбуждает сомнения: в 1185 г., когда Владимир принимал деятельное участие в походе Игоря, ему вряд ли было всего только 13 лет. В 1187 г. он вернулся из плена с женой — дочерью хана Кончака — „и с дитятем“.

Все эти три сына были у Игоря от его первой жены. Евфросиния Ярославовна — дочь могущественного галицкого князя Ярослава Осмомысла — была второй женой Игоря. Он женился на ней за год до похода — в 1184 г.

Меч и меч-сабля XI—XIII вв. (Исторический музей).

Святослав Всеволодович Киевский приходился Игорю двоюродным братом. Игоря Святослав называл „сыном“ — как старший в лестнице феодального подчинения.

Ко времени похода 1185 г. у Игоря был только один брат — Всеволод Святославич, — „буй тур“, князь курский и трубчевский. Он был моложе Игоря девятью годами (родился в 1160 г.); во время похода на половцев ему было только 25 лет.

Обстоятельства похода сложились следующим образом.

С 70-х годов в XII в. половцы усиливают свой нажим на южные и юго-восточные окраины Русской земли. Страх, нагнанный на половцев глубокими степными походами Владимира Мономаха и его сына Мстислава Великого, прошел. Половцы тревожат Русь беспрерывными набегами; начинается, по выражению летописца, „рать без перерыва“.

Натиск половцев разбивается об ответные походы русских, однако после ряда поражений половцы объединяются под властью хана Кончака. Этот хан Кончак пытается отомстить киевским князьям за поражения своего деда — Шарукана, разбитого Мономахом в 1107 г. и своего отца — хана Отрока, изгнанного Мономахом из Половецкой земли в „Обезы“ (в Абхазию). Половецкие войска получают единую организацию и хорошее вооружение. В их армии появляются и „греческий огонь“, которым стрелял какой-то „басурманин“, и огромные, передвигавшиеся „на возу высоком“ луки-самострелы, тетиву которых едва натягивало более 50 человек.

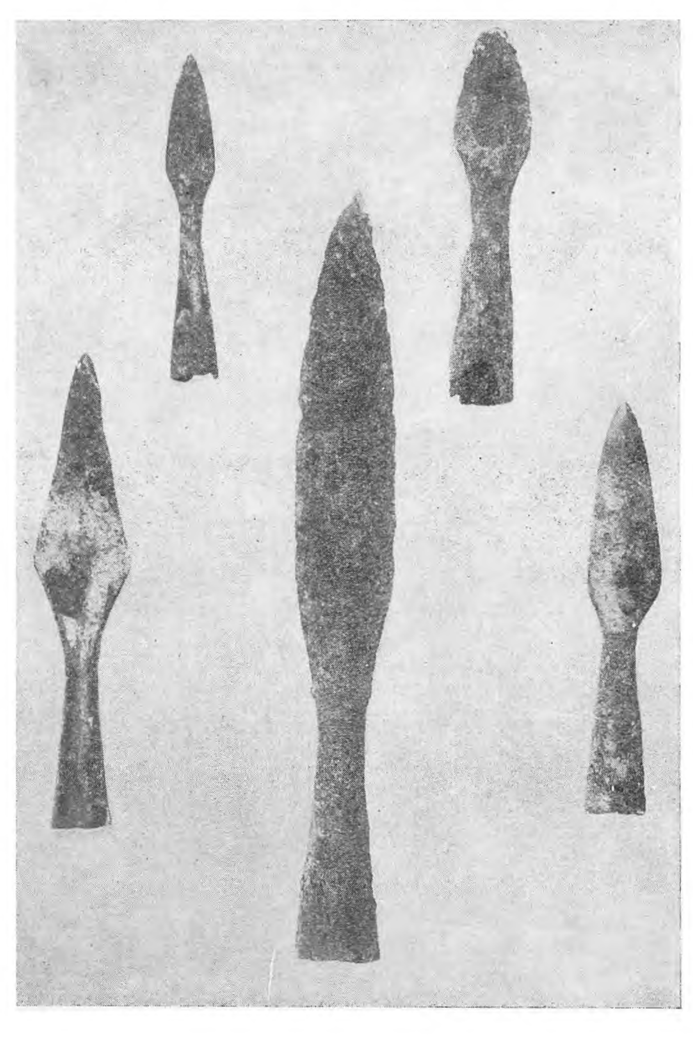
Разъединенные раздорами русские княжества лицом к лицу столкнулись с сильным и, главное, единым войском кочевников. Под влиянием этой половецкой опасности (как впоследствии под влиянием опасности татарской) зреют идеи необходимости единения, находящие себе отчасти выражение и в реальной политической жизни, несмотря на почти полную утрату единства экономических интересов, поддерживавших когда-то — в XI в. — объединительную политику Киева. Носителями идеи объединения были прежде всего демократические слои русского населения. Однако идеи эти находят

теперь деятельную поддержку и в среде князей. Действительно, в 80-х годах XII в. делается попытка примирения ольговичей и мономаховичей.

Сами ольговичи на время рвут со своей традиционной политикой союза со степью; порывает с ней и герой „Слова о полку Игореве“ — „ольгович“ Игорь Святославич Новгород-северский.

В начале Игорь — типичный ольгович в своей политической деятельности. Он выступает и против половцев (как в 1174 г.), и в союзе с половцами. Он принимает деятельное участие в феодальных усобицах и, казалось, мало заботится о защите Русской земли от ее исконных врагов. Еще в 1180 г. половцы деятельно помогают Игорю Святославичу. Наголову разбитый Рюриком Ростиславичем Киевским у Долобска вместе со своими союзниками-половцами, Игорь Святославич едва спасся в лодке вместе со своим будущим злейшим врагом, а пока что союзником, ханом Кончаком, успев уплыть от преследования киевского князя на Городец к Чернигову. Любопытно, что поражение Игоря Святославича и всех ольговичей киевский летописец рассматривает как поражение половцев: „И тако поможеть бог Руси и возвратишася во свояси, и приемше от бога на поганыя победу“ (Ипатьевская летопись под 1180 г.).

Рюрик Ростиславич был незаурядный политик; это был деятельный и умный князь, оказывавший покровительство летописанию и искусствам. Одержав победу над ольговичами, Рюрик своеобразно воспользовался ее плодами. Повидимому, он не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы удержать в своей власти Киев. Он оставил на великом княжении Киевском главу ольговичей — Святослава Всеволодовича, а себе взял все остальные города Киевской области. Благодаря этому он держал Святослава в подчинении, а через Святослава мог оказывать влияние и на всех остальных ольговичей, находившихся в вассальной зависимости от Святослава. Вместе с тем, Киев был уступлен Рюриком Святославу на условиях, о которых мы можем догадываться: повидимому, Святослав обязался отказаться от союза с половцами и условился действовать против них в согласии со всеми русскими князьями. Во всяком

Железные наконечники копий XI—XII вв. (Исторический музей).

случае в ближайшие годы Рюрику и Святославу удается широко организовать союзные отношения русских князей в отпор усилившемуся нажиму степи.

Политика главы ольговичей Святослава сказалась и на политике Игоря Святославича. Прямодушный и честный Игорь решительно рвет со своими прежними союзниками. Он становится их яростным противником. Летописец дважды вкладывает в уста Игоря Святославича покаянный счет своих княжеских преступлений. Перед нами политические декларации, облеченные в свойственные тому времени религиозные формы. На поле битвы, когда его уже пленили и связали половцы, Игорь вспоминает всю свою прежнюю деятельность. „Помянух аз грехы своя перед господем богом моим, яко много убийство, кровопролитие створих в земле крестьянстей, яко же бо аз не пощадех хрестьян, но взях на щит (т. е. приступом) город Глебов у Переяславля; тогда бо не мало зло подьяша безвиньнии хрестьани, отлучаеми отец от рожений (т. е. детей) своих, и дщери от матерей своих, и подруга от подругы своея, и все смятено пленом и скорбью тогда бывшею, живии мертвым завидять, а мертвии радовахуся, аки мученици святеи огнем от жизни сея искушение приемши... и та вся сотворив аз, рече Игорь“ (Ипатьевская летопись под 1185 г.). Вторично кается Игорь, находясь в плену у своего бывшего союзника — хана Кончака.

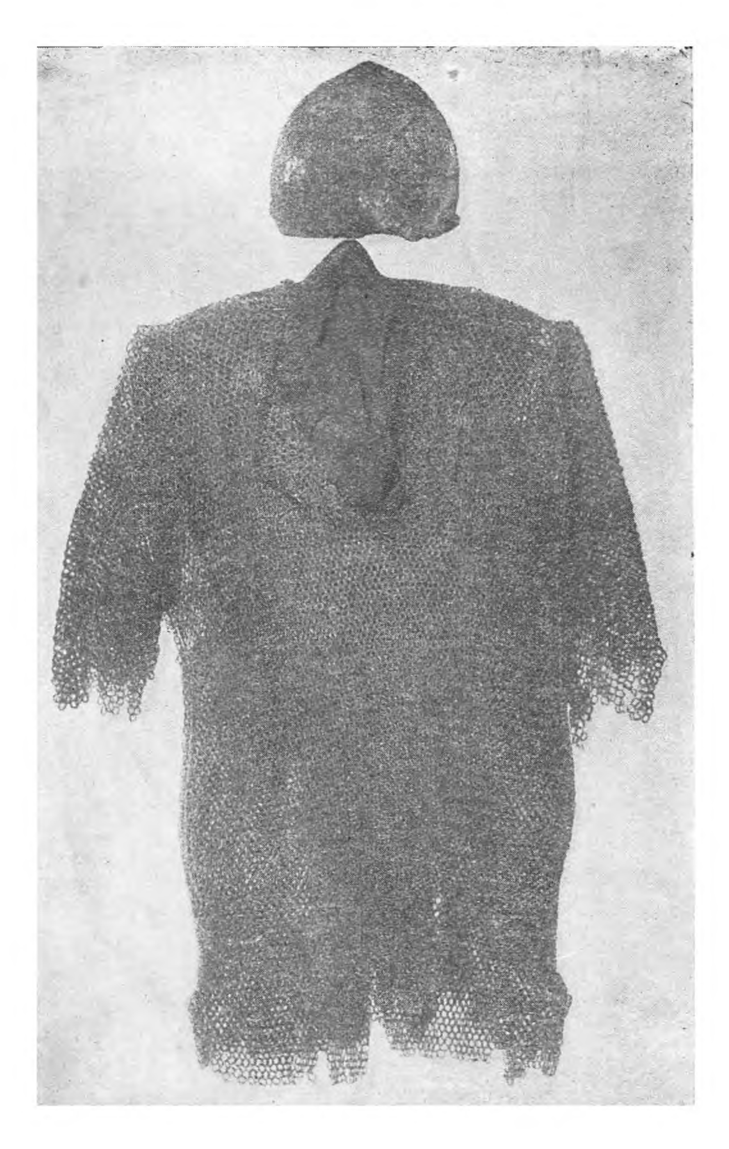
Несмотря на то, что политика ольговичей претерпела резкие изменения еще с самого начала 80-х годов, Игорю Святославичу не сразу пришлось участвовать в походе против своего бывшего союзника — Кончака. В 1184 г. объединенными усилиями русских князей под предводительством Святослава Всеволодовича половцы были разбиты. Захвачены были военные машины, отбиты пленные, попал в плен сам хан Кобяк и „басурменин“, стрелявший „живым огнем“. Половцы были устрашены и опасность, казалось бы, надолго устранена от Русской земли. Однако Игорь Святославич не смог участвовать в этом победоносном походе: поход начался весной, и гололедица помешала конному войску Игоря Святославича подоспеть во-время. Когда Игорь, несмотря ни на что,

хотел все же итти на соединение с Святославом Всеволодовичем, дружина сказала ему: „Княже! потьскы (по-птичьи) не можем перелетети; се приехал к тобе муж от Святослава в четверг, а сам идеть в неделю (в воскресенье) ис Кыева, то како можеши, княже, постигнути?“.

Повидимому, Игорь Святославич тяжело переживал эту неудачу: ему не удалось участвовать в победе, ему не удалось доказать своей преданности союзу русских князей против половцев. Больше того: его могли подозревать в умышленном уклонении от участия в походе против своего бывшего союзника Кончака. Вот почему в следующем — 1185 г. Игорь, очертя голову, „не сдержав юности“, бросается в поход против половцев.

Окрыленный предшествующими победами Святослава, он ставит себе безумно смелую задачу — с немногими собственными силами „поискать“ старую черниговскую Тмуторокань, когда-то подвластную его деду — Олегу Святославичу („Гориславичу“); он решается дойти до берегов Черного моря, почти сто лет закрытого уже для Руси половцами. Высокое чувство воинской чести, раскаяние в своей прежней политике, преданность новой — общерусской, ненависть к своим бывшим союзникам — свидетелям его позора, муки страдающего самолюбия — все это двигало им в походе. В этой сложной подоплеке — черты особого трагизма несчастного похода Игоря Святославича, — трагизма, приковавшего к нему внимание и автора „Слова“, и летописцев, составивших о нем в разных концах Русской земли свои повести — самые обширные и, может быть, самые живые из всех повестей о степных походах русских князей.

И, вместе с тем, поход Игоря Святославича ярко показал невозможность действовать против половцев в одиночку. Только объединенные походы русских князей могли иметь успех. Поход Игоря Святославича именно поэтому встретил осуждение и у Святослава Всеволодовича Киевского, и у летописцев. В киевской летописи это осуждение выражено более мягко, во владимиро-суздальской — более резко. Поход Игоря свел на-нет результаты предшествующего победоносного похода объединенных русских сил под предводительством Святослава Всеволодовича Киевского.

Шлем и кольчуга. (Исторический музей).

На примере несчастного похода Игоря Святославича автору „Слова“ было очень удобно показать последствия отсутствия единения между русскими князьями, призвать к согласованному отпору врагам Руси. Поход Игоря Святославича был типичным для своего времени. На основе событий этого похода автор „Слова о полку Игореве“ мог, действительно, показать основную опасность своего времени, художественно обосновать необходимость единения перед лицом внешней опасности.

Поход Игоря Святославича 1185 г. рассказан в двух летописях. Более обширный рассказ сохранился в Ипатьевской летописи (он составлен южным летописцем), другой — более сжатый — в Лаврентьевской (он составлен во Владимире Суздальском). Но и тот и другой не изначальны: в обоих есть некоторые небольшие общие части, восходящие к не дошедшему до нас летописанию пограничного со степью Переяславля Русского. Поход Игоря Святославича из-за своих несчастных последствий привлек к себе всеобщее внимание. Вот как на основании рассказов летописей можно себе представить поход Игоря.

Не уведомив своего феодального главу Святослава Всеволодовича, 23 апреля 1185 г., во вторник, Игорь Святославич Новгород-северский, сын его Владимир Путивльский, племянник — князь Святослав Ольгович Рыльский, вместе с присланными от Ярослава Всеволодовича Черниговского во главе с Ольстином Олексичем дружинами ковуев (осевших в пределах русских княжеств кочевников), выступили в далекий степной поход на половцев без сговора с киевским князем Святославом. Откормленные за зиму кони шли тихо. Игорь ехал, собирая свою дружину. В походе у берегов Донца 1 мая, когда день клонился к вечеру, их застигло солнечное затмение, считавшееся на Руси предзнаменованием несчастья, но Игорь не поворотил коней. Он сказал боярам своим и дружине: „Видите ли что есть знамение се?“. Они все посмотрели, опустили головы и сказали: „Княже! се есть не на добро знамение се“. Игорь сказал на это: „Братья и дружино! Тайны божия

никто же не весть, а знамению творецъ бог и всему миру своему. А нам что створить бог, — или на добро, или на наше зло, — а то же нам видити". Сказав так, Игорь переправился через Донец. У Оскола Игорь два дня поджидал брата Всеволода, шедшего иным путем из Курска. От Оскола пошли дальше к реке Сальнице.

Застигнуть половцев врасплох, как рассчитывал Игорь, не удалось: неожиданно русские сторожа, которых послали вперед ловить „языка", донесли, что половцы вооружены и готовы к бою. Сторожа советовали либо итти быстрее, либо возвратиться, — „яко не наше есть веремя", т. е. не время для похода. Но Игорь сказал: „оже ны будеть не бившися возворотитися, то сором ны будеть пущеи смерти, но како ны бог дасть". Согласившись на этом, русские не стали на ночлег, а ехали всю ночь. На следующий день в обеденное время (в древней Руси оно было ранним) русские встретили половецкие полки. Половцы отправили назад свои вежи (кочевые жилища на телегах), а сами, собравшись „от мала и до велика", выстроились на той стороне реки Сюурлия.

Войска Игоря построились в шесть полков. По обычаю того времени, Игорь Святославич сказал князьям краткое ободряющее слово: „Братья, сего мы искали, а потягнемь". Посередине стал полк Игоря, по правую руку от него — буй тура Всеволода, по левую — полк игорева племянника Святослава Рыльского. Впереди стал полк сына Игоря — Владимира и полк черниговских ковуев под предводительством Ольстина Олексича. Отборные стрелки, выведенные из всех полков, вышли на самый перед. Половцы выстроили своих стрельцов. Дав залп из луков („пустивше по стреле"), половцы бежали. Бежали и те половецкие полки, которые стояли вдалеке от реки. Передовые полки черниговских ковуев и Владимира Игоревича погнались за половцами. Игорь же и Всеволод шли медленно, сохраняя боевой порядок своих полков. Половцы пробежали через свои вежи. Русские овладели их вежами и захватили большой полон (пленных). Часть войска гналась за половцами дальше и ночью вернулась назад с полоном.

Вооружение русского воина. Георгий Победоносец XII в. из Юрьева монастыря под Новгородом (Третьяковская галлерея).

Когда все собрались, Игорь стал говорить, чтобы поехать в ночь, но Святослав Рыльский сказал дядьям своим: „Далече есмь гонил по половцех, а кони мои не могут. Аже ми будеть ныне поехати, то толико ми будеть на дорозе остати". Решили ночевать на месте.

Несочувственная ольговичам Лаврентьевская летопись говорит, что войска ольговичей стояли на половецких вежах три дня, „веселясь", и передает похвальбу, якобы ими произнесенную: „Братья наша ходили с Святославом великим князем, и билися с ними зря на Переяславль (т. е. невдалеке от Переяславля), а они (половцы) сами к ним пришли, а в землю их (половецкую) не смели по них ити. А мы в земле их есмы, и самех избили, а жены их полонены, и дети у нас, а ноне поидем по них за Дон и до конця избьем их. Оже ны будет ту победа, идем по них и луку моря (до Азовского лукоморья), где же не ходили ни деди наши. А возьмем до конца свою славу и честь". Ипатьевская летопись рассказывает события, случившиеся после первой победы, иначе. Не через три дня, а на следующий же день после первой победы над половцами с рассветом неожиданно половецкие полки „ак борове" (подобно лесу) стали наступать на русских.

„Слово о полку Игореве" дважды упоминает, что в этой битве на русских дул противный южный ветер, создававший преимущество для половецких лучников. По наблюдениям метеорологов, эти южные ветры типичны для этой части степи весной и летом. Вскоре небольшое русское войско увидело, что оно собрало против себя „всю половецкую землю". Русские князья не знали, кому куда выезжать: так много было врагов. Игорь ободрил всех, сказав: „Се ведаюче собрахом на ся землю всю: Концака, и Козу Бурновича, и Токсобича, и Етебича, и Терьтробича". Князья решили драться до последнего. Речь Игоря перед битвой напоминает речи Мономаха своею заботой о черных людях: „оже погибнемь, утечемь сами, а черные люди оставим, то от бога ны будеть грех, сих выдавше. Поидем, но или умремь, или живи будемь на едином месте". Чтобы пробиваться к Донцу, не опережая и не отставая друг от друга, Игорь приказал конным спешиться и драться всем вместе.

Трое суток день и ночь медленно пробивалось небольшое русское войско к Донцу. В бою Игорь был ранен в правую руку, и была большая печаль в полку его. Отрезанные от воды воины были истомлены жаждою. Первыми изнемогли от жажды кони. Много было раненых и мертвых в русских полках. Бились крепко до самого вечера, бились вторую ночь; на рассвете утром в воскресенье черниговские ковуи дрогнули. Игорь поскакал к ковуям, чтобы остановить их. Он снял шлем, чтобы быть ими узнанным, но не смог их задержать. На обратном пути, в расстоянии полета стрелы от своего полка, он был пленен половцами.

Схваченный, он видел, как жестоко бьется его брат Всеволод во главе своего войска, и просил смерти у бога, чтобы не видеть его гибели. Как говорит летописец, Игорь после рассказывал, что вспомнил он тогда грехи свои перед богом, кровопролития, сделанные им в Русской земле, когда взял приступом город Глебов, отцов, разлучаемых с детьми, братьев, дочерей, оторванных от матерей, подруг, раненых мужчин и оскверняемых женщин. „Где ныне возлюбленный мой брат (Всеволод)? — говорил Игорь. — Где ныне брата моего сын? Где чадо рожения моего? Где бояре думающеи, где мужи храборьствующеи, где ряд полъчный? Где кони и оружья многоценьная? Не отъто всего ли того обнажихся, и связня преда мя господь в руки безаконьным темь?“. Всеволод, несмотря на мужественное сопротивление, также был взят в плен. Пленных князей разобрали по рукам половецкие ханы. За Игоря поручился сват его Кончак. Из всего русского войска спаслось только 15 человек, а ковуев и того меньше. Прочие же потонули в море.

В то время Святослав Всеволодович Киевский шел в Корачев и собирал воинов в верхних землях, собираясь вместе с Ростиславичами итти на половцев к Дону на все лето. На обратном пути у Новгорода Северского Святослав услышал, что двоюродные братья его пошли, утаясь от него, на половцев: и не любо ему стало это. Когда Святослав подходил уже в ладьях к Чернигову, прибежал Беловолод Просович и поведал ему о поражении Игоря. Святослав, услышав это, глубоко вздохнув, утер слезы и сказал: „О люба

Вооружение русского воина. Изображение Никиты Воина. Деталь стенной росписи 1500—1502 гг. Ферапонтова монастыря.

моя братья и сынове и мужи земле Руское! Дал ми бог притомити поганыя, но не воздержавше уности (юности) отвориша ворота на Русьскую землю. Воля господня да будеть о всем. Да како жаль ми бяшеть на Игоря (как мне было на него раньше досадно), тако ныне жалую больше (так теперь еще больше жалею) по Игоре брате моемь". Это и есть „злато слово со слезами смѣшено" князя Святослава. „Слово о полку Игореве" передает его несколько иначе, но самый смысл его и тон скорбного упрека в летописи и в „Слове" одинаковы.

В этом „злате слове" Святослава точно определены последствия поражения Игоря. Святослав „притомил поганых" в своем походе 1184 г., но Игорь, „не сдержав юности", свел на-нет его результаты — „отворил ворота" половцам на Русскую землю. Скорбь и лютая туга распространились по всей Русской земле: „и не мило бяшеть тогда комуждо свое ближнее, — говорит летописец, — но мнозе тогда отрекахутся душь своих жалующе по князих своих".

„Поганые" половцы, победив Игоря с братиею, „взяша гордость велику" и, собрав весь свой народ, ринулись на Русскую землю. И была между ними распря: Кончак хотел итти на Киев отомстить за Боняка и деда своего Шарукана, потерпевших там поражение в 1106 г., а Кза предлагал пойти на Семь, „где ся остале жены и дети: готов нам полон собран; емлем же городы без опаса". И так разделились надвое. Кончак пошел к Переяславлю Южному, осадил город и бился здесь весь день.

В Переяславле был тогда князем Владимир Глебович. Был он „дерз и крепок к рати", выехал из города и бросился на половцев, но дружины выехать за ним дерзнуло немного. Князь крепко бился со врагами, был окружен и ранен тремя копьями. Тогда прочие подоспели из города и отняли князя. Владимир из города послал сказать к Святославу Киевскому, Рюрику и Давыду Ростиславичам: „Се половьци у мене, а помозите ми". Святослав послал к Давыду, который стоял у Треполя со своими смольнянами. Смольняне стали вечем и сказали: „Мы пошли до Киева; да же бы была рать, бились быхом (мы пошли к Киеву; если бы

встретили врага, то и бились бы); нам ли иное рати искати, то не можемь, уже ся есмы изнемогли". На эту распрю намекает „Слово о полку Игореве": „сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, но розно ся имъ хоботы (полотнища стягов) пашут (развеваются)".

Святослав с Рюриком поплыли по Днепру против половцев, а Давыд со своими смольнянами возвратился обратно. Услышав о приближении войска Святослава и Рюрика, половцы отступили от Переяславля и на обратном пути осадили Римов. Во время осады Римова рухнула часть стены (две городни́) с людьми. Часть осажденных вышла на вылазку биться с половцами и избегла плена. Всех остальных половцы взяли в плен, либо избили. Между тем хан Кза опустошил землю вокруг Путивля, сжег много сел и острог вокруг Путивля, но самого Путивля, который был крепко укреплен деревянными стенами на высоких земляных валах, взять не смог. В этом Путивле, как мы знаем из „Слова", спасалась в отсутствие Игоря его жена — юная Ярославна.

В плену Игорь пользовался относительной свободой и почетом. К нему приставили двадцать сторожей, которые не мешали ему ездить, куда он захочет, и слушались его, когда он куда-либо их посылал. Игорь ездил на ястребиную охоту со своими слугами и даже вызвал к себе из Руси священника для отправления церковной службы.

Половец Лавр, повидимому крещеный, предложил Игорю бежать. Игорь отказался пойти „неславным путем", но обстоятельства в конце концов вынудили его к бегству: сын тысяцкого и конюший, находившиеся вместе с Игорем в плену, сообщили ему, что возвращающиеся от Переяславля половцы намерены перебить всех русских пленных.

Время для бегства было выбрано вечернее — при заходе солнца. Игорь послал к Лавру своего конюшего, веля перебираться на ту сторону реки с поводным конем. Половцы, стерегшие Игоря, напились кумыса, играли и веселились, думая, что князь спит. Помолясь и взяв с собой крест и икону, Игорь поднял полу половецкой вежи и вышел. Он перебрался через реку, сел там на коня и тайно проехал через половецкие

Княжеские одежды. Икона Бориса и Глеба XII в. (Русский музей).

вежи. Одиннадцать дней пробирался Игорь до пограничного города Донца, убегая от погони. Приехав в Новгород Северский, Игорь вскоре пустился в объезд — в Чернигов и в Киев, — ища помощи и поддержки, и всюду был встречен с радостью.

В 1187 г. вернулся из плена сын Игоря — Владимир. Он вернулся с женой — дочерью хана Кончака — и „с дитятем" и здесь, на Руси, был венчан по церковному обряду. Когда вернулись из плена остальные русские князья — не ясно.

Последствия поражения Игоря еще долго давали себя чувствовать в Русской земле. Половцы беспрерывно тревожили Русь своими набегами. В 1187 г. Святослав Всеволодович Киевский и Рюрик Ростиславич вновь организуют поход против половцев, но отказ Ярослава Черниговского углубиться в степь вынудил русских князей вернуться. В 1191 г. чернигово-северские князья дважды ходили на половцев под предводительством Игоря Святославича.

В 1196 г. умер брат Игоря — Всеволод буй тур. Летописец отметил его смерть некрологической характеристикой, в которой восхвалил его удаль, доброту и „мужественную доблесть".

Вскоре в 1198 г. умер и Ярослав Всеволодович Черниговский — брат Святослава Киевского, умершего за четыре года перед тем (в 1194 г.). На место Ярослава в Чернигове стал князем Игорь Святославич. Он княжил не долго: через 4 года (в 1202 г.) он умер, и о его княжении мы ничего не знаем.

От Игоря осталось шесть сыновей. Со смертью Романа Мстиславича старшему сыну Игоря — Владимиру — удается сесть с помощью местного боярства в Галиче. Своему брату Святославу он добывает Владимир Волынский, а другому брату — Роману — дает Звенигород.

Владимир Волынский Игоревичам не пришлось удержать за собой — они были изгнаны оттуда Лешко польским. В Галиче Игоревичи вступают в борьбу с боярством. Боярству удалось одержать в 1211 г. на некоторое время верх, и трое Игоревичей были повешены, в том числе один из участников похода 1185 г. — Святослав Игоревич. Вскоре умер и старший сын

Игоря — Владимир (в 1212 г.). Когда умер третий из сыновей Игоря, участвовавших в походе 1185 г., — Олег, — не известно.

Такова была судьба участников похода Игоря Святославича.

Из всех событий жизни Игоря и его сыновей подробнее всего мы знаем события похода Игоря 1185 г. Они в самом деле были типичны для своего времени. Именно на примере этого похода автору „Слова о полку Игореве“ удалось показать основное зло своего времени.

Глава 5

СОДЕРЖАНИЕ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“ [1]

Художественная структура „Слова“ — поэтическая. Автор „Слова“ обращается к чувствам своих читателей в той же мере, как и к их разуму. В „Слове“ перед читателем проходит целая гамма ощущений: от тяжелых предчувствий и скорби автор переходит к патетике призыва; эта патетическая часть сменяется лирической и интимной, а все произведение в целом завершается радостным и торжественным финалом. Перед нами своеобразная музыкальная композиция, в которой каждая часть не только самостоятельна по теме, но и окрашена своим особым чувством, но в которой все части вместе гармонично слиты в единое и удивительно законченное произведение. Перед нами, в сущности, одна тема и одно чувство, искусно развернутые во времени с поразительным художественным лаконизмом.

„Слово“ начинается с раздумья автора над тем, как ему рассказать о горестных событиях Игорева похода. Он вспоминает старинного певца — Бояна (XI в.). Боян этот был и создателем и исполнителем своих песен. Он сопровождал свои песни игрой на гуслях. Автор „Слова“ обращается к нему не случайно: он считает его

[1] В этой главе вся цитация дается по объяснительному переводу (см.: Слово о полку Игореве, серия „Литературные памятники“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950).

своим предшественником. Это в известном отношении проливает свет на самый жанр „Слова“ как произведения поэтического в первую очередь, а может быть, и песенного. Но автор „Слова“ не столько сопоставляет свое произведение с песнями Бояна, сколько им противопоставляет.

Он отказывается начать свое повествование в старых выражениях, свойственных Бояну, и хочет вести его ближе к действительным событиям своего времени. Чтобы сделать понятным — почему он отказывается от обычных поэтических способов изложения, автор „Слова“ наглядно характеризует искусную, но неприемлемую для него поэтическую манеру Бояна, которого он называет „вещим“, т. е. кудесником, волшебником.

„Не пристало ли нам, братья, — говорит автор „Слова“, — начать старыми выражениями горестное повествование о походе Игоревом, Игоря Святославича? (Нет), начать эту песнь надо, следуя за действительными событиями нашего времени („по былинамь сего времени“), а не по (поэтическому) замышлению Бояна. Ибо Боян, волшебник, если в честь кого хотел песнь сложить, то так и растекался мыслию по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками“.

Определив в этих метких выражениях сущность поэтической манеры Бояна, парящего сизым орлом под облаками и витийственно стелющегося мыслию по воображаемому дереву, рыскающего с быстротою волка по земле, автор „Слова“ переходит затем к характеристике содержания поэзии Бояна, целиком посвященной прославлению князей. В этих прославлениях Боян достиг такого искусства, настолько искусил руку, что под перстами его струны как бы сами собой, без всяких усилий, в „старых словесах“ пели славу князьям. Из числа князей, которым Боян пел свои „славы“ (прославления), автор „Слова“ упоминает Ярослава Мудрого, его брата Мстислава Владимировича Тмутороканского и Черниговского, победившего в единоборстве касожского (черкесского) князя Редедю в 1022 г. на глазах его войска, и прекрасного Романа Святославича — сына Святослава Ярославича, также бывшего одно время тмутороканским князем. Боян, следовательно, певец княжеский, имевший какое-то

отношение к князьям далекой северночерноморской Тмуторокани, а как увидим в дальнейшем, — и к князьям киевским середины и второй половины XI в.

„Вспоминал он, — как говорил, — пишет о Бояне автор „Слова“, — первоначальных времен во́йны, (и) тогда напускал десять соколов (пальцев) на стадо лебедей (струны): который (из соколов) догонял какую (лебедь), та первая (и) пела песнь во славу старого Ярослава, храброго Мстислава, который зарезал Редедю перед полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу. То, братья, Боян не десять соколов на стадо лебедей пускал, но свои волшебные пальцы на живые струны возлагал, они же сами собой князьям славу рокотали“.

Охарактеризовав старую роскошную, но непригодную для себя поэтическую манеру Бояна, автор „Слова“ определяет затем хронологические пределы своего повествования. Он собирается захватить события от Владимира Святославича, которого он называет „старым“, в отличие от Владимира Мономаха „сына Всеволожа“, и до „нынешнего“ Игоря Святославича Новгород-северского, совершившего свой поход на половцев, подчинив свои мысли (свой „ум“) своей храбрости („крепости“), т. е. в котором храбрость возобладала над разумным расчетом.

„Начнем же, братья, — пишет автор, — повествование это от старого Владимира до нынешнего Игоря, препоясавшего ум храбростью своею и поострившего сердце свое мужеством. Исполнившись ратного духа, навел он свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую“.

После этого автор „Слова“ обращается к своему повествованию. Как бы противопоставляя начало своего повествования началу песен Бояна, автор „Слова“ подчеркивает его скорбный и тревожный характер. Он начинает свое повествование с упоминания затмения — зловещего предзнаменования, вопреки которому Игорь решается итти в поход в поисках личной славы и чести. Он приводит речи, сказанные Игорем пер д выступлением в поход своей дружине. Эти речи точно воспроизводят сильный и энергичный дух древнерусского воинского ораторства. Игорь в своей речи употребляет

обычные дружинные термины той поры: „сесть на коней" означало выступить в поход, „преломить копье"— лично вступить в схватку в начале битвы. Применяет Игорь и военную символику своего времени: „испить шлемом из какой-либо реки" означало „одержать победу на этой реке". Его речь исполнена воинской решимости: победить или умереть, сложить голову, либо испить шлемом Дону.

„Тогда (в начале того похо́да) Игорь взглянул на светлое солнце и увидел (зловещее предзнаменование), что от него тьмою (затмения) все его воины покрыты. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше ведь зарубленным быть (в битве), чем плененным (бесславно дома); так сядем (же), братья, на своих борзых коней (выступим в поход), да поглядим (хотя бы) на синий Дон (в земле Половецкой)». Склонился у князя ум (мысль) перед страстным желанием, и охота отведать великого Дона (т. е. дойти с победою до Дона) заслонила ему (недоброе) предзнаменование: «Хочу ведь, — сказал (он), — сам копье преломить (сам хочу вступить в рукопашную схватку) на краю поля Половецкого; с вами, сыны русские, хочу (или) голову свою сложить или испить шлемом из Дона (т. е. победить половцев на Дону)»".

Наметив тему своего повествования, определив его печальное и зловещее начало, автор „Слова" вновь вспоминает Бояна. Автор „Слова" делает предположение о том, как бы начал Боян воспевать поход Игоря Святославича. Боян — этот „соловей старого времени" — сделал бы это в привычных высокопарных выражениях, паря умом под облаками, скача по воображаемому дереву, соединяя воедино славу начальную со славой последней: славу первых русских князей со славой Игоря. Боян носился бы по божественным путям (по тропе бога Трояна) через поля на горы. Иными словами: Боян переносился бы божественным воображением на огромные расстояния, не зная препятствий своему вдохновению. И далее автор „Слова" дает конкретные примеры высокопарной манеры Бояна, которого он называет внуком бога Велеса, очевидно, считавшегося на Руси покровителем поэзии, а также, как мы знаем из других источников,— покровителем торговли

и скота. Образцы поэтического стиля Бояна, приводимые затем автором „Слова",— драгоценные свидетельства той „старой", приподнятой и торжественной поэзии, которую автор „Слова" считал для себя неприемлемой.

Автор „Слова" пишет: „О Боян, соловей старого времени! Вот бы уж ты эти походы (по-соловьиному) воспел, скача, соловей, по воображаемому дереву, летая умом под облаками, соединяя славы обеих половин этого времени (времени повествования—„от старого Владимира до нынешнего Игоря"), рыща по тропе (языческого бога) Трояна через поля на горы. Пришлось бы внуку того (т. е. Бояну — внуку бога Велеса, о котором ниже) воспеть песнь в честь Игоря (в таких выражениях): «Не буря (русских) соколов занесла через поля широкие, а стада (половецких) галок (уже) бегут (спасаясь) к Дону великому». Или (так бы) начать петь (тебе), (о) волшебник Боян, внук (бога) Велеса: «(Еще только) кони (вражеские) ржут за (пограничною со степью рекою) Сулою, а слава (победы) звенит (уже) в Киеве; трубы (еще только) трубят (созывая войска) в Новгороде (Северском), а стяги (полки) стоят (уже) в Путивле (на пути к Половецкой степи)!»".

Противопоставив свое печальное повествование песням Бояна, автор „Слова" прямо вводит своих читателей в рассказ о сборах к походу: Игорь князь Новгород-северский ждет своего брата — трубчевского и курского князя Всеволода Святославича, которого он называет „буй туром Всеволодом". Решимость Игоря Святославича выступить в поход встречает одобрение Всеволода. Всеволод напоминает Игорю о их семейной, отцовской славе („оба мы Святославичи") и сообщает о готовности выступить всех его курских бойцов, известных как храбрые и опытные воины. Характеризуя своих воинов, Всеволод подчеркивает в них прежде всего те боевые качества, которые были особенно важны в борьбе с быстрой и неуловимой степной конницей: им ведомы дороги в степи, они знают степные овраги, держат оружие на изготовке, чтобы не быть застигнутыми врасплох, и сами быстро, как серые волки, скачут, не дожидаясь нападения, в поисках встречи с врагом.

„(И вот) ждет Игорь милого брата Всеволода (чтобы итти с ним в поход). И сказал ему буйный тур Всеволод (ободряя его): «Один (ты у меня) брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы — Святославичи (оба мы сыновья храброго Святослава Ольговича). (Так) седлай (же), брат (мой), своих борзых коней, а мои-то (уже) готовы, оседланы у Курска раньше. А мои-то куряне известные (знаменитые) воины: под трубами пеленаты, под шлемами взлелеяны, концом копья вскормлены, пути им ведомы, овраги им знакомы, луки у них натянуты (изготовлены к бою), колчаны отворены („на изготовке“), сабли изострены; сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы»“.

После встречи с Всеволодом Игорь выступает в поход, несмотря на все зловещие предзнаменования. Ему препятствовало в походе солнце, заступившее ему путь тьмою. Ночь разбудила грозою птиц. Поднялся свист сусликов. Божество восточных народов — див — стремится криком с вершины дерева предупредить жителей своих стран о походе Игоря, — в особенности Тмуторокани, куда направлялся поход Игоря: див кличет идолу тмутороканскому. Языческие божества как бы объединились против Руси. И вот, предупрежденные о походе Игоря, мчатся ему навстречу к Дону из глубины приазовских степей половцы. Но Игорь непреклонно продолжает вести свои войска.

„Тогда вступил Игорь князь в золотое стремя (т. е. выступил в поход) и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою (затмения) путь заграждало (предвещая опасность); ночь, стонущи ему грозою, птиц пробудила (как бы стремясь предупредить его); (зловещий) свист звериный встал (свист сусликов); взбился див, кличет на вершине дерева (предупреждая половцев о походе русских), велит прислушаться (к походу русских) земле незнаемой (Половецкой степи), Волге, и Поморию, и Посулию (пограничной с Русью земле по реке Суле), и Сурожу (в Крыму), и Корсуню (в Крыму) и тебе, Тмутороканский идол! И (вот) половцы непроложенными (т. е. заранее, как обычно перед походами, „непротеребленными“) дорогами побежали к Дону великому (навстречу войску Игоря); кричат

телеги (их) в полночь, словно лебеди распущенные. (А) Игорь ведет к Дону воинов (несмотря на все дурные предвестия)!“.

Автор рисует тревожную картину, как хищные звери и птицы следуют в походе за войском Игоря в ожидании человеческой добычи, и прерывает себя скорбным восклицанием.

„Ведь уже несчастий его (поражения Игоря) подстерегают птицы по дубам (т. е. ждут добычи на поле битвы), волки (воем) грозу подымают по оврагам; орлы клектом на кости зверей зовут (предвкушая добычу); лисицы брешут на красные щиты (русских). О Русская земля! Уже ты за (пограничным) холмом!“.

Все бесповоротнее, следовательно, надвигающееся поражение! Томительно долго спускается ночь. Вечер, ночь, утро последовательно описываются как бы для того, чтобы подчеркнуть мучительную длительность бессонной ночи накануне битвы.

„Долго наступает ночь. (Вечерняя) заря свет уронила (свет зари погас). (Вот и) мгла поля покрыла. (Наконец и) щекот соловьиный уснул; (утренний) говор галок пробудился. Русские сыны (на утро) великие поля красными щитами перегородили (построившись в боевой порядок с плотно составленными „стеной“ щитами), ища себе чести, а князю — славы“.

Войско Игоря рассеивает передовые отряды половцев. Автор „Слова“ в описании этой первой стычки употребляет обычный боевой термин той поры — „потопташа“, что означает: „разбили боевой порядок неприятеля“. Богатая добыча досталась войску Игоря. Она была так велика, что покрывалами, плащами и дорогими шубами („кожухами“) русские замащивали еще по-весеннему топкие степные дороги. Но сам Игорь взял себе из добычи только боевые знаки врагов.

„(То было) спозаранок в пятницу потоптали они (воины Игоря) поганые полки половецкие (т. е. рассеяли боевой порядок половецких полков) и рассыпались по полю (за добычей), помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты. (Добыча их была так велика, что) покрывалами, плащами и кожухами стали (они) мосты мостить (делать гати) через болота и топкие места, и всякими

драгоценностями половецкими. (Боевые же знаки) красный стяг, белая хоругвь, красная челка, серебряное древко (достались) храброму (Игорю) Святославичу".

Снова ночуют в поле храбрые князья Ольговичи. Автор называет их „гнездом", т. е. выводком, семьей, подчеркивая их родственную близость, сближая их перед лицом новой опасности и, тем самым, подчеркивая трагичность их положения. На этот раз утомленные в битве князья спят, не подозревая о новой, еще большей опасности для себя. Автор лирически размышляет о судьбе этого выводка. Под покровом ночи главные силы половцев под предводительством ханов Гзака и Кончака спешно двигаются навстречу Игорю к Дону.

„(И вот) дремлет в поле храбрый выводок Ольговичей. Далеко залетел! Не был он в обиду порожден ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половец! (А между тем) Гзак бежит серым волком, а Кончак (впереди) ему след правит (т. е. указывает своим следом, следом своего войска, путь) к Дону великому".

Тяжкие предчувствия автора усиливаются. Автор как бы хочет предупредить Игоря о грозящей ему опасности, остановить его на роковом пути. Реальный пейзаж грозового утра сливается с символической картиной движения главных половецких сил со стороны Азовского моря.

„На другой день совсем рано кровавые зори свет возвещают; черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца (четырех князей — Игоря, Всеволода, Олега и Святослава), а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому (быть грому сражения)! Пойти дождю стрелами со стороны Дона великого! Тут копьям изломиться (в рукопашных схватках в начале битвы), тут саблям побиться о шлемы половецкие, на реке Каяле, у Дона великого. О Русская земля! Уже ты за (пограничным) холмом (все неизбежнее, следовательно, гибель)!".

Изображение надвигающейся грозы (поднявшийся ветер, отдаленный гул, пыль, развевающиеся по ветру стяги и замутившиеся реки) превращается в изображение наступающего войска половцев. Автор все время

приковывает внимание читателя к постепенно приближающемуся войску половцев, заставляет читателя пережить неуклонность этого движения прямо на него и только в последний момент обращается вновь к русскому войску, отметив твердо занятую им оборонительную позицию.

„Вот ветры, внуки Стрибога (бога ветров), (уже) веют со стороны моря (с половецкой стороны) стрелами на храбрые полки Игоревы (битва началась перестрелкой из луков). Земля гудит (под копытами конницы, пошедшей в бой), реки мутно текут (взмученные ногами коней, переходящих их вброд), пыль поля покрывает (от движения множества половецкого войска), стяги (половецкие своим движением) говорят (свидетельствуют): половцы идут от Дона (с востока), и от моря (с юга), и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесови кликом (боевым, наступательным кличем) поля перегородили, а храбрые сыны русские перегородили (поля) красными щитами (в сомкнутом строю, с плотно составленными щитами приготовившись к отражению натиска)“.

Самую битву Игорева войска с половцами, длившуюся целых три дня, автор в дальнейшем не описывает. Он как бы не может о ней говорить. Он предается лирическому раздумью, то углубляясь в историю, то обращаясь к настоящему, сетуя о судьбе того или иного из своих героев, или горько сожалеет о печальных исторических судьбах всей Русской земли в целом. Первый, к кому он обращается, — брат Игоря Всеволод буй тур. Автор описывает подвиги Всеволода. В пылу битвы Всеволод не чувствует на себе ран. Да и мог ли он их чувствовать, когда он забыл и феодальную честь, и достояние своего княжества и интересы отцовского княжеского стола в Чернигове, и любовь к своей жене. Здесь похвала Всеволоду, выдержанная вначале в традициях обычного песенного славословия, может быть свойственного Бояну („куда, тур, поскачешь,—там лежат поганые головы половецкие“ и др.), незаметно переходит в укор Всеволоду. Всеволод забыл феодальную честь, — он не выполнил своих феодальных обязательств по отношению к старейшему в роде Святославу Киевскому — отправился в поход

без его разрешения. Всеволод забыл и свою „жизнь“, т. е. богатства, хозяйство, благосостояние своего княжества, пренебрег его интересами. Всеволод забыл о интересах и отцовского княжеского стола в Чернигове, легкомысленно подвергнув его опасности. Наконец, Всеволод забыл о своей жене — милой и любимой красной Глебовне. Это последнее упоминание не случайно. Битвы в „Слове“ неоднократно противопоставляются мирным картинам: то мирной жатве, то мирному ремесленному труду, то пиру как апофеозу мирного труда. Этим подчеркивается ужас и бессмысленность феодальных войн, разрушительность половецких нашествий. Образы жен русских князей (красной Глебовны и Ярославны) служат тем же целям. Жены — это мирное начало, постоянно противопоставляемое в „Слове“ войне.

„Ярый тур Всеволод! — обращается к нему автор „Слова“. — Стоишь ты в (самом) бою, прыщешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда (ты), тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, — там лежат поганые головы половецкие. Рассечены саблями калеными шлемы аварские тобою, ярый тур Всеволод! Какая из ран дорога (чувствительна, близка) тому, кто (в пылу битвы), братья, забыл (даже) честь и достояние (своего княжества), и отцовский золотой стол города Чернигова, и своей милой-желанной, прекрасной (Ольги) Глебовны (жены Всеволода, дочери Глеба Юрьевича Переяславского) свычаи и обычаи (привычки и обычаи: „любовь и ласку“)“.

От размышлений по поводу Всеволода автор обращается к размышлению по поводу всего „гнезда“ Ольговичей. Их политика напоминает ему политику их родоначальника—Олега Святославича. Олег—обобщающий образ всех князей Ольговичей, и именно поэтому автор „Слова“ о нем говорит так подробно. Олег своими междоусобными войнами положил начало разъединению Русской земли. Его походы пришли на смену векам язычества и временам Ярослава Мудрого и его сыновей. Поход Олега предвидел Ярослав Мудрый, призывавший (в своем завещании) русских князей к единению; походы его были невыносимы для его современника — Владимира Мономаха. Свой меч Олег упо-

требил не на дело — на ковку крамолы. Он засевал Русскую землю стрелами. Его битвы были равно губительны для обеих сторон. В затеянной им битве на Нежатиной Ниве погиб и его сторонник Борис Вячеславич, и его противник Изяслав Ярославич. Картина опустошения Русской земли при Олеге Святославиче подчеркивается образом опустелых пашен, изображением разорения мирного труда земледельцев.

„Были века Трояна (века языческого бога Трояна), минули годы Ярославовы (Ярослава Мудрого и его сыновей „Ярославичей“); были (и) походы Олеговы, Олега Святославича! Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. (Только что) ступает (он) в золотое стремя (выступая в междоусобный поход) в городе Тмуторокане, тот же звон (уже) слышал (предугадывал) давний (к тому времени умерший) великий Ярослав (Мудрый, — в своем завещании призывавший к миру между князьями), а сын Всеволода Владимир (Мономах, современник Олега и также активный противник усобиц) каждое утро уши (себе) закладывал в Чернигове (где Мономах княжил). (Настолько невыносимы были для него эти усобицы Олега!). Храброго же и молодого князя Бориса Вячеславича похвальба (перед битвой на Нежатиной Ниве в 1078 г.) привела на суд божий и на (реку) Канину (около Чернигова) постлала ему зеленое погребальное покрывало за обиду (за поруганную честь) Олега (Святославича). С такой же (злочастной, начавшейся по вине Олега Святославича) Каялы (т. е. битвы на Нежатиной Ниве, сравниваемой здесь с битвой на Каяле Игоря Святославича) Святополк (Изяславич) повелел привезти отца своего (Изяслава Ярославича) между венгерскими иноходцами (как обычно перевозили раненых и убитых) к (храму) святой Софии в Киеве. Тогда, при Олеге Гориславиче, засевалось и прорастало усобицами достояние Даждьбожьего внука (т. е. русского народа); в княжеских крамолах сокращались жизни людские. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали (на лошадей, распахивая землю), но часто вороны граяли, трупы между собою деля, а галки свою речь говорили, собираясь полететь на добычу“.

От „Каялы“ Олега автор „Слова“ обращается к Каяле его потомков — ольговичей. Автор подчеркивает ожесточенность битвы Игорева войска и снова противопоставляет битву земледельческому труду, войну — миру.

„То было в те (давние) рати, и в те походы, а такой рати (как эта — Игоря Святославича) еще не слыхано! С раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копья булатные в поле незнаемом, среди земли Половецкой. Черная земля под копытами костями (павших людей) была засеяна, а кровью полита: горем взошли (они) по (всей) Русской земле“.

От этого косвенного намека на поражение Игоря автор переходит к прямому рассказу о нем. Но он не сразу решается сообщить о нем. Он как бы не может понять значения того, что он слышит издалека. Конец битвы он сравнивает с пиром — столь типичным в крестьянском быту для конца земледельческих работ. Кровь он сравнивает с вином, а половцев прямо называет „сватами“. Предводитель половцев хан Кончак был, действительно, сватом Игоря — его дочь была помолвлена за сына Игоря, Владимира. И в этом назывании врагов русских „сватами“ ясно чувствуется осуждение автором „Слова“ родственных союзов русских князей с половецкими ханами. Напоив „сватов“ своею кровью, храбрые русичи полегли на землю Русскую. Сама природа сочувствует поражению русских.

„Что мне шумит (что за шум до меня доносится), что мне звенит (что за звон мне слышится) из далека (с поля далекой битвы) рано (утром) перед зорями? (То) Игорь (Святославич) возвращает (бегущие) полки (черниговских ковуев), ибо жаль ему милого брата („буй тура“) Всеволода (командовавшего этими ковуями). Бились (ведь они) день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы (Игорево войско потерпело поражение). Тут два брата (Игорь и Всеволод) разлучились (захваченные в плен и доставшиеся разным ханам) на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не достало, тут пир (битву) окончили храбрые сыны русские: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую.

Никнет трава от жалости, а дерево с горем к земле приклонилось".

Далее автор переходит к последствиям поражения Игоря для всей Русской земли. Об этих последствиях он говорит, обрисовывая все современное ему положение Руси: прошли для Руси времена обилия, князья вступают в споры между собою, принимая за великое всякую малость. Искажая обычную формулу договоров между князьями „се мое, а то твое", они требуют для себя и того, что им не принадлежит: „се мое, а то мое же". Прекратились и походы русских князей на половцев. Сами половцы нападали на Русскую землю со всех сторон. „Уже ведь братья, невеселое время настало, уже пустыня (нежилое пространство — степь) войско прикрыло (трупы убитых поросли травою). Встала обида в (этих полегших) войсках Даждьбожа внука (т. е. в русских), вступила девою на землю Трояню (на землю русского языческого бога Трояна, т. е. на Русь), восплескала лебедиными крылами на синем море у Дона; плеская, прогнала времена обилия. Борьба князей против поганых прекратилась, ибо сказал брат брату (князь князю): «Это мое и то (тоже) мое». И стали князья про (всякую) малость «это великое» говорить, и сами (тем самым) на себя крамолу ковать. А поганые (пользуясь этим) со всех сторон приходили с победами на землю Русскую".

Автор „Слова" оплакивает гибель храброго Игорева полка. Он описывает плач по павшим в Русской земле и упоминает Карну и Желю, — повидимому, русских языческих погребальных богов („Карна" — от „карить", оплакивать и „Желя" — от „желя", плач по умершим). Плач русских жен выдержан в традициях русских народных плачей.

„О! (увы!) слишком далеко залетел сокол (Игорь), птиц (половцев) избивая, — к морю! Игорева храброго полка не воскресить (случившегося не воротишь)! По нем (по погибшем полку Игоря) кликнули (заплакали погребальным плачем) Карна и Желя (погребальные боги), поскакали по Русской земле, размыкивая огонь в пламенном (погребальном) роге. Жены русские восплакались, приговаривая: «Уже нам своих милых любимых ни мыслию не смыслить, ни думою не сдумать, ни глазами

не повидать, а золота и серебра (и в руках своих) совсем не подержать»“.

Снова обращается автор к волнующей его теме — к современному ему положению Руси. Описание последствий поражения Игоря снова сливается им с общей характеристикой княжеских крамол: поражение Игоря для автора неотделимо от общего состояния раздираемой усобицами Руси. После поражения Игоря Черниговская земля подверглась нападению половцев и застонала от „напастей“. Киевская земля не подверглась непосредственному нападению половцев, но и Киев как центр Руси, тесно с ней связанный, застонал от горя. Князья были заняты крамолами против себя же, и половцы сами собирали дань с русских, как в старые времена, „по белке от двора“. В этом последнем своем утверждении автор „Слова“ допускает явную гиперболу. Половцы не собирали систематически дани с русского населения, ограничиваясь грабежом, уводом пленных и взиманием выкупов. Однако автор „Слова“ хочет подчеркнуть своей гиперболой угрозу независимости Руси. Согласно „Повести временных лет“, русские когда-то платили дань хозарам и варягам „по беле от двора“, но прошло время — и русские сами собирают дань с других народов. Автор „Слова“ хочет сказать, что это положение Руси вновь переменилось и русские близки к утере своей независимости. Вот почему он вспоминает эту старую летописную формулу „по белке от двора“, за которой не могло уже крыться реального содержания, так как сборы дани скорее всего должны были во второй половине XII в. совершаться деньгами, а не мехом.

„И застонал, братья, — пишет автор, — Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле; печаль обильная пошла посреди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали, а поганые (половцы), с победами нарыскивая на Русскую землю, сами брали дань по белке от двора“.

От описания последствий поражения Игоря автор обращается к объяснению причин, по которым поражение Игоря оказалось столь тяжелым для всей Русской земли: Игорь и Всеволод своим своевольным и неудачным походом уничтожили плодотворные результаты

предшествующего (в 1184 г.) победоносного похода на половцев объединенных русских сил под предводительством Святослава Киевского. Игорь и Всеволод пробудили „коварство“ половцев, позволив им и на этот раз нарушить мир. Их непослушание своему „отцу“, т. е. феодальному главе, двоюродному брату, Святославу Киевскому, автор называет „котóрою“, т. е. раздором, смутою. Святослав победил Половецкую землю и самого предводителя половцев хана Кобяка взял в плен и заключил у себя в Киеве в „гриднице“ — в большой пиршественной зале, которую в XII в., с оскудением средств, князья часто использовали как место для заключения пленных, особенно если их было много. Тут-то немцы и венецианцы, греки и чехи поют славу Святославу и укоряют Игоря. Тут-то Игорь из князя превратился в раба: пересел из золотого княжеского седла в седло рабское. Унылыми стали у городов „забралы“, т. е. переходы по верху городских стен, куда обычно высыпал народ, встречая и провожая войско, откуда „плакали“ (причитали) по павшим вдали. Поникло городское веселие.

Вот как говорит обо всем этом сам автор.

„Ибо (потому это все произошло, что) те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже коварство (половцев) пробудили (своим) раздором (раздором со своим главой Святославом и с другими князьями, не захотев сражаться вместе), а его (это коварство) усыпил было отец их (их глава) Святослав (Всеволодович) грозный великий киевский грозою (страхом, который на них нагнал): прибил (половцев) своими сильными полками и булатными мечами, наступил на землю Половецкую (в своем походе за год перед тем), притоптал холмы и овраги (половецкие), возмутил реки и озера (переходя их вброд), иссушил потоки и болота („мосты мостя“ по „грязивым местам“ — прокладывая дороги своему огромному войску). А (самого) поганого (хана) Кобяка от лукоморья (у Азовского моря) из железных великих полков половецких, как вихрь, исторг (захватив в плен): и упал Кобяк в городе Киеве в Святославовой гриднице (заключенный в ней). Тут-то немцы и венецианцы, тут-то греки и чехи поют славу Святославу, укоряют князя Игоря, потопившего богатство

на дне Каялы реки половецкой, — русского насыпавшего золота (на дно Каялы; ведь для Руси прошли времена обилия после поражения Игоря). Тут-то Игорь князь пересел из седла золотого (княжеского) в седло рабское (стал из князя рабом пленником). Уныли у городов забралы и веселье (городское) поникло“.

Отметив, что неудачный поход Игоря и Всеволода свел на-нет плодотворные следствия похода Святослава, автор „Слова“ обращается к тому, как сам Святослав узнал о поражении Игоря и Всеволода и как на него откликнулся. В неясном сне томят Святослава смутные предчувствия. Во сне его одевают в погребальные одежды, сыплют ему на грудь жемчуг — символ слез. Видит он во сне и свой терем златоверхий без князька: как бы приготовленный для выноса умершего (покойника выносили не через дверь, а через разобранную крышу: это имело ритуальное значение, — чтобы душе умершего было „труднее“ найти дорогу обратно в дом). Всю эту беспокойную ночь каркали вороны под Киевом в предградье у Плесньска и понеслись эти вороны к синему морю — туда, к месту поражения Игоря.

„А Святослав мутный (непонятный, неясный для него) сон видел в Киеве на горах (где он жил). В эту ночь, с вечера одевали меня, — сказал (он), — черным погребальным покрывалом на кровати тисовой; черпали мне синее вино, с горем смешанное; сыпали мне пустыми (опорожненными от стрел) колчанами поганых иноземцев крупный жемчуг (символ слез) на грудь и нежили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом (как при покойнике в доме). Всю ночь с вечера серые вороны граяли (предвещая несчастье) у Плесньска (под Киевом), в предградье стояла дебрь Кияня (Киянь — была речка под Киевом), и понеслись (вороны) к синему морю (на юг, „к местам печальных событий“)“.

Бояре объясняют Святославу Всеволодовичу значение его сна, рассказывая ему о походе Игоря и Всеволода. Они говорят о цели похода Игоря и Всеволода, как бы передавая их слова, сказанные перед походом войску, и сообщают об их поражении. Свое объяснение бояре облекают в образы излюбленной в древней Руси соколиной охоты.

„И сказали бояре князю: Уже, князь, горе ум (твой) полонило; ведь, вот, два сокола (Игорь и Всеволод) слетели с отцова престола золотого (как слетают сокола со своей „колодки“), чтобы добыть город Тмуторокань или испить шлемом из Дону (одержать на Дону победу). Уже (этим двум соколам) крыльица подсекли саблями поганых, а самих опутали в путины (надевающиеся на ноги соколам, чтобы они не улетели) железные (заковали в кандалы)“.

С новой силой возникает тема поражения Игоря. Перенесясь мысленно в Киев к Святославу, в центр Русской земли, автор „Слова“ видит отсюда последствия поражения Игоря во всесветном размере: тьма прикрыла свет, все восточные народы радуются поражению Игоря, девы готов, живших в Крыму и около Тмуторокани, куда направлялись походом Игорь и Всеволод, звонят русским золотом, доставшимся им от половцев; они поют о времени, когда русский (антский) князь Боз в 375 г. потерпел страшное поражение и был убит готским королем Винитаром, и лелеют месть за деда хана Кончака — Шарукана, разбитого Мономахом в 1107 г.

За Шарукана не мог отомстить русским ни его сын хан Отрок, загнанный Мономахом на Кавказ, в Абхазию, ни до этой поры сам Кончак. Только поражение Игоря „открыло ему ворота на Русскую землю“. Так радуются все враги Руси. Только дружина князя не имеет веселья.

„Ибо (потому так толковали сон бояре, что) темно было в третий день (битвы Игоря с половцами): два солнца (Игорь и Всеволод) померкли, оба багряные снопа (лучей) погасли и с ними (погасли) два молодых месяца — Олег и Святослав (сыновья Игоря Святославича), — тьмою заволоклись и в море погрузились, и великую смелость возбудили (своим поражением) в Хинове (в каких-то восточных, неясно себе представляемых народах). На реке на Каяле (в месте поражения Игоря) тьма свет покрыла (темные силы одолели светлые); по Русской земле простерлись половцы, как выводок гепардов. Уже спустился позор на славу (позор поражения заслонил собою былую славу); уже ударило насилие (половецкое) на свободу (русских); уже бро-

сился див (божество восточных народов) на землю (Русскую). И вот, готские красные девы запели на берегу синего моря: звоня русским золотом, воспевают (они) время Боза (потерпевшего поражение от готов), лелеют месть за Шарукана (деда хана Кончака, разбитого Мономахом). И мы уже, дружина, без веселия (остались)".

Узнав о поражении Игоря, Святослав произносит „золотое слово". Он упрекает Игоря и Всеволода в самонадеянности и в нарушении феодального послушания. Игорь и Всеволод не только вышли из послушания Святослава, но и из послушания своего непосредственного главы — могучего и богатого Ярослава Черниговского. Игорь и Всеволод одни, без чьей-либо помощи, захотели похитить славу его, Святослава, похода на половцев и поделить между собой будущую славу своих собственных побед. „А разве удивительно было то, что я, старый, помолодел и разбил половцев, — обращается Святослав к Игорю и Всеволоду.— Пример тому — перелинявший сокол, защищающий свое гнездо. Единственная моя беда: отсутствие помощи от других князей. Худые настали времена". Святослав указывает на первое последствие поражения Игоря и Всеволода: нападение половцев на Переяславль Южный и ранение переяславского князя Владимира Глебовича.

„Тогда великий Святослав (Всеволодович Киевский),— говорит автор „Слова", — изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О мои дети (мои младшие князья), Игорь и Всеволод! Рано начали вы (слишком вы поторопились) Половецкой земле досаждать мечами, а себе славы искать, но одолели (вы половцев) без чести (для себя), без чести, ведь, кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из крепкого булата выкованы и в смелости закалены. Что же сотворили (вы) моей серебряной седине? Не вижу я уже (также) у власти (не вижу власти над вами) сильного, и богатого, и обильного воинами брата моего Ярослава (Всеволодовича Черниговского) с черниговскими боярами, с воеводами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами (т. е. со всеми черниговскими ордами ковуев). Те ведь без

щитов, с одними засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу (побеждают, наводя ужас только боевым кликом и своей славой храбрых воинов, перешедшей от прадедов). Но вы сказали: «Помужаимся сами (сами проявим мужество, не прибегая ни к чьей помощи, в том числе и Ярослава Черниговского—своего ближайшего феодального главы), прошлую славу (славу предшествующего похода Святослава Киевского) сами похитим (присвоим себе славу замирителей степи, принадлежащую мне — Святославу Киевскому), а будущую славу (славу своего собственного похода) сами поделим (между собой только, не привлекая других князей к походу)!». — А разве дивно, братья, (мне) старому помолодеть (разве удивительно, что я перед тем победил половцев — в том походе, славу которого вы хотели похитить)? — когда сокол надел оперение взрослой птицы, высоко (он) птиц взбивает; не даст гнезда своего в обиду. (Следовательно, я-то силен, хоть и стар, защищаю свое гнездо), но вот зло — князья мне не в помощь (нет помощи мне от князей): худо времена обернулись. И вот в (городе) Римове кричат под саблями половецкими, а Владимир (Глебович Переяславский) под ранами (полученными им при обороне Переяславля в 1185 г.). Горе и тоска сыну Глебову Владимиру Глебовичу Переяславскому)!»".

На этом заканчивается „золотое слово" Святослава. Далее автор присоединяет свой голос к голосу Святослава. Он зовет поочередно всех русских князей вместе стать на защиту Русской земли. Обращаясь к ним, автор „Слова о полку Игореве" взвешивает возможности каждого князя; он оценивает их силы, их дружину, давая как бы обзор политического состояния всей Руси.

Прежде всего автор „Слова" обращается к сильнейшему князю Руси — Всеволоду Юрьевичу Владимиро-суздальскому, сыну Юрия Долгорукого. Он со скорбью замечает, что Всеволод замкнулся в политических интересах только своего княжества, что он не блюдет Киев, где княжил перед тем его отец Юрий. Автор „Слова" отмечает силу и могущество Всеволода, многочисленность его войска, его победы над волжскими болгарами и подчиненность ему князей рязанских.

Автор „Слова“ употребляет военный символ своего времени — „испить воды“ реки как знак завоевания земель по этой реке. Он развивает этот военный символ и, подчеркивая могущество Всеволода, отмечает, что он может не только „испить“ из Волги, но и расплескать всю ее воду, а Дон его воины могут „вычерпать“. Иными словами: воды не хватит ни в Волге, ни в Дону, чтобы торжествовать победу войску Всеволода. Южных подручных князей рязанских автор сравнивает с „копьями“ Всеволода — оружием первой схватки в бою. Рязанские князья — его передовой отряд против половцев. Вот, следовательно, как могуч Всеволод, и ему ли не выступить со всеми русскими князьями против половцев!

„Великий князь Всеволод (Юрьевич Владимиро-суздальский)! (Неужели) и мысленно тебе не прелететь издалека, поблюсти отцов золотой престол (киевский престол, на котором когда-то сидел Юрий Долгорукий)? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать (тебе ничего не стоит завоевать всю Волгу; столько у тебя воинов), а Дон шлемами вычерпать (ты не только можешь испить из Дону воды, т. е. завоевать земли по Дону, но ты можешь вычерпать его весь, — не „испить“, а выпить). Если бы ты (только) был (здесь — на юге), то была бы (продавалась бы) невольница (половецкая) по ногате (по мелкой „разменной“ монете), а раб (половчин) — по резани (по еще более мелкой монете; так велики были бы последствия твоего пребывания на юге). Ты ведь можешь посуху живыми копьями метать — удалыми сыновьями Глебовыми (князьями рязанскими — сыновьями Глеба Ростиславича)“.

Обращаясь затем с призывом к Рюрику и Давыду Ростиславичам, проведшим бурную жизнь в постоянных походах, автор „Слова“ отмечает лишь их храбрую, закаленную в боях дружину. Рюрик Ростиславич делил со Святославом власть над центром Русской земли — Киевом. Ему принадлежали города вокруг Киева, и он был постоянным союзником Святослава в борьбе против половцев. В частности, он был участником победоносного похода 1184 г. Вот почему, обращаясь к Рюрику, автор „Слова“ призывает его не только встать на защиту Русской земли, но и отомстить за пораже-

ние Игоря Святославича. Поражение Игоря, подручного князя Святослава и Рюрика, было жестоким уроном для княжеской чести Рюрика.

„Ты, буйный Рюрик и Давид! — обращается к ним автор „Слова о полку Игореве“, — не у вас ли воины золочеными шлемами по крови плавали (не вам ли отомстить за своих воинов)? Не у вас ли храбрая дружина рыкают, как туры, раненные саблями калеными на поле незнаемом (в земле Половецкой; не ваша ли дружина рвется в бой отомстить за свои раны)? Вступите (же), господа, в золотые стремена (выступите в поход) за обиду сего времени (за поражение Игоря), за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!“.

Обращаясь к Ярославу Владимировичу Галичскому, автор „Слова“ подчеркивает его силу и богатство. Престол Ярослава не золоченый („золотой“), а „златокованный“, т. е. сделанный из сплошного золота. Со своего престола в высоком, расположенном на горе, Галичском кремле Ярослав управляет всей своею землею — рядит суд и оберегает границы своей земли, простертые до Дуная и до Карпат — на юг и на запад. Он посылает свои войска в помощь крестоносцам против султана Саладина. Тем более есть у него основания послать войска (не „всесть на конь“, а „стрелять“ — только посылая войско) в защиту Русской земли. Так же как и в обращении к Рюрику, автор „Слова“ призывает Ярослава отомстить за раны Игоря. У Ярослава были основания мстить за малозначительного новгород-северского князя: Игорь приходился Ярославу зятем, был женат на дочери Ярослава („Ярославне“ „Слова о полку Игореве“).

„Галицкий (князь) Осмомысл Ярослав! высоко (на горе в Галичском кремле) сидишь ты на своем златокованном престоле, подпер (ты) горы венгерские (Карпаты) своими железными полками, загородив королю (венгерскому) путь (проходы в Карпатах), затворив Дунаю (странам и народам по Дунаю, подвластным Византии) ворота (своей земли; т. е. крепко оберегая границы своей земли и от венгерского короля, и от Византии), переметывая тяжести через облака (Ярослав обычно посылал войска далеко за пределы своего княжества, не сопро-

вождая их сам), суды рядя до Дуная (верша суд, управлял землями до самого Дуная). Грозы твои по странам текут (страны боятся тебя), (ты) отворяешь Киеву ворота (Киев тебе покорен), стреляешь с отцова золотого стола (с престола, доставшегося тебе по наследству, от отца, а не захваченного или наследованного по старшинству среди князей) салтанов за землями (сидя на своем наследственном престоле, ты посылаешь войска против салтана Саладина в Палестину). (Так) стреляй (же), господин, в Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!".

Вслед за тем автор „Слова" обращается к Роману Мстиславичу Волынскому и к Мстиславу — повидимому, Мстиславу Всеволодовичу Городенскому или Мстиславу Ярославичу Пересопницкому. Роман хо́дил с победами на восточные народы (Хинов), на литву, ятвягов (литовское племя), деремелу (литовское племя) и половцев. Его войска имели частично западноевропейское вооружение („суть бо у ваю желѣзныи паробци подъ шеломы латиньскыми").

„А ты, буйный Роман, и Мстислав! храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг. Высоко паришь (ты, Роман) на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах паря, собираясь птицу в смелости одолеть. Ведь у вас железные молодцы под шлемами латинскими. От них дрогнула земля, и многие страны — Хинова (восточные народы, монголы), Литва, Ятвяги (литовское племя), Деремела (литовское племя), и половцы копья свои повергли (потерпели поражение, „бросили оружие"), а головы свои подклонили под те мечи булатные (были перебиты мечами)".

Обращение к Роману и Мстиславу перебивается новым наплывом горя от поражения Игоря. Победы Романа и Мстислава, вселившие в поэта уверенность в возможности новой победы над половцами, вызывают в нем вместе с тем горькое чувство невозвратимости утраты: храбрых воинов Игоря не воскресить! Жалея воинов Игоря и русские города по пограничным рекам — Роси и Суле, — автор „Слова" еще раз упрекает Игоря и Всеволода за их самонадеянность. Он иронически противопоставляет расторопность ольговичей Игоря и Всеволода, „поспевших" в своем походе 1185 г. на брань,

приведшую их к поражению, их медлительности в предшествующем, 1184 г., когда они не поспели принять участие в общем походе русских князей против половцев под предводительством Святослава Киевского. Тогда-то была победа, а теперь, захотев одним поделить славу победителей, они поспешили лишь к своему поражению.

„Но уже (теперь, после поражения Игоря, в противоположность времени побед Романа и Мстислава), о князь Игорь, померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города (русские) поделили (между собою половцы). А Игорева храброго полка не воскресить (не вернуть дружины Игоря)! (Помнишь, князь Игорь, что ты говорил:) «Дон тебя, — князь (Игорь), — кличет и зовет князей на победу!». (Вот) Ольговичи, храбрые князья, (и) поспели на брань...“.

Прервав этим лирическим отступлением свое обращение к Роману Мстиславичу и его подручному князю Мстиславу и оставив это обращение без заключительного призыва встать на защиту Русской земли, автор „Слова“ в следующем затем обращении вспоминает все же о Романе, хотя и не называя его по имени. Автор „Слова“ обращается к Ингварю и Всеволоду — сыновьям Ярослава Изяславича Луцкого — и ко „всем трем Мстиславичам“. Кто такие эти три Мстиславича? Обычное толкование видит в них все тех же сыновей Ярослава Изяславича Луцкого — Ингваря, Всеволода и их не названного брата Мстислава. Но у Ярослава Изяславича было не трое сыновей, а четверо, и они не могли быть названы „Мстиславичами“ по своему прадеду Мстиславу (в таком случае „Мстиславичей“ бы оказалось среди князей слишком много). Здесь, несомненно, имеются в виду три брата — сыновья Мстислава Изяславича: Роман, обращение к которому было прервано выше и которого поэтому было уместно вновь вспомнить сейчас, Святослав и Всеволод. Вместе с Ингварем и Всеволодом Ярославичами они составляли всю группу волынских князей. Мстиславичи эти были по матери полуполяками. Вот почему, отчасти, автор в обращении к ним говорит: „кое ваши златыи шеломы и сулици ляцкыи (польские) и щиты?“. Мстиславичи пользовались постоянной военной помощью со стороны Польши.

Указывая на их мощь, автору „Слова“ было важно подчеркнуть и это.

„Ингварь (Ярославич) и Всеволод (Ярославич) и все трое Мстиславичей (Роман, Святослав и Всеволод), не худого гнезда соколы (не плохой вы выводок соколов), (но) не по праву побед расхитили (добыли) себе владения! Где же ваши золотые шлемы и копья польские и щиты (на что употребляете вы ваше оружие)? Загородите (же) полю ворота (замкните русские границы со степью) своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!“.

Автор „Слова“ в своем обращении к русским князьям начал с крайнего северо-востока — с обращения к Всеволоду Суздальскому, затем перешел на юг и обратился к Рюрику Ростиславичу, княжившему вблизи Киева, к его брату Давиду Ростиславичу, затем он обратился на запад — к Ярославу Галицкому. От Ярослава Галицкого он обратился к князьям волынским — северо-западнее Галича. Охватывая весь горизонт Русской земли и двигаясь в своих обращениях „по солнцу“ — слева направо, автор „Слова“ перешел затем к крайнему северо-западу Руси — к князьям полоцким. Как раз в это время полоцкие князья вели упорную борьбу с наседавшими с запада литовскими племенами. Автор „Слова“ отмечает слабость полоцких князей в обороне их собственных границ от литовцев и поэтому, может быть, не рискует отвлечь их от их собственных дел делами половецкими. Положение на границах Полоцкой земли с литовцами автор „Слова“ сравнивает с положением южных границ Руси с половцами: Сула (пограничная с половцами река на юге) и Двина (пограничная с литовцами река на западе) превратились в болотистые речушки и уже не служат преградами для враждебных Руси народов. С горечью отмечает автор „Слова“, что один только Изяслав Василькович (князь, по летописям не известный) оказал сопротивление литовцам, но при этом сам потерпел поражение, уронив славу своего прародителя Всеслава Полоцкого.

„Уже ведь (пограничная река на юге) Сула не течет серебряными струями для города Переяславля (не служит для него защитой), и Двина (пограничная река на северо-западе) болотом течет для тех грозных полочан

(не служит защитой для жителей Полоцка), под (боевым) кликом поганых (литовцев). Один (только) Изяслав, сын Васильков, позвонил своими острыми мечами о шлемы литовские (вступил в сражение с литовцами), (но) прибил славу деда своего Всеслава (потерпев поражение, погубил, тем самым, славу своего „деда" Всеслава Полоцкого, славу Полоцкого княжества), а сам под (своими) красными щитами на кровавой траве был прибит на (пролитую) кровь мечами литовскими (вместе) со своим любимцем, а тот и сказал: Дружину твою, князь, птица (хищная, питающаяся трупами) крыльями приодела, а звери кровь (павших и раненых) полизали! Не было тут (в этой битве) ни брата (его) Брячислава (Васильковича), ни другого (брата) Всеволода (Васильковича). Так, в одиночестве изронил (он) жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье. Уныли голоса, поникло веселие. Трубы трубят городенские (в знак сдачи города)".

Описав в этих чертах бессилие Полоцкой земли и невозможность для полоцких князей принять участие в делах всей Руси, автор „Слова" призывает затем полоцких князей прекратить раздоры с остальными русскими князьями. Полоцкие князья вели свое происхождение от Владимира и его жены Рогнеды — дочери полоцкого князя Рогволода, не состоявшего в родстве с остальными русскими князьями. По внуку этой Рогнеды — знаменитому Всеславу Полоцкому — автор „Слова" называет полоцких князей „внуками Всеслава". Остальных же русских князей автор „Слова", как и летопись, называет внуками Ярослава, ярославичами. Призыв автора „Слова" обращен и к ярославичам и ко всеславичам. И те и другие потерпели поражение в своих междоусобных битвах: обе стороны лишились дедовской боевой славы, обе стороны наводили на Русскую землю и на владения всеславичей язычников (половцев и литовцев).

„Ярославичи и все внуки Всеслава (Полоцкого)! Уже склоните стяги свои (в знак вашего поражения) и вложите (в ножны) свои поврежденные (в междоусобных битвах) мечи; ибо лишились вы славы ваших дедов; ибо вы своими крамолами стали наводить язычников на землю Русскую (на владения ярославичей), на достояние Все-

слава (на владения полоцких князей). Из-за (вашей) усобицы, ведь, настало насилие от земли Половецкой".

Призвав полоцких князей и всех остальных русских князей прекратить губительную для обеих сторон вражду, автор „Слова" обращается к истокам этой вражды — к истории родоначальника полоцких князей Всеслава Брячиславича, — чтобы на примере его судьбы наглядно показать губительность усобиц. Повествование о Всеславе начинается с рассказа о том, как Всеслав в 1068 г., воспользовавшись восстанием киевлян, потребовавших у князя Изяслава оружие и коней, выбрался из заключения и захватил киевский стол, как затем ночью ему пришлось бежать от киевлян из Белгорода, как он очутился у Новгорода и затем у реки Немиги в Полоцком княжестве. Автор „Слова" подчеркивает, что Всеслав явился напоследок языческих времен (Всеслав и в самом деле был связан в своей деятельности с последними представителями язычества на Руси) и отличался быстротою своих передвижений.

„На седьмом (на последнем) веке (языческого бога) Трояна (т. е. напоследок языческих времён) кинул Всеслав жребий о девице ему милой (попытал счастья добиться Киева). Он хитростями оперся на коней (потребованных восставшими киевлянами) и скакнул (из подгороднего „поруба" — тюрьмы, наверх) к городу Киеву и коснулся древком (копья) золотого (княжеского) престола киевского (добыв его ненадолго, не по праву наследства и не „копием", т. е. не военной силой, а только древком копия, — как в столкновениях между своими). Скакнул от них (от восставших киевлян — своих союзников) лютым зверем в полночь из Белгорода, объятый синей (ночной) мглою; поутру же вонзил секиры, — отворил ворота Новгороду, расшиб славу (основоположника новгородских вольностей) Ярослава (Мудрого), скакнул волком до (реки) Немиги от Дудуток (под Новгородом)".

Затем автор кратко характеризует битву на Немиге около Минска, во время которой Всеслав потерпел жестокое поражение от трех братьев Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода. Характеристика этой битвы выдержана в образах народной поэзии. Битва про-

тивопоставлена мирному крестьянскому труду, чем вновь подчеркнута бессмысленность и разрушительность междоусобий.

„На Немиге (не мирно трудятся) — снопы стелют из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. У Немиги кровавые берега не добром были посеяны: посеяны костьми русских сынов".

Затем автор „Слова" дает характеристику всей судьбы князя Всеслава. Его неприкаянная жизнь служит для автора „Слова" типичным примером беспокойной и пагубной жизни князя, всю свою деятельность направившего на междоусобные ссоры с другими князьями, на поиски личной „чести" и „славы". В его характеристике автор „Слова" предостерегает его потомков — полоцких всеславичей.

„Всеслав князь людям суд правил, князьям города рядил (властвуя, следовательно, над судьбой и простых людей и князей), а сам (не имея пристанища) ночью (как тогда, когда бежал из Белгорода) волком рыскал: из Киева дорыскивал ранее (пения) петухов до Тмуторокани, великому Хорсу (богу солнца) волком путь перерыскивал (до восхода перебегая ему дорогу). Для него (в его престольном городе) Полотске позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве (в заключении) звон (тот) слышал (принужден был слышать). Хоть и провидящая душа (была у него) в храбром теле, но часто (он) от бед страдал. Ему провидец Боян давно (еще) припевку, разумный, сказал: Ни хитрому, ни умелому, ни птице умелой суда божьего не миновать!".

Как ни „горазд", следовательно, был Всеслав, но вся его неприкаянная жизнь была „судом и возмездием божиим" за его усобицы. Судьба Всеслава наводит автора на размышления о судьбе всей Русской земли, терзаемой бесконечными усобицами многих „Всеславов". Он вспоминает первых русских князей и первые годы Русского государства, вспоминает многочисленные походы Владимира I Святославича на внешних врагов Руси и противопоставляет им нынешнее положение на Руси, когда даже братья — Рюрик и Давыд Ростисла-

вичи — не смогли договориться о совместном выступлении против половцев.

„О, стонать Русской земле, помянув первые времена (еще до Всеслава Полоцкого) и первых князей (очевидно — Олега, Игоря, Святослава и Владимира)! Того старого Владимира (Святославича) нельзя было пригвоздить к горам киевским (так часто он ходил в походы на недругов Русской земли); вот ведь (и) теперь (в 1185 г.) встали стяги (приготовившись к походу) Рюрика (Ростиславича), а другие (его брата) Давыда (Ростиславича), но врозь у них развеваются полотнища (нет между ними согласия). Копья поют! (поют бросаемые копья; где-то воюют)“.

Забыты, следовательно, первые князья и их походы на врагов; теперь в походах нет между князьями согласия.

Тема княжеских несогласий закончена. Автор переходит к повествованию о судьбе Игоря. Широкая тема сменяется частной и личной, но и в этой личной теме, в теме личной судьбы Игоря, явственно звучат ноты любви к Родине. Тема личной судьбы Игоря вводится плачем о нем его жены — Ярославны. Этот плач жены Игоря резко переключает отношение к нему автора. Повествование становится лирическим. Оно насыщено атмосферой народной лирической песни. И здесь (в плаче Ярославны), и в последующем широко вводится пейзаж, окутывающий героя теплой атмосферой лирики. Но тема Родины не отходит на второй план. Она присутствует и здесь, разрешаемая иными средствами. Ярославна — русская женщина. Ее плач по муже — плач русской женщины, жалеющей не только Игоря, но и его воинов, вспоминающей и славный поход Святослава Киевского против половцев. Природа, к которой обращается Ярославна, — русская природа; ее сочувствия ищет Ярославна. Плач Ярославны — русская народная причеть. Тема Родины предстает перед нами в этой последней, заключительной части „Слова“ как тема интимно близкая всякому русскому человеку.

„На Дунаи Ярославнин голос слышится (голос Ярославны долетает до берегов Дуная — до крайних границ Руси), кукушкою безвестною рано (она) кукует:

„«Полечу, — сказала, — кукушкою по Дунаю, омочу бобровый рукав в Каяле реке, утру князю (Игорю) кровавые его раны на могучем его теле».

„Ярославна рано плачет в Путивле на забрале (на переходах в верхней части городской стены), приговаривая:

„«О ветер, ветрило! зачем ты, господин, веешь наперекор (навстречу русским полкам)? Зачем мчишь хиновские (монгольские?) стрелочки на своих легких крыльицах на воинов моего милого (в битве на Каяле ветер дул на русских со стороны половцев)? Разве мало тебе было в вышине под облаками веять, лелея корабли на синем море? К чему, господин, мое веселье по ковылю ты развеял?».

„Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая:

„«О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы (в местах днепровских порогов) сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе святославовы (Святослава Всеволодовича Киевского) насады (суда с „насаженными“, надшитыми бортами, на которых Святослав отправил свое войско в поход против половцев за год до похода Игоря) до стана Кобякова (до стана половецкого войска хана Кобяка). Прилелей (же), господин, ко мне моего милого, чтобы не слала я к нему рано слез на море (где в Приазовских степях находился в плену Игорь)».

„Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая:

„«Светлое и трижды светлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно: к чему (же), господине, простерло (ты) горячие свои лучи на воинов моего милого? В поле безводном жаждою им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло?» (воины Игоря жестоко страдали от жажды в трехдневном бою)“.

Горе Ярославны находит, наконец, облегчение. Игорь бежит из плена. Природа помогает Игорю. Бегство Игоря рассказано в образах русских народных сказок.

„Прыснуло море в полуночи, идут смерчи облаками. Игорю князю бог путь указывает (этими приметами) из земли Половецкой в землю Русскую к отчему золотому столу (в Чернигове). Погасли вечером зори. Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслью поля мерит от великого Дона

до малого Донца. Коня в полночь Овлур (крещеный половец — друг Игоря) свистнул за рекою, велит князю разуметь: князю Игорю не оставаться; (Овлур) кликнул, застучала земля (под копытами коней), зашумела (потревоженная) трава, вежи половецкие задвигались (половцы заметили бегство Игоря). А Игорь князь поскакал горностаем к (прибрежному) тростнику и белым гоголем на воду. Вскочил (на той стороне реки) на борзого коня (приготовленного ему Овлуром «за рекою») и соскочил с него серым волком. И побежал к излучине Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и обеду, и ужину. Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, стряхивая собою студеную росу: (оба) ведь надорвали своих борзых коней".

Река Донец вступает в диалог с Игорем. Этот диалог носит также народно-сказочные черты. Донец сочувствует русскому князю. Игорь в ответ благодарит Донец за помощь во время бегства. Он противопоставляет Донцу реку Стугну, в которой в 1093 г., после поражения, нанесенного половцами, спасаясь бегством, утонул брат Мономаха — Ростислав.

„Донец сказал: «(О) князь Игорь, немало тебе величия, а Кончаку нелюбия, и Русской земле веселия!».

„Игорь сказал (в ответ): «О Донец! немало тебе величия, лелеявшему князю (Игоря) на волнах, стлавшему ему зеленую траву на своих серебряных (покрытых меловыми отложениями) берегах, одевавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева; ты стерег его (Игоря) гоголем на воде (твой чуткий к приближению человека гоголь предупреждал его об опасности), чайками на струях (твои чайки, поднимаясь при приближении человека с водных струй, предупреждали его о погоне), чернядями на ветрах (чуткими чернядями — нырковыми утками). Не такова-то, — говорит (он, князь Игорь), — река Стугна; мелкое теченье имея, поглотив чужие ручьи и ладьи, расширенная к устью, юношу князя Ростислава заключила (она в себе). На темном берегу Днепра плачется мать Ростислава по юноше князе Ростиславе. (Тогда) уныли цветы от жалости, и дерево с тоскою к земле приклонилось»".

Затем автор „Слова“ описывает погоню за Игорем хана Гзака и хана Кончака. Природа сочувствует Игорю. Дятлы своим стуком в густых зарослях вокруг запрятанных в глубоких долинах рек указывают Игорю путь к рекам, где он мог спрятаться от погони.

„То не сороки застрекотали: по следу Игоря едут (разговаривая — „стрекоча“) Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, полозы (степные змеи) ползали только. Дятлы стуком (в зарослях речных долин) кажут путь к реке Игорю, да соловьи веселыми песнями рассвет возвещают“.

Между ханом Гзаком и ханом Кончаком происходит спор, — как поступить с сыном Игоря, оставшимся в плену.

„Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол (Игорь) к гнезду летит, расстреляем соколенка (сына Игоря — Владимира) своими золочеными стрелами».

„Говорит Кончак Гзаку: «Если сокол к гнезду летит, то мы соколенка опутаем красною девицею (женим его на половчанке)».

„И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красною девицею, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы (оба уйдут на Русь), и станут нас птицы (соколы — русские) бить в степи Половецкой» (станут русские вновь воевать против нас, если упустим заложника)“.

Владимир, как известно, вернулся на Русь вместе с молодой женой — половчанкой. Автор „Слова“ не мог этого не знать. Заключая воображаемый разговор хана Гзака и хана Кончака этими словами Гзака, автор „Слова“, следовательно, как бы говорил, что ничто теперь не помешает „птицам“ бить половцев в степи Половецкой.

После этого „Слово“ переходит к радостной, полной веселия заключительной части. Князь Игорь нужен Русской земле, как телу нужна голова. Автор „Слова“ говорит о приезде Игоря в Киев, о пении ему славы. Эту славу поют даже в отдаленных уголках Руси — в русских поселениях на Дунае. Пение этой славы достигает Киева. Возвращению Игоря радуются и в сельских местностях, и в городах. Автор провозглашает

славу русским князьям — старым и молодым: Игорю, Всеволоду и Владимиру, также вернувшемуся из плена. Он провозглашает славу князьям и дружине, борющейся с врагами Русской земли.

„Сказали Боян и Ходына — песнотворцы Святославовы (Святослава Ярославича — сына Ярослава Мудрого), старого времени Ярославова, Олега князя любимцы (любимцы сына этого Святослава Ярославича — Олега Святославича, „Гориславича“): «Тяжко голове без плеч, беда телу без головы, (так и) Русской земле без Игоря».

„«Солнце светится на небе, — (а) Игорь князь во (всей) Русской земле». (То русские) девицы поют (славу Игорю) на Дунае, — (но и оттуда) вьются голоса (их) через море до (самого) Киева.

„(То) Игорь (вернувшись из плена) едет (в Киеве) по Боричеву (подъему) к (церкви) святой богородицы Пирогощей. Села рады, города веселы (вся Русская земля, до далеких дунайских поселений, радуется возвращению Игоря).

„Певше песнь старым князьям, — потом и молодым (следует) петь: «Слава Игорю Святославичу, буй-туру Всеволоду, (а также молодому князю) Владимиру Игоревичу!».

„(Будьте) здравы, князья и дружина, борясь за христиан против поганых (языческих) полков!

„Князьям слава и дружине!

„Аминь“.

„Слово“ заканчивается радостно и торжественно. „Слово“ — глубоко оптимистично по своей сущности. Описывая печальные и трагические последствия похода Игоря, оно зовет к действию, а не к пассивной скорби. Призывая к обороне, оно, в сущности, миролюбиво. Это призыв к защите мирного труда трудового населения всей великой Русской земли.

Итак, мы проследовали за автором „Слова“ в ходе его поэтической мысли. Мы могли убедиться, что внешне непоследовательная композиция „Слова“ тем не менее очень последовательна внутренне. „Слово“ раскрывается читателю как произведение, строго подчиненное законам поэтического мышления, с одной стороны, и патриотическим идеям автора, с другой. Обратимся к этим последним.

Глава 6

„СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ" — ПРИЗЫВ К ЕДИНЕНИЮ

Созданное сразу после событий Игорева похода, „Слово" было непосредственным откликом на них. Оно было призывом к действию, к прекращению княжеских усобиц, к объединению перед лицом страшной внешней опасности. По точному выражению К. Маркса, „смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов" (Соч., т. XXII, М.—Л., 1931, стр. 122). Этот призыв и составляет основное содержание „Слова о полку Игореве". Поход Игоря дал лишь внешний повод к этому призыву. На примере поражения Игоря автор „Слова" наглядно показывает печальные последствия политического разъединения Руси.

„Слово" не столько повествует о событиях Игорева похода, сколько их обсуждает, дает им оценку. Оно говорит о них как о хорошо известных читателям. Это горячая речь патриота — речь страстная и взволнованная, поэтически непоследовательная, то обращающаяся к событиям живой современности, то вспоминающая дела седой старины, то гневная, то печальная и скорбная, но всегда полная веры в Родину, полная гордостью ею, уверенностью в ее будущем.

В самом деле, в „Слове" ясно ощущается широкое и свободное дыхание устной речи. Оно чувствуется и в выборе выражений — обычных, употреблявшихся в устной речи, терминов военных и феодальных; оно чувствуется и в выборе художественных образов, лишенных

литературной изысканности, доступных и народных; оно чувствуется и в самой ритмике языка, как бы рассчитанного на произнесение вслух. Автор „Слова“ постоянно обращается к своим читателям, точно он видит их перед собой. Он называет их „братия“ („Не лѣпо ны бяшетъ, братие...“, „почнемъ же, братие...“).

В круг своих воображаемых слушателей он вводит и своих современников и людей прошлого. Он обращается к Бояну — „О Бояне, соловию стараго времени! абы ты сиа плъкы ущекоталъ“. Он обращается к буй туру Всеволоду: „Яръ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными!“. Он обращается к Игорю, к Всеволоду Суздальскому, к Рюрику и Давыду Ростиславичам и т. д. Описывая печальные предзнаменования, которые предшествовали походу Игоря и сопровождали Игоря на его роковом пути, он как бы хочет остановить его и тем самым вводит читателя в тревожную обстановку похода. Он прерывает самого себя восклицаниями скорби: „О, Руская землѣ! уже за шеломянемъ еси!“, „То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицеи рати не слышано!“. Все это создает впечатление непосредственной близости автора „Слова“ к тем, к кому он обращается. Эта близость переходит за грань близости писателя к своему читателю, — это близость скорее оратора к своим слушателям. Автор „Слова о полку Игореве“ ощущает себя говорящим свое произведение, а не пишущим его.

Однако было бы ошибочным считать, что перед нами типичное ораторское произведение, предполагать, что в „Слове о полку Игореве“ соединены жанровые признаки ораторского „слова“ — все равно, предназначавшегося для произнесения или только для чтения. Не исключена возможность, что автор „Слова“ предназначал свое произведение для пения. Во всяком случае лирики, непосредственной передачи своих чувств и настроений в „Слове“ больше, чем можно было бы ожидать от произведения ораторского. Исключительно сильна в „Слове“ и его ритмичность. Наконец, следует обратить внимание и на то, что сам автор „Слова“, хотя и называет свое произведение очень неопределенно — то „словом“, то „песнью“, то „повестью“, однако, выбирая

свою поэтическую манеру, рассматривает как своего предшественника не какого-либо из известных и нам ораторов XI — XII вв., а Бояна — певца, поэта, исполнявшего свои произведения под аккомпанемент какого-то струнного инструмента — повидимому, гуслей. Автор „Слова“ до известной степени противопоставляет свою манеру манере Бояна (автор обещает начать свою „песнь“ „по былинамь сего времени, а не по замышлению Бояню“), однако это противопоставление потому-то и возможно, что он считает Бояна своим предшественником в том же роде поэзии, в каком творит и сам.

Таким образом „Слово о полку Игореве“ — это призыв к единению, призыв певца-поэта. Он был несомненно написан автором, но автор чувствовал свою связь с устным словом, с устной поэзией; автор чувствовал свое произведение произнесенным. Если это речь, то она близка к песне. Если это песнь, то она близка к речи. К сожалению, ближе определить жанр „Слова“ не удается. И в том, и в другом случае оно было предварительно написано его автором, и именно это-то и сгладило в нем признаки песни или речи, но написанное — оно сохраняет для нас все обаяние живого, устного слова, — слова горячего, убеждающего, полного самой искренней, самой задушевной, сердечной любви к Родине, полного веры в тех, к кому оно обращалось.

Призыв автора „Слова о полку Игореве“ выражен то косвенно, то прямо. Прямо выражен призыв — в „золотом слове“ Святослава Киевского, продолженном обращением самого автора „Слова“ к русским князьям. Автор обращается к князьям, сидевшим и на востоке, и на западе: князьям владимиро-суздальским, полоцким, галицким и т. д. Всех их автор „Слова“ считает причастными общему русскому делу — защите южных границ Руси.

Последовательность, в которой автор „Слова“ обращается к русским князьям, лишена местничества, лишена и родовой точки зрения. Автор „Слова“ не учитывает ни родственных отношений, ни степени важности

княжеств. Ему ничего не стоит обратиться сперва к племяннику, а потом к дяде (к Владимиру Глебовичу, а потом к Всеволоду Суздальскому), к ольговичам вперемешку с мономаховичами, к смоленским князьям (Рюрику и Давиду Ростиславичам) прежде, чем к Ярославу Осмомыслу. Скорее всего последовательность здесь живая, непосредственная, лишенная особых расчетов и этикета. Он обращается прежде всего к тем князьям, чьего участия в будущем походе он больше всего добивается, от кого прежде всего ждет отклика. При всем величии своего патриотического воодушевления, автор „Слова" прежде всего реалист в политике.

Автор „Слова" по-разному оценивает политические перспективы отдельных русских княжеств. Отмечая (и при этом почти пророчески) растущую силу владимиро-суздальской и галицко-волынской земель, он с горькой иронией дает совет полоцким князьям: „понизити стязи свои, вонзите мечи свои вережены". Действительно, положение полоцких княжеств, ослабленных междоусобной борьбой, было очень печальным. В этих междоусобных битвах они должны были признать свое поражение.

Прежде всего автор „Слова" обращается к Всеволоду Юрьевичу Суздальскому. Он отмечает, что Всеволод замкнулся в политических интересах только своего княжества: „Великый княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти?". И этим верно отмечен поворот в политике владимирских князей, наступивший во второй поло ине XII в. В отличие от Юрия Долгорукого, Андрей Боголюбский порывает с Киевом, за обладание которым боролся его отец, и уходит к себе на север. Здесь, на севере, Андрей делает ряд попыток обосновать новый центр Руси. Политику Андрея решительно продолжил его брат Всеволод.

„Ты бо можеши Волгу веслы раскропити": в этих словах автора „Слова" подчеркнута и многочисленность войска Всеволода и его успешная борьба с волжскими болгарами (1183 г.).

Наконец, полны исторического значения и заключительные слова обращения к Всеволоду: „Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы", под которыми, очевидно, подразумеваются

сыновья Глеба Ростиславича Рязанского, которых Всеволод держал в своей власти.

Обращаясь к Рюрику и Давыду Ростиславичам, автор отмечает лишь одну их характерную особенность — их храбрую дружину, закаленную в боях. Так оно, очевидно, и было — Рюрик и Давыд провели беспокойную жизнь. Рюрик неоднократно появлялся на киевском столе, захватывая его военной силой. Не раз ходил Рюрик и на половцев, только недавно, в 1183 г., нанеся половцам жестокое поражение на реке Хирии (или Хороле?). Ходил Рюрик на половцев и в 1185 г. Эти войны с половцами, очевидно, и имеет в виду автор „Слова“, когда пишет: „Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ?“.

Обращаясь к Ярославу Осмомыслу Галицкому, автор „Слова“ верно отмечает его силу: наряду с княжеством Владимиро-суздальским Галицкое княжество было явно на подъеме своего могущества. Ослабление Киева и Чернигова в XII в. шло параллельно росту могущества княжеств Владимиро-суздальского и Галицкого. Автор „Слова“ называет престол, на котором сидит Ярослав Осмомысл, „златокованным“, и это не случайно. Здесь, как и во многих других случаях, в „Слове“ поражает исключительная точность и многозначность подбираемых им выражений. Термин „золотой“ может в равной степени означать и „золоченый“, и сделанный из сплошного золота. Княжеский стол в Киеве назван „золотым“. Он золотой прежде всего по своему значению, а может быть, и потому, что реальный стол в Киеве был золотым или золоченым. Зато стол Галицкий назван „златокованным“, сделанным из сплошного золота, и этим подчеркивается только одна — материальная сторона: богатство престола, а следовательно, и богатство Галича. Действительно, из всех княжеств Руси XII в. Галицкое было самым богатым вследствие выгодного для Галича перемещения в XII в. торговых путей, соединявших север и юг Европы, — из Поднепровья, где его прервали половцы, на Запад — в безопасные районы Галицкого княжества. Усиление в XII в. галицких городов было вызвано их увеличившимся торговым значением.

Следующий затем призыв обращен к „буй-Роману и Мстиславу“. Буй-Роман—Роман Мстиславич. Это ясно из перечисления его побед над литвой, ятвягами, деремелой и половцами. Из Романов, современников автора, только Роман Мстиславич Галицкий ходил на все эти народы. Именно для его войска было характерно и латинское вооружение („суть бо у ваю желѣзныи паробци подъ шеломы латиньскыми“). Но кто такой Мстислав, по всему судя близкий к Роману, деливший его победы? Это мог быть Мстислав Ярославич Пересопницкий и Мстислав Всеволодович Городенский.

Затем автор „Слова“ обращается к Ингварю и Всеволоду и ко „всем трем Мстиславичам“. Ингварь и Всеволод — это сыновья Ярослава Изяславича Луцкого; но кто такие „и все три Мстиславичи“? Повидимому, здесь имеются в виду единственные в ту пору на Руси три брата—сыновья Мстислава Изяславича—Роман, Святослав и Всеволод. Все эти три Мстиславича, как и Ингварь и Всеволод, были князьями волынскими—вот почему они объединены в едином обращении к ним. Они не названы по имени, так как автор „Слова“ уже назвал только что выше одного из них—Романа. В этом месте он повторяет свое обращение к Роману, объединяя его со всеми его волынскими братьями. Он говорит „и вси три Мстиславичи“, подчеркивая этим, что речь перед тем шла только об одном Мстиславиче, а теперь идет о всех. Повторение это вполне естественно: автор „Слова“ обращается к волынским князьям Ингварю и Всеволоду и объединяет свое обращение к ним с обращением ко всем другим волынским князьям: „Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи“—здесь перечислены все волынские князья. „Мстиславичи“ эти были по матери полуполяками—внуками польского короля Болеслава Кривоустого. Вот почему в обращении к ним автор „Слова“ говорит: „кое ваши златыи шеломы и сулици ляцкыи и щиты?“.

Дойдя в своем обращении ко всем русским князьям до князей полоцких, автор „Слова“ ограничивается в отношении их лишь призывом прекратить раздоры с остальными русскими князьями. Он отмечает слабость полоцких князей в обороне их границ от литовцев: „Уже бо Сула (пограничная река на юге,—*Д. Л.*) не

течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина (пограничная река на Западе,—*Д. Л.*) болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ (литовцев,—*Д. Л.*)". Автор „Слова" с горечью отмечает, что только один Изяслав Василькович оказал сопротивление литовцам, но при этом сам потерпел поражение, „притрепав" тем самым военную славу своего прародителя Всеслава Полоцкого: „Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы литовьскыя, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскыми мечи...".

Обращает на себя внимание отсутствие призыва к Новгороду Великому. На первый взгляд это кажется странным, но на самом деле это показывает в авторе „Слова" реального политика. Это не означает, что автор „Слова" считал Новгород вне пределов Русской земли. Выражение „расшибе славу Ярославу" показывает, что автор „Слова" вводил Новгород в круг русских исторических традиций и, следовательно, не исключал его из числа русских городов. Автор „Слова" потому не обращается с призывом к Новгороду, что там не к кому было обращаться. Во главе Новгорода стоял не князь, который худо ли, хорошо ли, но все же мог быть в XII в. представителем общерусских интересов, а боярская олигархия, которая была связана только со своей землей и для которой общерусские интересы были совершенно чужды. Обращаться к ней было бесполезно, и автор „Слова" не сделал этого. Ни разу еще в XII в. новгородские войска не участвовали в общерусских походах. Узко местные интересы преобладали в среде новгородского боярства и купечества. Отсюда можно заключить, что обращения автора „Слова" не были только литературной формой, за которой скрывалась ни к кому конкретно не обращаемая пропаганда единства Руси. Автор „Слова" обращался к конкретным князьям с призывом к конкретному походу и к конкретному союзу против степи.

Только ли к русским князьям направлял свой призыв автор „Слова"? Нет, конечно. „Слово" было обра-

щено к общественному мнению всего русского народа, ко всем лучшим русским людям. Вот почему это общественное мнение занимает такое большое место в „Слове“, вот почему автор „Слова“ постоянно говорит о „чести“, „славе“, „хвале“ и о „хуле“. Дружинные представления о „чести“ и „славе“ отчетливо дают себя чувствовать в „Слове о полку Игореве“. „Слово“ буквально напоено этими понятиями. Все русские князья, русские воины, города и княжества выступают в „Слове“ в ореоле „славы“ или „хулы“. В ореоле славы „сведомыхъ къметей“ выступают куряне, в ореоле славы („звонячи въ прадѣднюю славу“) выступают черниговцы, в ореоле славы выступает дружина Рюрика и Давыда Ростиславичей, и т. д.

Давая несколько гиперболические отзывы о русских князьях (о Всеволоде Юрьевиче Владимиро-суздальском, о Ярославе Осмомысле Галицком и др.), автор „Слова“ делает это, как бы пересказывая молву о них. Поисками „славы“ объясняет автор многие из действий русских князей, в частности, и поход Игоря Святославича. Собираясь на половцев, Игорь и его брат Всеволод сказали: „Мужаимѣся сами: переднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подѣлимъ“. В ночь перед битвой русичи Игоря перегородили своими черленными щитами великие поля, „ищучи себѣ чти, а князю славы“. Именно так понимает в „Слове“ побудительные причины к походу Игоря и сам Святослав Киевский: „Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати“. Неоднократно упоминается в „Слове“ и дедняя слава, слава родовая, княжеская: Изяслав Василькович „притрепа славу дѣду своему Всеславу“, Всеслав Полоцкий расшиб славу Ярослава—славу новгородскую, и т. д.

Наконец, в „Слове“ неоднократно упоминается и о пении той самой „славы“—хвалебной песни, в которой как бы находило себе воплощение понятие „славы“—народной молвы, известности. „Славу“, то есть хвалебную песнь, поют окружающие Русь народы Святославу Киевскому.

При возвращении Игоря из плена ему поют славу „дѣвици“ „на Дунаи“. Сам автор „Слова“ заключает свое произведение провозглашением славы князьям

и дружине: „Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти: «Слава Игорю Святъславличю, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу». Здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки! Княземъ слава а дружинѣ!“.

Каково, однако, отношение самого автора „Слова“ к понятию „слава“, „честь“, к народной молве? Свои суждения автор „Слова“ не отделяет от общественного мнения. Выразителем общественного мнения он себя и признает, стремясь передать свою оценку событий, свою оценку современного положения Руси как оценку общенародную. Но при этом то общественное мнение, которое он выражает, является общественным мнением лучших русских людей его времени.

Автор „Слова“ в нормах феодального поведения, в дружинных представлениях о „чести“ и „славе“, в идеологии верхов феодального общества выделяет лучшие стороны и только эти стороны поэтизирует. Он наполняет своим, более широким, патриотическим содержанием понятия „чести“, „славы“, „хвалы“ и „хулы“. За поиски личной славы он осуждает Игоря Святославича и его брата Всеволода, Бориса Вячеславича и других русских князей. Однако во всех тех случаях, где речь идет о „славе“ в более широком патриотическом значении, автор „Слова“ сочувственно говорит о ней. Честь и слава родины, русского оружия, князя как представителя всей Русской земли волнуют автора „Слова“ прежде всего. Отсюда ясно, что подлинный смысл призыва автора „Слова“, может быть, заключался не только в попытке организовать тот или иной поход, но и в более широкой и смелой задаче—объединить общественное мнение против феодальных раздоров князей, заклеймить в общественном мнении вредные феодальные представления, мобилизовать общественное мнение против поисков князьями личной „славы“, личной „чести“ и мщения ими личных „обид“.

Задачей „Слова“ было не только военное, но и идейное сплочение всех лучших русских людей для борьбы за единство Русской земли. Вот почему автор „Слова“ так часто и так настойчиво об этом общественном мнении напоминает. Эта задача была рассчитана не на год и не на два. В отличие от призыва к организации

военного похода против половцев, она могла охватить своим мобилизующим влиянием по крайней мере целые полстолетия—вплоть до татаро-монгольского нашествия. И не случайно К. Маркс писал о „Слове“, что смысл его—в призыве русских князей к единению „как раз перед нашествием монголов“.

Глава 7

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ АВТОРА „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

Каким же представлялось автору „Слова“ то единство Руси, к которому он звал своих читателей? Единство Руси мыслилось автором „Слова“ не в виде прекраснодушного идеала союзных, „добрососедских“ отношений всех русских князей на основе их доброй воли. Само собой разумеется, что нельзя было просто уговорить русских князей перестать враждовать между собою. Нужна была такая сильная центральная власть, которая могла бы скрепить единство Руси, сделать Русь мощным государством.

Автор „Слова“—сторонник сильной княжеской власти во имя обуздания произвола мелких князей, во имя единства Русской земли. Единство Руси мыслится автором „Слова“ с центром в Киеве, возглавляемое киевским князем, рисующимся ему в чертах сильного и „грозного“ властителя. Автор „Слова“ настаивает при этом на строгом и безусловном выполнении феодальных обязательств по отношению к слабеющему золотому киевскому столу. Он наделяет слабого киевского князя Святослава Всеволодовича идеальными свойствами главы русских князей: он „грозный“ и „великый“. На самом деле Святослав „грозным“ не был: он владел только Киевом, деля свою власть с Рюриком, обладавшим остальными киевскими городами. Святослав был

одним из слабейших князей, когда-либо княживших в Киеве.

Не следует думать, что перед нами обычная придворная лесть. Автор „Слова“ выдвигает киевского князя в первые ряды русских князей потому только, что Киев все еще мыслится им как центр Русской земли—если не реальный, то во всяком случае идеальный. Он не видит возможности нового центра Руси на северо-востоке. Киевский князь для автора „Слова“ попрежнему глава всех русских князей. Автор „Слова“ видит в строгом и безусловном выполнении феодальных обязательств по отношению к слабеющему золотому киевскому столу одно из противоядий против феодальных усобиц, одно из средств сохранения единства Руси. Слово „великый“, часто употреблявшееся по отношению к главному из князей, как раз в это время перешло в титул князей владимирских: название „великого князя“ присвоил себе Всеволод Большое Гнездо, претендуя на старейшинство среди всех русских князей. Слово же „грозный“ и „гроза“ очень часто сопутствовало до XVII в. официальному титулованию старейших русских князей, хотя само в титул и не перешло (оно стало только прозвищем, при этом подчеркивающим положительные качества сильной власти,—Ивана III и Ивана IV). Слово „гроза“ как синоним силы и могущества княжеской власти часто употреблялось в XIII в.

Обращаясь с призывом к русским князьям встать на защиту Русской земли, автор „Слова“ в образах разных князей рисует тот же собирательный образ сильного, могущественного князя—сильного войском (Всеволод Суздальский—„многовоий“), сильного судом (Ярослав Осмомысл „суды рядит до Дуная“), вселяющего страх пограничным с Русью странам („ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти“—обращается он к Всеволоду; „подперъ горы угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота“—говорит он о Ярославе Осмомысле), распространяющего свою власть на громадную территорию с центром в Киеве („аще бы ты былъ“... на юге,— говорит он Всеволоду), славного в других странах („ту нѣмци и венедици, ту греци и морава поютъ славу Святъславлю“).

Перед нами образ князя, воплощающего собой идею сильной княжеской власти. Эта идея сильной княжеской власти, с помощью которой должно осуществляться единство Русской земли, только еще рождалась в XII в. Впоследствии этот же самый образ „грозного“ великого князя создаст „Слово о погибели Русской Земли“. Он отразится в Житии Александра Невского, в „Молении“ Даниила Заточника и в других произведениях XIII в.

Очень важно, что эти новые воззрения на князей, осознание необходимости сильной и „грозной“ княжеской власти — были прежде всего характерны для эксплоатируемых слоев городского и отчасти сельского населения. Они по преимуществу определились на северо-востоке Руси — во Владимиро-суздальском княжестве и именно здесь, на северо-востоке, в среде эксплоатируемых классов отразились в создании новой политической терминологии, употребляемой и автором „Слова“.

Начиная с семидесятых годов XII в. в политической жизни входит в употребление обращение к князю — „господин“. До того термин „господин“ применялся лишь в области владельческих отношений: так называли владельца холопов, хозяина закупов. В политической жизни термин „господин“ впервые начинает употребляться жителями владимиро-суздальских городов по отношению к владимирскому князю. Так называют Михаила Юрьевича суздальцы и ростовцы в 1176 и 1177 гг. (см. Никоновскую летопись); так называют Всеволода Юрьевича владимирцы в 1177 г. (там же); так называют его же под тем же 1177 г. ростовцы (там же), и т. д. В 1180 г., повидимому впервые, этот термин переходит в уста князей-вассалов, в их обращения к своему главе. Так назвали Всеволода Юрьевича Владимиро-суздальского, своего феодального главу, рязанские князья Всеволод и Владимир Глебовичи: „Ты господин, ты отец, — говорили через послов Всеволоду рязанские князья, — братваю старейший Роман уимает волости у наю, слушая тестя своего Святослава, а к тобе крест целовал и переступил“ (Ипатьевская летопись). Повидимому, новые отношения безусловного подчинения, сложившиеся на северо-востоке между владимиро-суздальским князем и подручными ему рязанскими князьями, потребовали для своего определения и нового термина, в котором уже было

отмѐтено всякое „родственное смягчение“ политических понятий, столь характерное для старой терминологии — „отец“, „сын“, „брат“.

Этот новый политический термин, отразивший на северо-востоке рост власти феодального главы над стоящими ниже его по лестнице феодального подчинения князьями, начинает употребляться не только одними рязанскими князьями по отношению к Всеволоду Юрьевичу. Всего десять лет спустя, в 1190 г., сын Ярослава Осмомысла — Владимир Галицкий — в своей просьбе к Всеволоду Суздальскому прибег к аналогичному обращению: „Отце господине! Удержи Галич подо мной, а яз божий и твой есмь со всим Галичем, а в твоей воле есмь всегда“ (Ипатьевская летопись). Энергичность этого нового политического термина поддержана в этой просьбе необычною степенью покорности, на которую соглашается Владимир: „яз божий и твой“.

Итак, перед нами новая политическая терминология, выросшая первоначально в демократической среде. Нет сомнения в том, что прогрессивным было именно это новое представление о власти феодального главы, возникшее на северо-восточной социально-экономической почве, а не старое. Именно этим новым представлениям предстояло перерасти в дальнейшем в идею сильной и единой власти государя „всея Руси“, подлинной носительницей которой стала впоследствии Москва. Этой идее сильной княжеской власти предстояло в дальнейшем скрепить идею единства Русской земли новыми политическими отношениями.

Сам автор „Слова о полку Игореве“ отчетливо придерживается новой точки зрения на власть феодального главы, — той точки зрения, которая была прежде всего характерна для поддерживавших сильную княжескую власть горожан. Он называет „господами“, этим новым политическим термином, начавшим входить в политический язык XII в., — Рюрика и Давида Ростиславичей и Ярослава Осмомысла Галицкого („Вступита, господина, въ злата стремень за обиду сего времени...“, „Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея...“). Автор „Слова“ подчеркивает силу и могущество русских князей, их власть над другими русскими князьями, а не их права самостоятельности. Опору единства Руси он видел во власти

феодального главы и ни словом не обмолвился о феодальных правах их подчиненных князей.

Конечно, идея сильной княжеской власти не слилась у автора „Слова“ с идеей единовластия. Для этого еще не было реальной исторической почвы. Автор „Слова“ видит своего сильного и могущественного русского великого князя действующим совместно со всеми остальными князьями, но в подчеркивании подчиняющих линий феодальной власти нельзя не заметить некоторых намеков на идею единовластия киевского князя.

В XII в. сильная княжеская власть едва только начинала возникать, ей еще предстояло развиться в будущем, однако автор „Слова“ уже установил ее типичность, ее характерность, уловил в ней зерна будущего.

Итак, для автора „Слова“ „грозный“ киевский князь — представление идеальное, а не реальное. При этом, что особенно интересно, для автора „Слова“ до́роги все притязания русских князей на Киев. Нет сомнений в том, что он считает Святослава, силу которого он гиперболизирует, законным киевским князем. И вместе с тем, игнорируя вотчинное право на Киев Святослава Всеволодовича, он пишет, обращаясь к Всеволоду Большое Гнездо, — князю, принадлежавшему ко враждебной ольговичу Святославу мономашьей линии русских князей: „Великый княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти? (т. е. стол Киевский!)... Аже бы ты былъ (в Киеве!), то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ“. В этом обращении к Всеволоду все неприемлемо для Святослава и все обличает в авторе „Слова“ человека, занимающего свою независимую, а отнюдь не „придворную“, позицию: 1) титулование Всеволода „великим князем“, 2) признание киевского стола „отним“ столом Всеволода и 3) призыв притти на юг. Каким образом может это совместиться с позицией автора как сторонника „ольговичей“? Суть здесь, очевидно, в том, что новая политика Всеволода — политика отчуждения от южнорусских дел — казалась автору опаснее, чем его вмешательство в борьбу за Киевский стол. Всеволод, в отличие от своего отца Юрия Долгорукого, стремился утвердиться на северовостоке, заменить гегемонию Киева гегемонией Владимира Залесского, отказался от притязаний на Киев,

пытаясь из своего Владимира руководить делами Руси. Автору „Слова“ эта позиция Всеволода казалась не общерусской, местной, замкнутой, а потому и опасной.

Так же точно автору „Слова“ казалась опасной слишком местная политика Ярослава Галицкого, и он подчеркивает его могущество, его власть над самим Киевом: „отворяеши Киеву врата“, говорит он о Ярославе Галицком. Слова, казалось бы, несовместимые с представлениями о могуществе Святослава Киевского, слова невозможные в устах „придворного поэта“ ольговичей, но простые и понятные для человека, страдающего за Киев как за центр русской земли, стремящегося привлечь к нему внимание замкнувшихся в местных интересах князей.

Знание глубочайших исторических явлений, происходивших в Галицкой земле и Владимиро-суздальской, при этом поразительно. От автора „Слова“ не ускользнуло то, что стало ясным для позднейших историков. Он усмотрел опасность для единства Руси именно в том, что и владимирские, и галицкие князья перестали интересоваться Киевом как центром Руси.

Однако автор „Слова“ не мог еще оторваться от представлений о Киеве как о единственном центре Руси. Да это вряд ли было бы возможно от него и требовать. Он страстный сторонник идеи единства Руси, но единство это он еще понимает в устоявшихся представлениях XII в. Он уже видит значение сильной княжеской власти, но права первого князя на Руси еще обосновывает необходимостью строгого выполнения права феодального, подчеркивая в нем подчиняющие линии, права сюзерена, а не вассала. Он уже видит и признает силу владимиро-суздальского князя, но предпочитает его видеть на юге — в Киеве.

Те же представления о Киеве как о центре Русской земли пронизывают собою все изложение „Слова“. Поразительна, например, точность выбора выражений в характеристике последствий поражения Игоря: „а въстона бо, братие, Киев тугою, а Черниговъ напастьми“. Черниговская земля, действительно, подверглась „напастям“, реальным несчастиям, Киев же и Киевщина непосредственному разорению не подверглись; „туга“ — тоска, печаль — за всю Русскую землю рас-

пространялись здесь как в центре Руси; Киев страдает, следовательно, не собственными несчастиями, а несчастиями всей Русской земли.

Роль Киева как центра Русской земли особенно отчетливо выступает в заключительной части „Слова о полку Игореве". Согласно летописи, Игорь по возвращении из плена в Новгород Северский едет в Чернигов к Ярославу Святославичу, а затем уже из Чернигова отправляется в Киев к Святославу Всеволодовичу. „Слово о полку Игореве" не упоминает ни о его пребывании в Новгороде Северском, ни о его пребывании в Чернигове: Игорь прямо едет в Киев к богородице Пирогощей. И в этом появлении Игоря прямо в Киеве у Святослава нельзя не усмотреть тенденции автора „Слова": Игорь *русский* князь прежде всего, важно его возвращение в Киев, а не в Новгород Северский. Славу ему поют не в Новгороде или Путивле, а на Дунае — в отдаленных русских поселениях, отрезанных от остальной Руси половцами, ибо радость по поводу его возвращения общерусская, а не какая-либо местная. Пение этой славы достигает от Дуная Киева. Его возвращение встречает отклик во всех русских сердцах, даже и тех, которые были заброшены на крайний юго-запад русского мира. Но отклик находят киевские, т. е. общерусские события, а не какие-либо местные. Это пение девиц на Дунае противостоит пению готских дев, радующихся русскому поражению. Поражение или победы русских имеют всесветный отклик.

Итак, единство Русской земли мыслится автором „Слова" с центром в Киеве. Это единство возглавляется киевским князем, рисующимся ему в чертах сильного и „грозного" князя.

Глава 8

ОБРАЗЫ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Свой призыв к единению, свое чувство единства Родины автор „Слова“ воплотил в живом, конкретном образе Русской земли. „Слово о полку Игореве“ посвящено всей Русской земле в целом. Героем „Слова“ является не какой-либо из князей, а русский народ, Русская земля. К ней, к Русской земле, обращена вся полнота личных чувств автора „Слова“. Образ Русской земли — центральный в „Слове“; он очерчен автором широкой и свободной рукой.

Автор „Слова“ рисует обширные пространства Русской земли. Он ощущает Родину как единое огромное и живое существо.

Едва ли в мировой литературе есть произведение, в котором были бы одновременно втянуты в действие такие огромные географические пространства. Половецкая степь („страна незнаема“), „синее море“, Дон, Волга, Днепр, Донец, Дунай, Западная Двина, Рось, Сула, Стугна, Немига, а из городов — Корсунь, Тмуторокань, Киев, Полоцк, Чернигов, Курск, Переяславль, Белгород, Новгород, Галич, Путивль, Римов и др., — вся Русская земля находится в поле зрения автора, введена в круг его повествования. При этом автор „Слова“ не выключает Русскую землю из состава окружающих ее народов, заставляя прислушиваться к происходящим в ней событиям немцев и венецианцев, греков и мора-

вов, а половцев, литву, ятвягов и деремелу (литовские племена) — быть непосредственно втянутыми в ход русской истории.

Подобно Ярославу Галицкому, прозванному за свой политический ум Осмомыслом, престол которого господствует над Венгрией и Киевом, откуда он обозревает происходящее, автор „Слова" видит Русь как бы с идеальной высоты. Огромность Русской земли подчеркивается им одновременностью действия в разных ее частях: „дѣвици поютъ на Дунаи, вьются голоси чрезъ море до Киева". Одновременно с походом Игорева войска — двигаются к Дону половцы „неготовыми дорогами", скрипят их немазаные телеги.

Широкое пространство действия объединяется гиперболической быстротой передвижения в нем действующих лиц. Всеслав доткнулся копием до золотого престола киевского, отскочил от него лютым зверем. В полночь из Белгорода скрылся в синей ночной мгле, на утро же, поднявшись, оружием отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярослава... Всеслав князь людей судил, князьям города уряжал, а сам в ночи волком рыскал: из Киева дорыскивал, до петухов, Тмуторокани; великому Хорсу (солнцу) волком путь перерыскивал. Святослав, словно вихрь, исторгнул поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой.

В обширных пространствах Руси могущество героев „Слова" приобретает гиперболические размеры: Владимира Мономаха нельзя было пригвоздить к горам Киевским; Галицкий Ярослав — подпер горы угорские своими железными полками, загородив королю путь, затворив Дунаю ворота.

Такою же грандиозностью отличается и пейзаж Слова, всегда тем не менее конкретный и взятый как бы в движении: перед битвой с половцами кровавые зори свет поведают, черные тучи с моря идут... быть грому великому, итти дождю стрелами с Дону великого... Земля гудит, реки мутно текут, прах над полями несется. После поражения войска Игоря широкая печаль течет по Руси.

Ветер, солнце, грозовые тучи, в которых трепещут синие молнии, утренний туман, дождевые облака, щекот

соловьиный по ночам и галочий крик утром, вечерние зори и утренние восходы, море, овраги, реки — составляют огромный, необычайно широкий фон, на котором развертывается действие „Слова“, передают ощущение бескрайних просторов родины.

Широки и „космичны“ образы плача Ярославны. Ярославна в плаче обращается к ветру, веющему под облаками, лелеющему корабли на синем море, к Днепру, который пробил каменные горы сквозь землю Половецкую и лелеял на себе Святославовы насады до Кобякова стана, к солнцу, которое всем тепло и прекрасно, а в степи безводной простерло жгучие свои лучи на русских воинов, жаждою им луки скрутило, истомою им колчаны заткнуло.

В радостях и печалях русского народа принимает участие вся русская природа: понятие родины — Русской земли — объединяет для автора его историю, „страны“ (т. е. сельские местности), города, реки и всю природу. Солнце тьмою заслоняет путь князю — предупреждает его об опасности. Донец стелет бегущему из плена Игорю зеленую постель на своих серебряных берегах, одевает его теплым туманом, сторожит гоголями и дикими утками.

Чем шире охватывает автор Русскую землю, тем конкретнее и жизненнее становится ее образ, в котором оживают реки, вступающие в беседу с Игорем, наделяются человеческим разумом звери и птицы.

Ощущение пространства и простора, постоянно присутствующее в „Слове“, усиливается многочисленными образами соколиной охоты, участием в действии птиц (орлы, гоголи, вороны, галки, соловьи, кукушки, лебеди, кречеты), совершающих большие перелеты („не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому...“, вороны несутся к синему морю и т. д.); ветер и отдаленное море — подчеркивают это ощущение.

Наблюдая Русскую землю с такой высоты, с которой он может охватить все ее пространство, автор тем не менее видит и слышит ее во всех деталях. Разнообразная наблюдательность автора „Слова“ охватывает подробности походной жизни, степных переходов, приемы

защиты и нападения, детали вооружения, поведение птиц и зверей.

Образ родины, полной городов, рек и многочисленных обитателей, как бы противопоставлен образу пустынной половецкой степи — „стране незнаемой“, ее яругам (оврагам), холмам, болотам и „грязивым“ местам.

Русская земля для автора „Слова“ — это, конечно, не только „земля“ в собственном смысле этого выражения, не только русская природа, русские города, — это, в первую очередь, народ, ее населяющий. Автор „Слова“ говорит о мирном труде русских „ратаев“ — пахарей, нарушенном усобицами князей; он говорит о женах русских воинов, оплакивающих своих мужей, павших в битве за Русь; он говорит о горе всего русского народа после поражения Игоря, о гибели достояния русского народа, о радости жителей городов и сельских местностей при возвращении Игоря. Войско Игоря Новгород-северского — это прежде всего „русичи“, русские сыны, они идут на половцев за Родину, переходя границу Руси, они прощаются с Родиной — с Русской землей в целом, а не с Новгород-северским княжеством, не с Курском или с Путивлем: „О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!“.

Вместе с тем, понятие Родины включает для автора „Слова“ и ее историю. В зачине к „Слову“ автор говорит, что он собирается вести свое повествование „отъ стараго Владимера (Владимира I Святославича) до нынѣшняго Игоря“. Излагая историю несчастного похода на половцев князя Игоря, автор охватывает события русской жизни за полтора столетия и ведет свое повествование „свивая славы оба полы сего времени“ — постоянно обращаясь от современности к истории, сопоставляя прошлые времена с настоящим. Автор вспоминает века трояновы, годы ярославовы, походы олеговы, времена „старого Владимира“ Святославича.

Итак, широкий образ Руси, в описании которой объединились лирика и публицистика, — основной художественный образ „Слова“. Широта кругозора — идейного и художественного — основа его творческого метода. Трудно подобрать в средневековье другую художественную манеру, которая с такою живостью позволила бы конкретно изобразить всю необъятную Русь, вызвать

к ней сочувствие, возбудить русских людей на ее защиту.

„Слово о полку Игореве“ — произведение удивительно цельное. И именно эта цельность, совершенная законченность делает „Слово“ произведением единственным и неповторимым.

Отношение автора „Слова о полку Игореве“ к русским князьям двойственное. Он видит в них представителей Руси, он им сочувствует, гордясь их успехами и скорбя об их неудачах. Однако вместе с тем автор „Слова“ с осуждением говорит об их эгоистической узко местной политике и об их раздорах.

На примере Игоря Святославича Новгород-северского автор показывает несчастные последствия отсутствия единения. Игорь терпит поражение только потому, что пошел в поход один. Он действует по феодальной формуле „мы собе, а ты собе“. Слова Святослава Киевского, обращенные к Игорю Святославичу, характеризуют в известной мере и отношение к нему автора „Слова“. Святослав говорит, обращаясь к Игорю и Всеволоду: „О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ?.. Нъ рекосте: «Мужаимѣся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подѣлимъ!». А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ: не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло — княже ми непособие: наниче ся годины обратиша“.

По существу, весь рассказ в „Слове“ о походе Игоря выдержан в этих чертах его характеристики Святославом: храбрый, но безрассудный Игорь идет в поход, несмотря на то, что поход этот с самого начала обречен на неуспех. Он идет, несмотря на все неблагоприятные „знамения“. Основным побуждением его при этом является стремление к личной славе. Игорь говорит: „Братие и дружино! луце жъ бы потяту быти, неже по-

лонену быти; а всядемъ, братие, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону", и еще: „Хощу бо, рече, копие приломити конець поля Половецкаго; съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону". Желание личной славы „заступает ему знамение". Ничто не останавливает Игоря на его роковом пути.

В образе Игоря Святославича подчеркнуто, что его поступки обусловлены в большей мере заблуждениями эпохи, чем его личными свойствами. Сам по себе Игорь Святославич не плох и не хорош: скорее даже хорош, чем плох, но его деяния плохи, и это потому, что над ним господствуют предрассудки феодального общества и заблуждения эпохи. Тем самым на первый план в „Слове" выступает общее и историческое над индивидуальным и временным. Игорь Святославич — сын эпохи. Это „средний" князь своего времени: храбрый, мужественный, в известной мере любящий родину, но безрассудный и недальновидный, заботящийся о своей чести больше, чем о чести родины.

С гораздо большим осуждением говорит автор „Слова" о родоначальнике князей Ольговичей — Олеге Святославиче, внуке Ярослава Мудрого и постоянном противнике Владимира Мономаха. Вспоминая этого Олега (Олег жил во второй половине XI—начале XII вв.; он умер в 1115 г.), автор „Слова" говорит, что он „мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше". При этом Олеге „сѣяшется и растяшеть усобицами" Русская земля. Автор „Слова" отмечает гибельность крамол этого Олега прежде всего для трудового народа, для крестьянства: „тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие". Автор „Слова" наделяет Олега ироническим отчеством „Гориславич", имея в виду, конечно, „горе" народное, вызванное усобицами Олега, а не его личное.

Таким же зачинателем усобиц изображен и родоначальник полоцких князей—Всеслав Полоцкий. Весь текст „Слова" о Всеславе представляет собою размышление о его злочастной судьбе. Всеслав изображен в „Слове" с осуждением и с теплотой лирического чувства: неприкаянный князь, мечущийся, как затравленный зверь,

хитрый, „вещий“, но несчастный неудачник. Перед нами исключительно яркий образ князя периода феодальной раздробленности Руси.

В остальных русских князьях автор „Слова“ в большей мере подчеркивает их положительные черты, чем отрицательные. Он гиперболизирует военные подвиги русских князей, их могущество, их славу. В этой гиперболизации автор „Слова“ выражает свои мечты о сильной власти на Руси, о военном могуществе русских князей. Владимир I Святославич так часто ходил в походы на врагов, что его нельзя было пригвоздить к горам Киевским. Всеволод Суздальский может Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вылить, и автор „Слова“ скорбит о том, что его нет на юге. Ярослав Осмомысл подпер горы венгерские своими железными полками, загородил дорогу венгерскому королю, отворял Киеву ворота, стрелял в салтанов за землями.

Совсем особую группу составляют женские образы „Слова“. Все они овеяны мыслью о мире, о семье, о доме, проникнуты нежностью и лаской, ярко народным началом. В них воплощена печаль и забота Родины о своих воинах. В идейном замысле автора эти женские образы занимают очень важное место, подчеркивая мирное и созидательное начало, противостоящее войне и разрушению.

Жены русских воинов после поражения Игорева войска плачут о своих павших мужьях. Их плач, полный нежности и беспредельной грусти, носит глубоко народный характер: „Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати“. Тот же народно-песенный характер носит и плач Ярославны—юной жены Игоря. Замечательно, что Ярославна оплакивает не только пленение своего мужа, она скорбит о всех павших русских воинах: „О, вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои?“. „Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче?“.

Противопоставление войны и мира, воплощенного в образе русских женщин, особенно ярко в лирическом

обращении автора „Слова“ к Всеволоду буй туру. В разгар боя Всеволод не чувствует на себе ран, он забыл честь и жизнь и своей милой любимой „красныя Глѣбовны, свычая и обычая“. Характерно, что ни один переводчик „Слова“ не смог удовлетворительно перевести это превосходное при всей своей простоте и, в сущности, хорошо нам понятное выражение — „свычая и обычая“.

Итак, образы русских князей, женские образы „Слова“ даны не сами по себе,—они служат конкретным раскрытием идей автора, служат целям все того же призыва к единению. Перед нами и здесь „Слово“ выступает как произведение исключительно целеустремленное. Рукою художника—автора „Слова“—водила политическая мысль, мысль страстная, полная горячей любви к Родине.

Особняком в „Слове“ стоит образ певца-поэта — Бояна. Отношение к нему у автора „Слова“ сложное и противоречивое. С воспоминания о Бояне автор „Слова“ начинает свое вступление. Его он рассматривает как своего предшественника в том же роде поэзии, и это отчасти раскрывает нам, как воспринимал автор „Слова“ свое произведение, в какой ряд других произведений он его ставил. Однако одновременно автор „Слова“ противопоставляет свою манеру старой манере Бояна.

Боян—„вещий“, поэт кудесник, „внук“ (потомок) Велеса. Это „соловей старого времени“. Он сам слагал свои песни и сам их пел, сопровождая их игрою на каком-то струнном инструменте,—повидимому, на гуслях. Он был „хотью“ — любимцем—князя Олега Святославича („Гориславича“), родоначальника князей Ольговичей. Его песни—„славы“ князьям. Он пел песнь „старому Ярославу“ (Ярославу Мудрому), храброму Мстиславу Тмутороканскому, Роману Святославичу. Его струны сами рокотали славу князьям. Он свивал славу обеих половин сего времени—прошлую и настоящую. В своей высокопарной манере он летал умом под облаками, скакал соловьем по воображаемому дереву, рыскал по божественной тропе Трояна через поля на горы.

Свое произведение автор „Слова“ противопоставляет произведениям Бояна: „Начати же ся тъй пѣсни по

былинамь сего времени (по действительным событиям нашего времени), а не по замышлению Бояню". Автор „Слова" делает ироническое предположение, в каких выражениях „ущекотал" бы Боян походы Игоря: „Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону великому" (т. е. едва только соколы—русские появились в Половецкой степи, как галки—половцы побежали от них к Дону); „комони ржуть за Сулою—звенить слава въ Кыевѣ" (едва только вражеские кони появились на пограничной реке Суле, как слава о победе над ними уже зазвенела в Киеве); „трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ" (трубы еще только трубят в Новгороде Северском, созывая войска, а войска уже собрались в Путивле на пути в степь).

При всем своем уважении к славе и величию Бояна, автор „Слова" относится к нему с легкой иронией, подчеркивая неприемлемость для себя его „старых словес". Эту последнюю сторону отношения автора „Слова" к Бояну хорошо подчеркнул Пушкин в своих подготовительных заметках к переводу „Слова": „Стихотворцы никогда не любили упрека в подражании, и неизвестный творец «Слова о полку Игореве» не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна".[1]

В идейном замысле „Слова" образ Бояна имеет существенное значение. Он нужен автору для того, чтобы подчеркнуть собственное следование „былинам сего времени" — действительным событиям. Он нужен автору, чтобы указать на правдивость своего произведения; в нем отчасти выразился отказ от традиционного восхваления князей. Автор „Слова" не отрицательно относится к русским князьям, как не отрицательно относится он и к Бояну. Но его произведение не „слава", не „хвала" князьям, а сам он не следует традициям хвалебной поэзии Бояна.[2]

---

[1] Полное собр. соч. А. С. Пушкина, изд. АН СССР, т. 12, М.—Л., 1949, стр. 149.

[2] См.: И. У. Будовниц. Идейное содержание Слова о полку Игореве. Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1950, № 2, стр. 154—155.

Итак, все образы „Слова“ тесно связаны с идейным замыслом автора. Все в этом произведении, до мельчайших деталей, строго и стройно подчинено центральной идее „Слова“. Художественная, идейная целеустремленность „Слова“—одна из самых существенных его особенностей.

Глава 9

ПРИРОДА В „СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

Древняя русская литература не знала тех „описаний природы“, которые столь типичны для литературы нового времени. Древнерусские авторы уделяют природе не много внимания. Она вступает в древнерусские литературные произведения только тогда, когда она теснейшим образом связана с судьбою действующих лиц повествования, когда она оказывает на них влияние, когда она проявляется в действии: в грозе, в буре, в разливах рек, в засухе, в затмениях солнца, в явлениях комет, в темноте ночи, мешающей сражающимся, в жаре, истомляющей воинов, и т. д. и т. п. В древнерусских произведениях нет описаний бездействующей природы, нет статического литературного пейзажа, служащего фоном для повествования. В тех немногих случаях, когда природа присутствует в древнерусских произведениях, — описываются только ее изменения, ее влияние на человека, она включена в самый ход повествования. Средневековые писатели как бы еще не осознают самостоятельной ценности описаний природы для литературы.

В отличие от большинства дошедших до нас произведений древней русской литературы, природа занимает исключительно большое место в „Слове о полку Игореве“, но отношение к ней по существу то же. В „Слове“ нет литературного пейзажа самого по себе. Природа воспринимается автором „Слова“ только в ее изменениях.

Природа в „Слове“ целиком втянута в события. Она участвует в них, то замедляя, то ускоряя их ход. Она активна и в этой своей активности наделяется почти человеческими качествами. Она сочувствует русским, стремится предупредить их об опасности, помогает Игорю в его бегстве из плена; у нее ищет сочувствия и помощи Ярославна.

Когда Игорь двинулся в свой несчастный поход, свет солнца померк; ночь, „стонущая грозою“, стремится остановить Игоря на его гибельном пути. Даже степные звери и птицы предчувствуют поражение русских. Вместе с половцами надвигаются от моря на войско Игоря синие тучи. Битва с половцами переносится и в природу, приобретает космические черты. Трава и деревья отзываются на поражение русских: трава никнет, деревья от горя преклоняются до земли или роняют листву. Автор „Слова“ отмечает те изменения в природе, которые вызываются в ней ходом человеческой истории. Междоусобные войны Олега приводят к запустению пашен. Святослав Киевский со своим войском „притопта хлъми и яругы, взмути рѣкы и озеры, иссуши потокы и болота“. В судьбах русского народа принимают участие и реки, то зовущие князя Игоря на победу, то сочувствующие и помогающие ему, то „затворяющие“ в своих струях юношу, князя Ростислава.

Между природой и человеком стираются границы. Образ Обиды — девы с лебедиными крыльями, образы языческих богов стоят где-то между природой и людьми. Люди постоянно сравниваются и с птицами, и со зверями: с турами, соколами, галками, вòронами, „лютым зверем“, кукушкой и т. д. Игорь вступает в разговор с Донцом и получает от него помощь. Ярославна ищет сочувствия и помощи у ветра, солнца и Днепра.

Трудно назвать другое какое-либо произведение, в котором история людей и изменения в природе были бы так тесно слиты. И это слияние, единство людей и природы усиливает значительность происходящего, усиливает драматизм. Все события русской истории получают отзвук в русской природе и, тем самым, оказываются удесятеренными в силе своего звучания.

Было бы неправильным думать, что в „Слове“ отразились пережитки анимизма. Автор „Слова“

только поэтически одухотворяет природу и только поэтически видит в ней живое существо, сочувствующее русским. Нельзя себе представить, чтобы автор „Слова" на самом деле верил в реальность диалога Игоря с Донцом или в реальность призыва, который обращает Дон к Игорю.

Союз природы и человека, с такою силою развернутый в „Слове", — союз поэтический. Природа для автора „Слова" — гигантский резервуар поэтических средств и своеобразное „музыкальное сопровождение", придающее особенно сильное поэтическое звучание его действию.

В своем привлечении русской природы как действующего лица своего повествования автор „Слова" проявил себя исключительно наблюдательным знатоком природы. Вот почему в самой русской природе можно найти довольно точный комментарий ко многим неясным и темным местам „Слова".

Приведу некоторые толкования отдельных мест „Слова", предложенные советскими природоведами.

„Внимательный наблюдатель природы, — пишет проф. Н. В. Шарлемань, — автор «Слова» с изумительной точностью передает своеобразный характер звуков, издаваемых животными — зверями и птицами. Лебедь у него «пояше» или, будучи вспугнутым, «фычит»; соловей «ущекотал», его пение — «щекот»; орлы «клектом зовут», дятлы «тектом путь кажут»; вороны «граяхут»; галки «говоряхуть», их крик — «говор»; зегзица «кычет»; сороки «троскоташа»; кони «ржуть»; степные зверьки, байбаки и суслики, издают «свист»; лисицы «брешут»; туры «рыкают»".[1] Точность наблюдения природы и богатство языка здесь неразрывны. Жизненный опыт автора „Слова" непосредственно связан с его искусством художника.

В этой же своей работе Н. В. Шарлемань дает интересные объяснения отдельных мест „Слова".

---

[1] Из реального комментария к „Слову о полку Игореве". Тр. Отд. древнерусск. лит., т. VI, М.—Л., 1948, стр. 123.

Когда Игорь ведет свои войска к Дону навстречу гибельной для него опасности, автор „Слова“ замечает: „Уже бо бѣды его пасетъ птиць по дубию“, т. е. беда (будущее поражение Игоря) собирает вокруг него птиц по дубам. Здесь автор „Слова“ имеет в виду следующее. Хищные птицы следуют за войском Игоря, поджидая добычу. Войско Игоря двигалось медленнее птиц, которые останавливались на отдых в дубравах невдалеке от войска.

Знание повадок соколов сказывается и в следующих словах Святослава: „Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ: не дастъ гнѣзда своего въ обиду“. „Выражение «въ мытехъ» и до настоящего времени сохранилось кое-где среди охотников, — пишет Н. В. Шарлемань; — этим термином обозначают линьку, главным образом тот период, когда молодая птица надевает оперение взрослой птицы, т. е. достигает половой зрелости. Птицеводам хорошо известно, с какой отвагой прогоняет сокол от своего гнезда даже значительно более сильного, чем он сам, орла-беркута“.[1]

Целую драматическую картину рисует и выражение автора „Слова“ — „дружину твою, княже, птиць крилы приодѣ“: хищные птицы (орлан-белохвост, гриф), садясь на трупы убитых, как бы „приодевают“ их своими распущенными мощными крыльями с тем, чтобы не допустить на свою добычу других хищников.

О точности и правдивости образов „Слова“ свидетельствует и определение берегов Донца как „серебряных“. Действительно, Донец несет в своих водах много взмученного мела (он прорезывает на своем пути меловые горы Артема). Летом, когда берега Донца обмелевают, отложения этого мела на отмелях и косах блестят, как серебряные.

Наблюдательность автора „Слова“ особенно ярко проявляется в описании бегства Игоря из плена. Игорь хвалит Донец за то, что тот сторожил его „гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ“. Действительно, Игорю приходилось бежать главным образом ночью, а днем скрываться в густых зарослях степных рек. О погоне его предупреждали чуткие

---

[1] Там же, стр. 112.

к приближению человека гоголи, чайки и черняди. По их поведению Игорь мог судить о том, все ли кругом спокойно.

Знание степной природы сказывается и там, где автор „Слова“ говорит, что дятлы „тёктом“ указывали Игорю путь к реке. Степную реку, запрятавшуюся в глубокой долине, издали не видно, не видно и деревьев, растущих в степи только по берегам рек, но на присутствие деревьев, а следовательно и реки, Игорю указывал далеко слышный в степи „тёкт“ дятлов.

Можно было бы значительно увеличить количество примеров, доказывающих глубокое знание автором „Слова“ степной природы. Автор „Слова“ нигде не дал нам законченного описания степной природы, но он рассеял в своем произведении такое количество отдельных наблюдений, что они легко могут быть сложены в единую, цельную картину. Вот как описывает половецкую степь на основании „Слова“ акад. А. С. Орлов: „Степь эта представляла собой равнину, усеянную то «яругами» (оврагами), то «шеломеньми» (холмами, курганами, природными и насыпными) и поднятую кое-где ответвлением горных кряжей. Через степь неслись из Руси «на полъдне» великие реки и вливались своими «жерелы» (устьями) в «синее море», пересекши «поля широкая» и пробив «каменные горы». Были в степи и болота, «грязивые места» и поле «безводное». Черноземная степь весною покрывалась травами и цветами, седым ковылем, по которому развеялась радость Ярославны, и душистой полынью, запахом которой половецкий хан манил вернуться на родину своего брата, бежавшего на Кавказ от грозы Владимира Мономаха. Эти травы питали скот кочевников, «кони, овьце и вельблуды», их топтали и волновали («въшумѣ трава») «вежи», телеги половецкие, которые скрипели, «кричали», как «лебеди распужени». Степные травы то мирно покрывались «студеной росою», которую стряхивал (трусил) волк на бегу, то поливались кровью и посыпались прахом боевых столкновений, когда обнажалась «чрънa земля под копыты». Пересекалась степь проторенными искони караванными «путями», о которых упоминал в 1170 г. Мстислав Изяславич Киевский, жалуясь на половцев, что они «уже у нас и Гречьский путь изъоти-

мають, и Соляный и Залозный». Движение шло и «неготовами дорогами». Степные «поля широкая» с лесистыми яругами и реки, текшие в «сребренех брезех» под сенью «зелену древу», окруженные «лугами» и заросшие «тростием» (тростником, камышом), были полны зверями и птицами, от большинства которых, как насельников степи, сохранились одни названия или глухие упоминания".[1]

Живая картина старой половецкой степи, донесенная до нас в составе „Слова", — яркое свидетельство, что „Слово" составлено ее очевидцем, может быть, участником степного пути Игоря.

---

[1] А. С. Орлов. „Слово о полку Игореве". М.—Л., 1946, стр 13—14.

Глава 10

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СТРОЙ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

„Слово о полку Игореве“ — произведение глубоко народное. Вся система художественных средств „Слова“ находится в самой тесной связи с художественными средствами устной народной поэзии и с теми образами, которые насыщали собой и обыденную, деловую русскую речь XII в. Автор „Слова“ использует образы, которые уже существовали в феодальном быту, в лексике военной, в народной речи и в народной поэзии. И это использование уже существующих богатств русского языка находится в тесной связи с подлинно народным характером стиля „Слова“, с понятностью и доступностью его выразительных средств.

Образы, которыми пользуется автор „Слова“, вырастают на основе реально существующих отношений в жизни. Его художественные символы строятся на основе феодальной символики его времени, отчасти уже запечатленной в языке. Художественное творчество автора „Слова“ состоит во вскрытии того образного начала, которое заложено в устной речи, в специальной лексике, в символике феодальных отношений, в действительности, в общественной жизни, и в подчинении этого образного начала определенному идейному замыслу.

Автор „Слова“ отражает жизнь в образах, взятых из этой самой жизни. Он пользуется той системой образов, которая заложена в самой общественной жизни и отразилась в речи устной, в лексике феодальной,

военной, земледельческой, в символическом значении самих предметов, а не только слов, их обозначавших. Привычные образы получают в „Слове“ новое звучание. Этот, по-новому использованный, знакомый уже читателю образ получает для читателя особенную убедительность. Русский читатель узнает в нем свое, близкое ему, выношенное своим собственным жизненным опытом. Образ, заложенный в „термине“, автор „Слова“ превращает в образ поэтический, подчиняя его идейной структуре всего своего произведения в целом. И в этом последнем главным образом и проявляется его гениальное творчество.

Это рождение идейно насыщенного поэтического образа из образа, имевшегося уже в обыденной речи, может быть особенно ясно показано на одном примере. Автор „Слова“ пишет, что после поражения на Каяле „въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука (в русских войсках), вступила дѣвою на землю Трояню (на Русскую землю), въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону; плещучи, упуди жирня времена (прогнала времена обилия)“. Слово „обида“ в значении нарушений феодальных прав, прав князя, княжества или всей Русской земли было одним из самых „ходовых“ выражений в феодальном быту своего времени. В „Слове о полку Игореве“ „обида“ имеет не столько значение „нарушения феодальных прав“, сколько более распространенное в народной лексике значение „горя“, но выражение „встала обида“ — типично феодальное, это термин, означающий возникновение раздора, феодальной войны, и вот из конкретного, „зрительного“ восприятия этого образа в „Слове“ рождается художественный образ. Он рождается на глазах у читателя, последовательно становясь все более и более конкретным. Обида встает в силах Дажьбожа внука, т. е. в русских войсках, и читатель еще колеблется — признать ли это выражение „встала обида“ за обычный феодальный термин или за конкретный образ, но уже следующие затем слова облекают эту „обиду“ в облик девы — „вступила дѣвою на землю Трояню“. Наконец, образ девы-обиды становится еще более конкретным — у девы-обиды оказываются лебединые крылья, которыми она прогоняет с Руси времена обилия: „въсплескала лебедиными крылы

на синѣмъ море у Дону; плещучи, упуди жирня времена".

Так из обычной феодальной лексики своего времени рождается зрительно наглядный образ, но и самый этот образ глубоко народен: в ином значении, в ином идейном контексте, но сходном по своему внутреннему, эмоциональному содержанию, он встречается и в устной народной поэзии:

Знать Судинушка по бережку ходила,
Страшно-ужасно голосом водила,
Во длани Судинушка плескала,
До суженых голов да добералась.

(Барсов Е. В. Причитания Северного края, т. I. 1872, стр. 252).

Эта белая лебедушка
Поднималася от синя моря
На своих на крыльях лебединыих,
Садилася она на черлен корабль,
Обернулась красной девицей.

(Песни, собранные Рыбниковым, вып. I, 1861, стр. 207).

Такое же раскрытие художественной сущности обыденных феодальных терминов видим мы и в обращении к Всеволоду Суздальскому: „Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти!". Этими словами автор определяет многочисленность и силу войска Всеволода, но их значение станет для нас понятным до конца, когда мы примем во внимание военную символику того времени: выпить шлемом воды из реки, напоить коней водой из реки — было символом победы над страной по этой реке. Всеволод, следовательно, настолько силен, что он может не только выпить воды из Дона (т. е. победить половцев по Дону) и из Волги (т. е. победить волжских болгар), но он может иссушить эти реки. Этот древнерусский символ победы неоднократно в образной форме использован в „Слове". Святослав Киевский в своем походе 1184 г. одержал победу над половцами в Половецкой степи — „взмути рѣкы и озеры, иссуши потокы и болота"; половцы подошли к Переяславлю русскому, и „уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю"; литовцы

одержали победы над Полоцком, и „Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ“. Игорь, призывая свою дружину выступить в поход на половцев, говорит им: „съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону“.

Неоднократно говорится в „Слове“ о мечах, о стягах, о копьях, и каждый раз во всей их сложной символике своего времени. Меч в древней Руси был символом войны, символом княжеской власти, символом чести. Олег мечом крамолу ковал — злоупотреблял своей княжеской властью; хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы подклонили головы свои под харалужные мечи Романа и Мстислава — признали себя побежденными. Стягами в древней Руси подавали знаки войску. Поднятый стяг служил символом победы, поверженный стяг — поражения. Автор „Слова“ так призывает обе враждующие стороны — русских князей ярославичей и русских князей потомков Всеслава Полоцкого — признать свое поражение в междоусобной войне: „уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени“.

Но не только из устной речи, из военной и феодальной лексики своего времени черпает материал для своих образов автор „Слова“. Не в меньшей мере пользовался он и устной народной поэзией. И это далеко не случайно. С народной поэзией связывают его не только художественные вкусы, но мировоззрение, политические взгляды. Поэтому нельзя говорить о механическом „влиянии“ на автора „Слова“ русской народной поэзии. Автор „Слова“ творит в формах народной поэзии потому, что сам он близок к народу, стоит на народной точке зрения.

Народные образы „Слова“ тесно связаны с его народными же идеями. Художественная сторона и идейная неотделимы в „Слове“ друг от друга. Вот, например, обычное в „Слове“ сравнение битвы с жатвой: „тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука“; „тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть,

хотять полетѣти на уедие“; „чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровию польяна: тугою взыдоша по Руской земли“; „на Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускихъ сыновъ“. Эти сравнения были очень часты в устной народной поэзии. Они обильно встречаются и позднее — в записях русских, украинских и белорусских песен, сделанных в XVIII, XIX и XX вв.

Распахана Шведская пашня,
Распахана солдатской белой грудью.
Òрана Шведская пашня
Солдатскими ногами.
Боронена Шведская пашня
Солдатскими руками.
Посеяна новая пашня
Солдатскими головами.
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

Или:

Не плугами поле, не сохами пораспахано,
А распахано поле конскими копытами,
Засеяно поле не всхожими семянами,
Засеяно казачьими головами,
Заволочено поле казачьими черными кудрями.

Или:

Чорна роля (пашня) заорана,
Кулями засіяна,
Білим тілом зволочена,
кров'ю сполощена.

Замечательно, однако, что это сравнение поля битвы с пашней в „Слове“ и в народной поэзии имеет глубокий идейный смысл. Это даже и не сравнение, а противопоставление. В „Слове“ и в народной поэзии противопоставляется война мирному труду, разрушение — созиданию, смерть — жизни (по-древнерусски „жизнь“ не только „существование“, но и богатство, плоды земледельческого труда — жито).

Благодаря образам мирного труда, пронизывающим все „Слово“ в целом, оно представляет собой апофеоз

мира. „Слово“ призывает к борьбе с половцами во имя защиты мирного труда, в первую очередь.

В этом противопоставлении созидательного труда — разрушению, мира — войне автор „Слова“ привлекает не только образы земледельческого труда, свойственные и народной поэзии, но и образы ремесленного труда, в народной поэзии отразившегося гораздо слабее, но как бы подтверждающего открытия археологов последнего времени высокого развития ремесла на Руси: „тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше“; „и начяша князи... сами на себѣ крамолу ковати“; „а князи сами на себе крамолу коваху“; „ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена“.

Это противопоставление мира войне пронизывает и другие части „Слова“. Автор „Слова“ обращается к народному образу пира как апофеоза мирного труда: „ту кровавого вина не доста; ту пир докончаша храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую“. С поразительной конкретностью противопоставляя русских их врагам, он называет последних „сватами“: Игорь Святославич, действительно, приходился „сватом“ Кончаку (дочь Кончака была помолвлена за сына Игоря — Владимира). Отсюда следует, что образ пира-битвы не просто „заимствован“ из народной поэзии, где он обычен, а умело осмыслен применительно к данному конкретному случаю. Той же цели противопоставления мира войне служат и женские образы „Слова о полку Игореве“ — „Ярославна“ и „красная Глебовна“.

Перед нами, следовательно, целая политическая концепция автора „Слова о полку Игореве“, в которую, как часть в целое, входят традиционные образы устной народной поэзии: „битва — молотьба“, „битва — пир“ и т. д.

Связь с народной поэзией ясно ощущается в „Слове“ и в изображении образов людей. Автор „Слова“, как было уже сказано, гиперболизирует своих героев. Эта гиперболизация — один из способов художественного обобщения, типичный и для устного эпоса. Подобно тому как в былинах богатырь соединяет в себе все свойства русского войска, русской дружины или русского

крестьянства, — в „Слове“ на положительных героев князей переносятся характеристика и подвиги его дружины. Перед нами в „Слове“ — начальная стадия того процесса, который в былинах привел в конце концов к тому, что русское войско оказалось поглощено собирательным образом богатыря.

Так, например, Всеволод буй тур прыщет на врагов стрелами, гремит о шлемы мечами харалужными; шлемы оварские „поскепаны“ его калеными саблями. Конечно, стрелы, мечи и сабли — не личные Всеволода. Автор „Слова“ говорит здесь о том, что Всеволод прыщет на врагов стрелами своей дружины, сражается ее мечами и саблями.

Подобно тому как Илья Муромец

Куда махнет — туда улица,
Куда перемахнет — туда переулок,

так и Всеволод буй тур — „камо туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы половецкыя“. Но различие между былиной и „Словом“ в том, что в былине Илья действует один, в „Слове“ же еще сохраняется сознание того, что Всеволод действует не сам, а с помощью своей дружины.

То же перенесение подвигов дружины на князя видим мы в „Слове“ и в других случаях. Святослав Киевский „притрепал“ коварство половцев „своими сильными плъкы и харалужными мечи“; Всеволод Суздальский может „Дон шеломы выльяти“, — конечно, не своим одним шлемом, а многими шлемами своей дружины. Ярослав Осмомысл заступает королю путь, затворяет Дунаю ворота, мечет тяжести через облака, отворяет Киеву ворота, стреляет со своего отцовского золотого стола салтанов за землями.

Встречаются в „Слове“ и другие признаки его тесной связи с устной народной поэзией: отрицательные метафоры („Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускихъ сыновъ“), некоторые типично народные эпитеты (чистое поле, серые волки, острые мечи, синее море, каленые стрелы, борзые кони, черный ворон, красные девы и мн. др.). Приводятся в „Слове“ слова плачей (плач Ярославны, плач русских

жен) и прославлений („Слово“ заключается „славой“ русским князьям).

Мы уже сказали выше, что эта связь автора „Слова“ с народной поэзией не была случайной. Действительно, в своих политических воззрениях автор „Слова“ не был ни дружинником, ни „придворным“. Он занимал свою, независимую патриотическую позицию, по духу своему близкую широким слоям трудового населения Руси. Его произведение — горячий призыв к единству Руси перед лицом внешней опасности, призыв к защите мирного созидательного труда русского населения — земледельцев и ремесленников. Вот почему и его художественная система тесно связана с русским народным творчеством.

Тем не менее, „Слово о полку Игореве“ — произведение письменное, а не устное. Как бы ни были в нем сильны элементы устной речи и народной поэзии, „Слово“ все же писалось, и писалось как литературное произведение. „Слово“ — не запись устно произнесенной речи или спетой исторической песни. „Слово“ было с самого начала написано его автором, хотя автор и „слышал“ все то, что он писал, проверял на слух его ритм, звучание.

Письменное происхождение „Слова“ сказывается прежде всего в смешении различных приемов устного народного творчества. В „Слове“ можно найти близость и к устной причети, и к былинам, и к славам, которые пелись князьям, и к лирической народной песне. Такого смешения фольклор не знает. Жанры в фольклоре строго разграничены. Лирическая песнь никогда не вставляется в былину; в причети не может оказаться кусок исторической песни. Не знает фольклор и того сложного построения, каким отличается „Слово“. В особенности противоречат фольклору постоянные и типичные для „Слова“ обращения от современности к прошлому. Наконец, в „Слове“ имеются и отдельные книжные выражения: „растѣкашется мыслию по древу“, „скача, славию, по мыслену древу“, „истягну умь крѣпостию своею“, „свивая славы оба пола сего времени, рища в тропу Трояню“, „спалъ князю умь похоти“ и некоторые другие. Замечательно, однако, что все эти немногие сложные и искусственные книжные обороты встречаются по преимуществу в начале „Слова“. Из всех частей „Слова“

его первая часть, — там, где автор колеблется в выборе своей манеры, — ближе всего стоит к книжной традиции, хотя и не подчинена ей целиком. С развитием действия автор „Слова“ отбрасывает все эти отдельные искусственные элементы книжной речи и пишет так, как говорит: горячо, страстно, проникаясь единственным стремлением убедить, взволновать, возбудить в своих читателях патриотические чувства. Автор как бы стремится освободиться от этих книжных, искусственных оборотов. Перед нами, таким образом, не следование традициям книжности, а отход от этих традиций, отход, который совершается в „Слове“ тут же — на глазах у читателей, по мере того как голос автора крепнет в его обращении к своим современникам. Вторая часть „Слова“ почти лишена элементов книжности.

Как бы ни была сложна художественная структура „Слова“, как бы ни было тесно связано „Слово“ с самыми разнообразными формами народной поэзии, с самыми разнообразными стихиями устной речи (с лексикой феодальной, военной, правовой, сельскохозяйственной и т. д.), — поэтическая система „Слова“ отличается строгим единством. Это единство обусловлено тем, что вся терминология, все формулы, все символы и привычные образы подверглись в „Слове“ поэтической переработке, все они конкретизированы, образная сущность их подчеркнута, выявлена, все они в своей основе связаны с русской действительностью XII в. и все они в той или иной мере *подчинены идейному содержанию произведения*.

Глава 11

РИТМ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

Исследователи давно обратили внимание на ритмичность „Слова“. Уже первые издатели „Слова“ многозначительно назвали его „ироической песнью“ („Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северскаго Игоря Святославича“, М., 1800), а последующие критики, ученые и поэты, писавшие о „Слове“ вскоре после его опубликования, почти в один голос признавали, что оно написано стихами.

В дальнейшем мнения ученых разошлись: одни считали „Слово“ написанным прозою, другие — стихами. Но и среди тех, кто считал „Слово“ стихотворным произведением, не было единства. Одни пытались разложить „Слово“ на трохеи и амфибрахии, другие находили в нем дактило-хореические гекзаметры. В ритмике „Слова“ усматривали родство с ритмикой украинских „дум“, с аллитерационным стихом скандинавских скальдов, с ритмом византийской церковной песни, со стихом русских былин и т. д. и т. п.

Уже одно перечисление тех стихотворных форм, с которыми сопоставлялось „Слово“, отчасти разъясняет несостоятельность попыток найти в „Слове“ какую-либо определенную стихотворную систему. И вместе с тем ритмичность „Слова“ ощущается очень сильно. Это происходит потому, что, не составляя никакой с и с т е м ы, „Слово“, тем не менее, все же ритмично.

Ритм „Слова“ все время меняется; „Слово“ с ритмической стороны „многосистемно“. Но переходы от одной системы к другой, от одного ритма к другому не составляют для читателя особых затруднений. Читатель верно угадывает и внутренне принимает каждый новый переход ритма, так как все изменения в ритмике „Слова“ самым точным образом подчинены смыслу. Ритм „Слова“ неотрывен от значения — и в этом состоит главный секрет той необыкновенной легкости и музыкальности текста, которая так поражает в „Слове“ его читателей. Ритм „Слова“ связан с синтаксисом. Мысль укладывается в пределах ритмического отрезка. Ритмические единицы и синтаксические в „Слове“ совпадают.

Тревожный ритм коротких синтаксически-смысловых единиц превосходно передает волнение Игоря перед бегством:

Игорь спитъ,
Игорь бдитъ,
Игорь мыслию поля мѣритъ.

Или

Кликну;
стукну земля,
въшумѣ трава,
вежи ся половецкии подвизашеся.

Иной ритм — ритм большого, свободного дыхания народного плача — ощущается в обращениях Ярославны к солнцу, к ветру, к Днепру:

О Днепре Словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы
сквозѣ землю Половецкую.
Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады
до плъку Кобякова.
Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ,
а быхъ не слала къ нему слезъ
на море рано.

Бодрый и энергичный ритм мчащегося войска чувствуется в описании черниговских кметей:

подъ трубами повити,
подъ шеломы възлѣлѣяни,
конець копия въскръмлени,

пути имь вѣдоми,
яругы имь знаеми,
луци у нихъ напряжени,
тули отворени,
сабли изъострени;
сами скачють акы сѣрыи влъци въ полѣ,
ищучи себе чти, а князю славѣ.

Торжество победы русских над половцами превосходно передано энергичной фразой, лишенной сказуемого и потому производящей впечатление радостного возгласа:

чрьленъ стягъ,
бѣла хорюговь,
чрьлена чолка,
сребрено стружие —
храброму Святъславличю!

Вместе с тем ритмичность „Слова“ теснейшим образом связана со всей его композицией. Ритмично все построение „Слова“ в целом. Ритмичны равномерные переходы от одной темы к другой. Ритмичны равномерно распределяющиеся в „Слове“ лирические отступления, повторяющиеся лирические восклицания. Дважды повторено в „Слове“ восклицание „О Русская земле! уже за шеломянемъ еси!“. Дважды повторено восклицание „А Игорева храбраго плъку не крѣсити!“. Трижды повторен призыв „За землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславича!“. Ритмично повторяются одинаково построенные обращения Ярославны к ветру, к Днепру и к солнцу. Ритмично сменяют друг друга призывы к русским князьям: к Всеволоду, к Рюрику и Давыду, к Ярославу Осмомыслу и т. д.

Ритмичность речи подчеркивают одинаковые начала фраз:

Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы;
ту кроваваго вина не доста;
ту пиръ докончаша храбрии русичи.

Ту нѣмци и венедици,
ту греци и морава...

Что ми шумить,
Что ми звенить.

Бишася день,
бишася другой.

Уже бо, братие, не веселая година въстала,
уже пустыни силу прикрыла.

Ритмичность достигается также сочетанием однотипно построенных предложений, составляющих единое целое:

притопта хлъми и яругы,
взмути рѣкы и озеры,
иссуши потокы и болота.

Или:

Уже снесеся хула на хвалу;
уже тресну нужда на волю;
уже връжеся дивь на землю.

Уныли голоси,
пониче веселие,
трубы трубятъ городеньскии.

Всеславъ князь людемъ *судяше,*
князем ъ грады *рядяше,*
а самъ въ ночь влъкомь *рыскаше.*

Солнце ему тьмою путь *заступаше,*
нощь стонущи ему грозою птичь *убуди.*

Ритм речи создают и излюбленные в „Слове" парные сочетания: „чти и живота", „свычая и обычая", „туга и тоска", „отъ Дона и отъ моря", „въ ты рати и въ ты полкы", „что ми шумить, что ми звенить", „хъльми и яругы", „рѣки и озера", „потокы и болота" и т. д. Не случаен также в „Слове" и синтаксический параллелизм:

Комони ржуть за Сулою —
звенить слава въ Кыевѣ;
трубы трубять въ Новѣградѣ, —
стоять стязи въ Путивлѣ!

Существенное значение в „Слове" имеет также ритмическое равновесие: несколько коротких синтаксических единиц сменяется одной или двумя длинными; несколько длинных заключаются одной или двумя короткими. Перед нами в „Слове" строго выработанная система кадансов, благодаря которой каждый раздел

„Слова“ имеет свой ритмически законченный рисунок.

Наконец, ритм в „Слове“ связан и с постоянными противопоставлениями:

> Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,
> а храбрии русици преградиша чрълеными щиты.
>
> рѣтко ратаевѣ кикахуть,
> нъ часто врани граяхуть.
>
> Коли Игорь соколомъ полетѣ,
> тогда Влуръ влъкомъ потече.

Противопоставления эти неразрывны с основным содержанием „Слова“, отвечают его идейному замыслу. В „Слове“ постоянно противопоставляется Русская земля половецкой стране „незнаемой“, храбрые русичи — половцам, мирный труд — войне.

Итак, гибкий ритм „Слова“ подчинен содержанию. Ритм „Слова“ меняется, близко следует смыслу, содержанию произведения. В этом точном соответствии ритмической формы и идейного содержания „Слова“ — одно из важнейших оснований своеобразной музыкальности его языка.

Глава 12

КОГДА И КЕМ БЫЛО НАПИСАНО „СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

Автор „Слова о полку Игореве“ — несомненно современник событий. Его осведомленность — типичная осведомленность современника, а не эрудита-книжника, воспроизводящего события по различного рода „историческим источникам“. Он не только знает больше, чем летописцы, — он видит и слышит события во всей яркости жизненных впечатлений.

Он знает, например, что во время битвы Игоря с половцами ветер дул со стороны половцев, и дважды об этом упоминает (в описании начала битвы и в плаче Ярославны). Эти южные ветры действительно типичны для этой части восточно-европейской равнины весной и летом.

Он знает и живо ощущает степную природу XII в.: свист сусликов, стук дятлов в поймах степных рек, повадки чернядей, гоголей и чаек, повадки соколов, лай лисиц на щиты, красного цвета которых они не выносили, и т. д. и т. п.[1]

Он знает о расположении дворца галицкого князя „высоко“ на горе; он знает, что Игорь ехал в Киев из Чернигова речным путем и поднимался „на горы“

[1] Н. В. Шарлемань. Из реального комментария к „Слову о полку Игореве“. Тр. Стд. древнерусск. лит., т. VI, М. — Л., 1948.

киевские от пристани по Боричеву взвозу; он знает о русских поселениях на Дунае; знает он и о том, что Нежатина Нива, на которой разыгралась битва 1076 г., находилась у черниговской речки Канины, и многое другое.

Как современник, разбирается автор „Слова" в политическом положении отдельных русских княжеств. С удивительной точностью оценивает автор политическое положение Владимиро-суздальского княжества, Галицкого, Полоцкой земли и т. д.[1] Только в самое последнее время оказались мы способны оценить правильность многих исторических указаний автора „Слова", до недавнего времени казавшихся ошибочными (например похороны Изяслава „у святой Софии" в Киеве; исследователи предполагали, что Изяслав был похоронен в Десятинной церкви).[2] Наконец, язык „Слова" несомненно язык второй половины XII в. Автор „Слова" употребляет политическую терминологию, которая начала входить в обиход только в 70-х годах XII в. (термин „господин" в отношении князя). Он правильно употребляет сложную феодальную и военную терминологию XII в. („всесть на конь", „испить шеломом из Дону, Волги"..., „обида", „понизить стяг", „потоптать", „преломить копье", „се мое, а то твое" (в „Слове" это последнее выражение иронически перестроено: „се мое, а то мое же"), „отец", „сын" (для обозначения феодальных отношений власти и подчинения) и т. д.[3]

Многие из этих терминов совершенно исчезли в языке послемонгольской поры.

Как показали исследования последнего времени, автор „Слова" употребляет тюркские слова в их типичной для XII в. форме.[4]

---

[1] А. В. Соловьев. Политический кругозор автора „Слова о полку Игореве". Историч. записки, № 25, М. — Л., 1948. — Д. С. Лихачев. Политический и исторический кругозор автора „Слова о полку Игореве". Сборн. „Слово о полку Игореве", изд. Инст. русск. лит. АН СССР, М. — Л., 1950.

[2] И. М. Кудрявцев. Заметка к тексту „С тоя же Каялы Святоплъкъ..." в „Слове о полку Игореве". Тр. Отд. древнерусской лит., М. — Л., 1949.

[3] Д. С. Лихачев. Устные основы поэтической системы „Слова о полку Игореве". Сборн. „Слово о полку Игореве", изд. Инст. русск. лит. АН СССР, М. — Л., 1950.

[4] С. Е. Малов. Тюркизмы в языке „Слова о полку Игореве". Изв. Отд. лит. и яз. АН СССР, т. V, 1946, вып. 2.

Закономерны для XII в. и грамматические формы языка „Слова о полку Игореве“, и особенности его лексики.[1]

Археологически точны все упоминания в „Слове“ оружия. Мечи, впоследствии переставшие применяться, в XII в. еще употреблялись наряду с начавшими входить в военный обиход саблями. Щиты русских, действительно, красились в черленый цвет. Шлемы князей были, действительно, золочеными. Массированное употребление стрел в начале боя, чтобы рассеять боевые порядки противника, было, действительно, общеупотребительным в XII в., напоминая дождь или град.[2]

Археологически точны указания на одежду („бебрян рукав“ Ярославны, „златое ожерелье“ — оплечье русских князей).[3]

Этнографически подтверждены и древнерусские поверья, отразившиеся в сне Святослава Киевского.[4]

„Паволоки“ и „драгыя оксамиты“, которые захватили воины Игоря в половецких вежах, — это те самые товары, с которыми приходили половцы торговать на Русь, покупая их в причерноморских городах у греков.

„Поскепанный“ (расщепленные) шлемы половецкие действительно могли быть расщеплены, так как делались из дерева и только покрывались стальной оковкой.

Действительно, славились на Руси угорские иноходцы. Пленных, действительно, заключали в „гридницах“ — больших пиршественных залах („и падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ, въ гридницѣ Святъславли“).

---

[1] Акад. С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка. М. — Л., 1946, стр. 132—198. — Д. С. Лихачев. Из наблюдений над лексикой „Слова о полку Игореве“. Изв. Отд. лит. и яз. АН СССР, т. VIII, 1949, вып. 6.

[2] А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. Докл. и сообщ. Истор. фак. Моск. Гос. унив., вып. 4, М., 1946. Ср. также гл. „Оружие“ в „Истории культуры древней Руси“ (т. I, М. — Л., 1948).

[3] А. В. Арциховский. Русская одежда X—XIII вв. Докл. и сообщ. . . . , вып. 3, М., 1945. Ср. также главу „Одежда“ в „Истории культуры древней Руси“, т. I, М. — Л., 1948.

[4] М. П. Алексеев. К „сну Святослава“ в „Слове о полку Игореве“. Сборн. „Слово о полку Игореве“, изд. Инст. русск. лит. АН СССР, М. — Л., 1950.

Даже такая деталь, как упоминание в „Слове“ „красных“ (т. е. красивых) девушек половецких, находит себе подтверждение у Низами в его поэме „Искендер-намэ“, где восхваляется их красота.

Можно было бы привести много других соображений в пользу того, что „Слово“ создано современником событий, но самое важное и убедительное — непререкаемая свежесть их впечатления. „Слово о полку Игореве“ — это не историческое повествование о далеком прошлом, это отклик на события своего времени, полный еще не притупившегося горя. Автор „Слова“ обращается в своем произведении к современникам событий, которым эти события были хорошо известны. Поэтому „Слово“ соткано из намеков, из напоминаний, из глухих указаний на то, что еще было перед глазами у всех его читателей-современников.

Есть и более точные указания в „Слове“ на то, что оно написано вскоре после описываемых событий. „Слово“ нигде не упоминает о событиях, происшедших после 1187 г. В 1196 г. умер буй тур Всеволод, в 1198 г. Игорь Святославич сел на княжение в Чернигове, не раз ходил перед тем вновь на половцев, но все это осталось без упоминаний в „Слове о полку Игореве“. Не упомянуты и другие события русской истории, случившиеся после 1187 г. В частности, „Слово“ в числе живых князей называет умершего в 1187 г. Ярослава Осмомысла Галицкого: к нему автор „Слова“ обращается с призывом „стрелять“ в Кончака „за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславича“. Отсюда ясно, что „Слово“ написано не позднее 1187 г.; но оно не могло быть написано и ранее 1187 г., так как оно заключается „славой“ „молодым“ князьям — в том числе и Владимиру Игоревичу, только в 1187 г. вернувшемуся из плена. Итак, „Слово о полку Игореве“ создано в 1187 г.

Кем был автор „Слова о полку Игореве“? Автор „Слова“ мог быть приближенным Игоря Святославича: он ему сочувствует. Он мог быть и приближенным Святослава Киевского: он сочувствует и ему. Он мог быть черниговцем и киевлянином. Он мог быть дружинником: дружинными понятиями он пользуется постоянно. Он, несомненно, был книжно образованным человеком

и по своему социальному положению он вряд ли принадлежал к эксплоатируемым классам населения. Однако в своих политических воззрениях он не был ни „придворным“, ни дружинником, ни защитником местных интересов, ни идеологом князей, бояр или духовенства. Где бы ни было создано „Слово“ — в Киеве, в Чернигове, в Галиче, в Полоцке или в Новгороде Северском, — оно не воплотило в себе никаких областных черт. И это произошло в первую очередь потому, что автор „Слова“ занимал свою независимую от правящей верхушки феодального общества патриотическую позицию. Ему были чужды местные интересы феодальных верхов и были близки интересы широких слоев трудового населения Руси — единых повсюду и повсюду стремившихся к единству Руси. „Слово о полку Игореве“ основано на устной народной поэзии — на творчестве трудовых масс населения Руси и выражает то стремление к единству Руси, которое было присуще им же. „Слово“ — горячий призыв к единству Руси перед лицом внешней опасности, призыв к защите мирного созидательного труда русского населения — земледельцев и ремесленников. Автор „Слова“, следовательно, выразитель чаяний и настроений трудового народа Руси.

Самое имя автора „Слова“ нам не известно и вряд ли станет когда-нибудь известным.

Все попытки точно выяснить имя автора „Слова“, которые до сих пор были сделаны, не выходят за пределы самых шатких и фантастических предположений.

Глава 13

„СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“ В ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Знакомство со „Словом“ отчетливо обнаруживается во всем последующем развитии древней русской литературы.

Так, например, в псковском „Апостоле“ 1307 г., хранящемся в Государственном Историческом музее в Москве („Апостол“ — это одна из богослужебных книг), читается следующая приписка, сделанная переписчиком на последнем листе рукописи: „Сего же лета бысть бой на Руськой земли Михаил с Юрьем о княженье новгородьское. При сих князех сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша в князех, котóры и веци скоротишася человеком“. Приписка эта в своей второй половине представляет собой переделку следующего места из „Слова“: „Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась“.

В самом начале XV в. „Слово“ послужило литературным образцом для создания „Задонщины“. „Задонщина“ — это небольшое поэтическое произведение, посвященное прославлению победы Дмитрия Донского на Куликовом поле „за Доном“. „Задонщина“ ведет это прославление, пользуясь образами „Слова о полку Игореве“, противопоставляя печальное прошлое радости победы.

Правда, автор „Задонщины“ не всюду понял „Слово“, исказил и ослабил многие его художественные образы.

Так, например, в „Слове о полку Игореве“ Днепр пробивает „каменные горы“, т. е. пороги; в „Задонщине“ это отнесено к Дону, — там Дон также пробивает каменные горы; но течение Дона не встречает на своем пути ни порогов, ни гор. В „Слове“ „дѣти бѣсови кликомъ поля перегородиша“, и мы знаем, действительно, что половцев было много, что они как стенами обступили русское войско; в „Задонщине“ же один только русский воин-монах Пересвет „свистом поля перегороди“, и т. д.[1]

Через „Задонщину“, а может быть и непосредственно, „Слово“ оказало влияние и на другое произведение о Донской битве — на так называемое „Сказание о Мамаевом побоище“.

В XVI в. „Слово“ без сомнения переписывалось в Пскове или в Новгороде (сгоревшая в пожаре 1812 г. рукопись „Слова“ была именно этого происхождения).

Повидимому, именно „Слово“ отразилось в псковской летописи в рассказе о битве под Оршою 1514 г.: „Бысть побоище велие москвичем с Литвою под городом под Оршою; и возкличаша и возопиша жены орешанки на трубы московскиа, и слышаше быти стуку и грому великому и межу москвич и Литвою. И вдариша москвичи на Литву, руския князи и бояре з дивными удальцы рускими сыновами на силную рать литовскую, и треснули копья московская, и гремят мечи булатные о шеломы литовскиа на поли Оршиском“.

Есть основание думать, что „Слово“ было знакомо автору Поэтической повести об осадном сидении казаков в Азове, составленной в середине XVII в.

Таким образом, „Слово о полку Игореве“ время от времени давало о себе знать в различных областях Руси. Его читали и переписывали, в нем искали вдох-

---

[1] Об отношении Задонщины к „Слову“ см.: В. П. Адрианова-Перетц. „Задонщина“. Тр. Отд. древнерусск. лит., т. VI, М.—Л., 1948.

новения для собственных произведений. Созданное на юге Руси, „Слово“ „не затерялось, — по выражению академика А. С. Орлова, — на границе дикого поля; оно обошло весь горизонт русской территории, не раз пересекло его окружность“.[1]

---

[1] А. С. Орлов. „Слово о полку Игореве“. М.—Л., 1946, стр. 6.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Более семи с половиной веков отделяет нас от времени создания „Слова о полку Игореве“, но протекшие столетия не ослабили для нас силы его идейности, не приглушили его поэтического звучания и не стерли красок. В чем же секрет неувядаемой жизненности „Слова“?

На протяжении предшествующих глав мы видели, как неразрывно соединял автор „Слова“ свои думы и надежды с думами и надеждами русского народа. Автор „Слова“ явился выразителем взглядов трудового народа Руси. Вместе с тем „Слово“ выросло в тесной связи с лучшими достижениями русской культуры своего времени. Содержание и форма неотделимы в „Слове“ друг от друга и оба вместе подчинены политическому, историческому и поэтическому мировоззрению народа, выразившемуся в „Слове“, в его глубокой человечности и народности.

Автор „Слова“ полон сильных человеческих чувств — простых и понятных и в наше время.

Рассказывая о походе Игоря, автор „Слова“ с такою силой переживает все события, что как бы не может удержать себя от вмешательства в них. Вместе со всей русскою природою он как бы хочет остановить Игоря на его гибельном пути, предупреждая его различными зловещими знамениями. Он с осязательной живостью рисует себе удаление русского войска и дважды восклицает: „О Руская земле! уже за шеломянемъ

еси!". Только бывавший в походах мог с такою меткостью передать душевные переживания воинов, перешедших границы родной земли.

Автор „Слова" почти слышит издалека шум битвы, но в душевном волнении как бы не может до конца осознать трагически надвинувшегося поражения, несмотря на всю его очевидность, — он восклицает: „Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями?". Только переживший сам душевную утрату мог с такою психологическою верностью передать свое смятенное состояние.

Автор „Слова" проникновенно и сочувственно понимает молодецкое презрение к роскоши воинов Игоря: потоптав „поганые" полки половецкие, они „помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмами и япончицами и кожухы начяшя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи половѣцкыми". Автор „Слова" сочувстьенно понимает предпочтение смерти плену, высказанное Игорем в начале похода. Он сочувствует и воинам, которые ищут „себѣ чти, а князю славы".

С ласковой чуткостью приоткрывает нам автор „Слова" и душевные переживания юной жены Игоря — Ярославны, плачущей по своем муже. Нежность Ярославны и суровость воинов — доступны и близки ему в равной степени.

Во всей сложности предстают перед нами в „Слове" и противоречивые переживания Святослава Всеволодовича Киевского при известии о поражении Игоря. Автор „Слова" проникает даже в замыслы врагов Руси, как бы подслушивая торопливый и злобный разговор половецких ханов Гзака и Кончака, гонящихся за Игорем, и песни красных готских дев, торжествующих победу половцев, и „буйство" хинов.

Глубокой человечностью веет на нас от пейзажа опустелой пашни. Печальная картина заброшенной нивы, на которой вместо покрикивающего на свою лошадь пахаря только вороны граят, „трупиа себѣ дѣляче", а галки „свою рѣчь говоряхуть", собираясь полететь на добычу, до боли сжимает сердце читателя и воспринимается как своеобразный плач автора о русском народе.

Перед нами в „Слове“ раскрываются лучшие, понятные и для нас человеческие чувства. Благодаря им „Слово“ продолжает нас волновать и до сих пор. Это одно из самых гуманистических произведений мировой литературы. Но человеческие чувства автора „Слова“ не оторваны от эпохи, от материальных условий, их породивших, от родины, их воспитавшей. Автор „Слова“ — русский прежде всего. Его чувства целиком подчинены всепроникающей любви его к родной ему Русской земле. И именно эта любовь к Родине, к русским людям до предела усиливает его чувства, делает их сложными, обостряет его слух, зрение, его поэтическое воображение.

Именно любовь к Родине и к родному ему народу помогает автору „Слова“ проникнуть в думы русских воинов, переступающих границу Русской земли у „шеломяни“. Она помогает ему ощутить тревогу бессонной ночи накануне сражения; она раскрывает ему скорбные переживания Ярославны, наполняет жгучим горем о погибших русских воинах его сердце.

Любовь к Родине и к русскому народу позволяет автору „Слова“ подглядеть и подслушать своим творческим воображением и беседу Игоря с Донцом, и пение дев на Дунае, и тревожные знамения природы, и радость русских городов и сел по поводу возвращения Игоря. Она заставляет его остро пережить и горечь поражения и радость от возвращения князей. Она же наполняет его ненавистью к врагам русского народа.

В основе гениальной наблюдательности автора „Слова“, в основе силы и свежести его человеческих чувств лежит его любовь к родной ему земле. Она, эта любовь, раскрыла перед ним всю глубину человеческих чувств, которыми он так щедро наделен, дала его произведению подлинную идейность, оказалась настоящей его поэтической вдохновительницей. Она водила его пером и определила собой глубокую народность содержания и формы „Слова“, наполнила „Слово“ напряженным лиризмом.

Она же, любовь к Родине, подняла его над пределами своего времени, сделала его произведение бессмертным и общечеловеческим — равно близким всем людям, подлинно любящим свою Родину и свой народ.

Вот почему значение „Слова“ так безмерно возросло в нашу великую советскую эпоху; вот почему оно находит такой горячий отклик в сердцах всех советских людей, беззаветно преданных своей Родине.

РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ИЗДАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ „СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“

1. Академик А. С. Орлов. „Слово о полку Игореве“. Издательство АН СССР; 1-е издание — М.—Л., 1938; 2-е издание — М.—Л., 1946 (текст и перевод).
2. „Слово о полку Игореве“. Подготовка текста, статья, перевод и комментарии Д. С. Лихачева. Малая серия Библиотеки Поэта. Издательство „Советский Писатель“, М.—Л., 1949.
3. „Слово о полку Игореве“, под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Серия „Литературные памятники“. Издательство АН СССР, М.—Л., 1950 (выходит из печати).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *В. А. Браиловский*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректор *Л. А. Ратнер*

*

РИСО АН СССР № 4476. Подписано к печати 14/IX 1950 г. М.-22557.
Бумага 82 Х 108 1/32. Бум. л. 2 9/16. Печ. л. 8.4 + 8 вкл. Уч. изд. л. 8. 3. Тираж 20.000.
Зак. № 1713.

1-я типография Издательства Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12.

5 руб.